PG3337
.G6
Z6476
1914

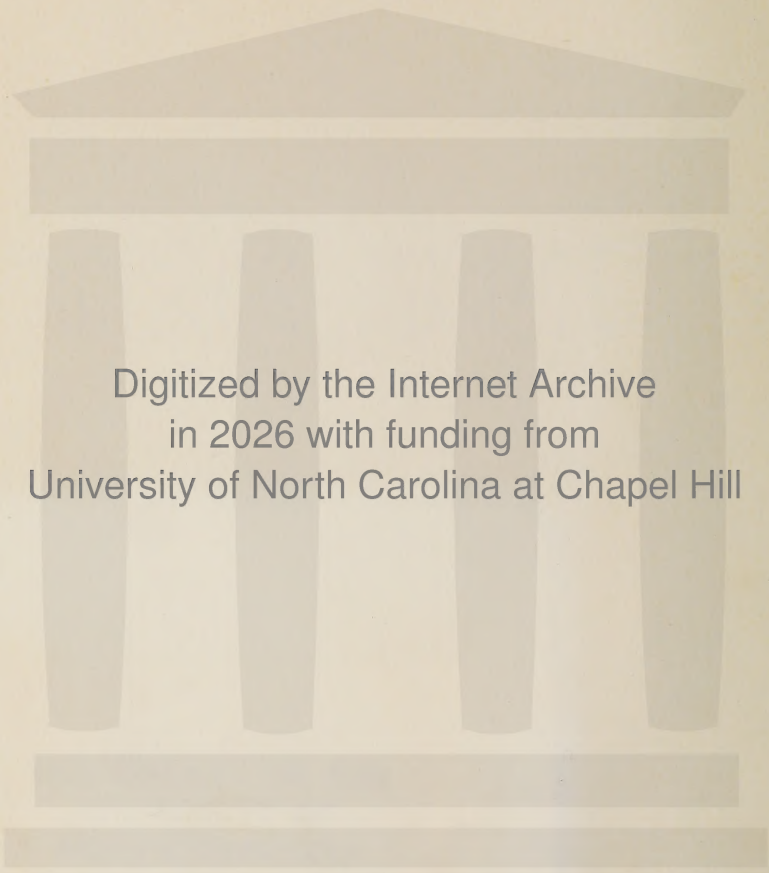
Ivan Aleksandrovich Goncharov.

B. A. Maikov

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

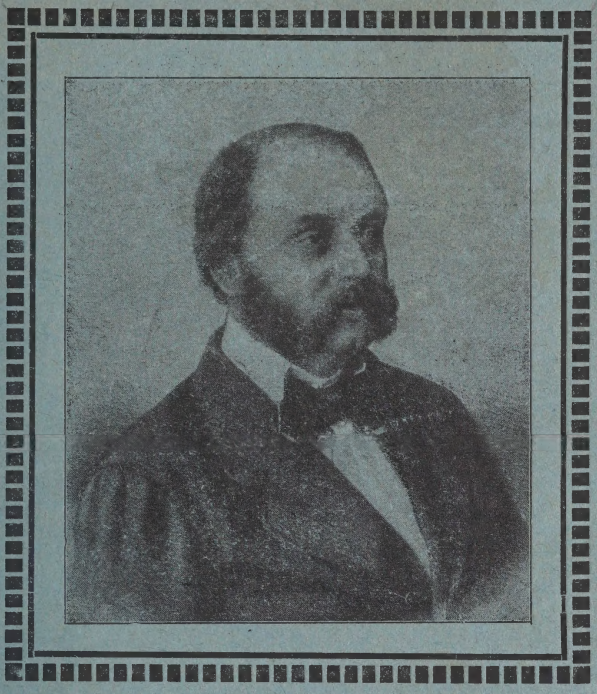
PG3337
.G6
Z6476


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ivanaleksandrovi00mako

13147/72

Б. А. МАЙКОВЪ.



ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ.

РАЗБОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

2-е, исправленное изданіе.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОРОСЪ“

Цѣна 80 коп.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Тип. Петра Ляскауера
въ Варшавѣ.

PG3337
.G6
Z6476
1914

Б. А. МАЙКОВЪ.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ.

Подробный разборъ его
главнѣйшихъ произведеній.

Книгоиздательское Товарищество „ОРОСЪ"
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1914 ВАРШАВА.

Книжка-раскладушка "ГОРОД"
с портрета ... 1984 ... ВАГИЗДАТ

Біографическій очеркъ.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился 6 іюня 1812 года въ Симбирскѣ.

Въ противоположность большинству писателей такъ называемой „плеяды сороковыхъ годовъ", онъ не принадлежалъ къ благородному дворянству, а къ купеческому сословію, что, однако, не помѣшало Гончарову впослѣдствіи стать выдающейся звѣздой на небосклонѣ русской литературы. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что ничего спеціально купеческаго, въ родѣ того, что изображаетъ Островскій въ своихъ произведеніяхъ изъ купеческаго міра, въ семьѣ Гончаровыхъ не было.

Среда и вся домашняя обстановка у Гончаровыхъ скорѣе напоминала зажиточную помѣщичью усадьбу, перенесенную въ губернскій городъ, чѣмъ купеческую среду или лавку.

Мать Гончарова послѣ смерти мужа осталась вдовой съ малолѣтними дѣтьми на рукахъ, изъ которыхъ будущему знаменитому писателю едва исполнилось три года. Обладая отъ природы недюжиннымъ умомъ, понимая всю пользу просвѣщенія, мать старалась дать своимъ дѣтямъ, по возможности, хорошее воспитаніе и образованіе. Матеріальныя средства и нѣкоторыя счастливыя обстоятельства значительно облегчали ей эту задачу. Дѣло въ томъ, что еще при жизни отца въ домѣ Гончаровыхъ поселился нѣкто Якубовъ (Трегубовъ), отставной офицеръ-морякъ; онъ случайно замѣтилъ возлѣ дома Гончаровыхъ большой флигель и нанялъ его, не

подозрѣвая, что проживетъ въ немъ до конца всю свою жизнь, и станетъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ семьѣ Гончаровыхъ. Старый холостякъ приросъ къ нимъ, сроднился; онъ былъ крестнымъ отцомъ дѣтей въ семьѣ Гончаровыхъ, а потомъ, когда семья осталась безъ главы, сталъ принимать участіе и въ ихъ воспитаніи.

„Добрый морякъ,— вспоминалъ въ послѣдствіи Гончаровъ, окружилъ себя нами, принялъ насъ подъ свое крыло, а мы привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія".

Якубовъ былъ человѣкъ серьезный и для своего времени въ высшей степени образованный; онъ много на своемъ вѣку видѣлъ, слышалъ, а еще больше прочелъ и передумалъ. Въ его распоряженіи была довольно большая библіотека, которую онъ постоянно пополнялъ выписываемыми изъ столицъ книгами; въ ней можно было найти почти все, касающееся человѣческаго знанія; особенно много было книгъ политическаго и историческаго содержанія; не было только русской беллетристики, которую Якубовъ не признавалъ достойной вниманія. Впрочемъ, и то сказать, русской беллетристики тогда въ собственномъ смыслѣ еще и не было.

Ставъ ближайшимъ другомъ семьи Гончаровыхъ и наставникомъ дѣтей, Якубовъ старался передать имъ свои знанія и въ этомъ отношеніи много успѣлъ сдѣлать. Бесѣды съ умнымъ и вдумчивымъ старикомъ имѣли весьма благотворное вліяніе на общее развитіе дѣтей; между прочимъ, разсказы стараго моряка о совершенныхъ имъ дальнихъ и кругосвѣтныхъ плаваньяхъ заронили въ душу Гончарова затаенную мечту когда-нибудь и самому побывать въ различныхъ отдаленныхъ краяхъ. Живой и правдивый разсказъ моряка-очевидца, слѣдовательно, сильно дѣйствовалъ на воспріимчивую душу мальчика. Съ самаго ранняго дѣтства любимымъ занятіемъ его стало чтеніе всевозможныхъ путешествій, и когда, много лѣтъ спустя, пришлось ему принять участіе въ отдаленномъ путешествіи къ берегамъ Японіи, онъ хорошо былъ подготовленъ къ нему теоретически изъ книгъ, относя-

щихся къ области путешествій, изъ которыхъ многія имѣли большую научную цѣнность.

Это было одно благопріятное условіе, давшее возможность мальчику рано начать свое умственное развитіе.

Другимъ счастливымъ обстоятельствомъ было то, что подъ рукой у Гончаровыхъ находился хорошій дѣтскій пансіонъ, гдѣ дѣло воспитанія и первоначальнаго обученія велось вполнѣ раціональнымъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что на другой сторонѣ Волги, въ имѣніи княгини Хованской, жилъ священникъ, рѣзко отличавшійся отъ типа обыкновеннаго заходустнаго попа. Это былъ человѣкъ въ высшей степени образованный, воспитанникъ одного изъ высшихъ духовныхъ заведеній, обладавшій широкимъ и гуманнымъ взглядомъ на вещи: женатъ онъ былъ на француженкѣ, и это-то содѣйствовало тому, что священникъ открылъ у себя пансіонъ для дѣтей богатыхъ окрестныхъ дворянъ; въ этотъ-то пансіонъ, по совѣту Якубова, и былъ отданъ молодой Гончаровъ.

Дѣло обученія и воспитанія велось въ этомъ пансіонѣ очень тщательно, священникъ и его жена не только слѣдили за ученіемъ своихъ питомцевъ, за ихъ школьными успѣхами, но и за чтеніемъ, подвергая послѣднее самому строгому выбору. Питомцамъ давались исключительно серьезныя книги, даже такая вещь, какъ „Бригадиръ" Фонвизина, была исключена изъ числа книгъ, годныхъ для чтенія въ пансіонѣ. Зато всѣ классики были къ услугамъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ, уже къ двѣнадцати годамъ Гончаровъ основательно познакомился съ произведеніями Державина, Хераскова, Озерова, Сумарокова и другихъ русскихъ и даже иностранныхъ писателей. Научное чтеніе не отставало отъ беллетристическаго. Въ періодъ пребыванія своего въ пансіонѣ, Гончаровъ прочелъ исторію Ролена, Голикова, путешествія Мунго-Парка, Крашенникова, Палласа и др.

Что же касается домашней обстановки, то она нисколько не измѣнилась за время отсутствія Гончарова. Все оставалось по прежнему. Домъ, какъ и раньше, представлялъ собою цѣлую помѣщичью усадьбу со множествомъ чулановъ, погребовъ, кладовыхъ, конюшенъ и т. п. домашнихъ удобствъ;

въ немъ, какъ и раньше, хранились неизсякаемые запасы всякой всячины, пополняемые къ тому же ежегодно нѣсколько разъ. При домѣ была многочисленная дворня, состоявшая изъ крѣпостныхъ и готовая, по первому приказанію своихъ господъ, исполнять всѣ ихъ прихоти. Словомъ, домъ былъ полная чаша. Жизнь въ немъ текла тихо и спокойно по заведенному разъ порядку; нарушать его никому не приходило въ голову: такъ пришелся онъ по вкусу каждаго и такъ соотвѣтствовалъ онъ врожденнымъ инстинктамъ лѣни и чисто физической жизни каждаго изъ обитателей этого дома. Всѣмъ въ немъ было тепло, уютно и хорошо, такъ зачѣмъ же, спрашивается, мѣнять этотъ режимъ, а что тамъ гдѣ-то, въ другомъ концѣ Россіи и Европы люди живутъ совершенно иной жизнью,— такъ это никого не интересовало изъ обитателей дома Гончаровыхъ, да врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ и подозрѣвалъ о существованіи иной жизни за предѣлами родного города.

Эта спокойная семейная обстановка, располагающая къ лѣни, къ умственному и физическому сну, въ значительной степени уравновѣшивалась вышеупомянутымъ пансіономъ, во всякомъ случаѣ она сильно повліяла на характеръ Гончарова, выработавъ въ немъ съ одной стороны медлительность въ манерѣ говорить, двигаться, работать, — дѣлать все не спѣша, а съ разстановкой, съ другой стороны — наблюдательность дала Гончарову почти неизсякаемый по богатству бытовой матеріалъ, послужившій впослѣдствіи основой при созданіи всѣхъ крупныхъ произведеній. Нѣтъ сомнѣнія, что ,,Обыкновенная исторія", ,,Обломовъ" и ,,Обрывъ" въ значительной степени обязаны въ своемъ возникновеніи воспоминаніямъ дѣтства. Не видя съ самыхъ раннихъ лѣтъ полной картины русской лѣни, апатіи, Гончаровъ не могъ такъ поразительно вѣрно представить ея въ Обломовѣ, или точнѣе во ,,Снѣ Обломова".

По выходѣ изъ пансіона, Гончарова увезли въ Москву и отдали въ коммерческое училище. Пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи особеннаго вліянія на складъ ума мальчика и на развитіе его характера не имѣло и кромѣ того прерывалось частыми и продолжительными поѣздками на роди-

ну, въ Симбирскъ, гдѣ жизнь текла по прежнему, но разъ заведенному порядку.

Въ 1831 году, по окончаніи коммерческаго училища, Гончаровъ выдержалъ вступительный экзаменъ въ московскій университетъ и записался на словесный факультетъ, который и окончилъ въ 1834 году, такъ какъ курсъ тогда былъ трехлѣтній. Подробности объ университетской и студенческой жизни Гончаровъ изобразилъ впослѣдствіи въ своихъ „Воспоминаніяхъ", изъ нихъ можно заключить, что и университетскія занятія и составъ профессоровъ пришлись Гончарову вполнѣ по душѣ; его отзывы о профессорахъ проникнуты глубокимъ уваженіемъ и самой теплой любовью. Дѣйствительно, московскій университетъ въ это время стоялъ на рубежѣ двухъ эпохъ своего существованія: въ немъ готовились, а отчасти уже и начались важныя реформы и измѣненія въ составѣ профессоровъ.

Цѣлый рядъ молодыхъ профессоровъ, вернувшихся изъ-за границы, какъ Павловъ, Шевыревъ, Надеждинъ и другіе, внесли въ университетское преподаваніе струю свѣжаго воздуха. Всѣ они были энтузіасты, давшіе своимъ юнымъ слушателямъ не столько теоретическія свѣдѣнія, сколько пробудившіе въ нихъ своимъ энтузіазмомъ любовь къ наукѣ и знанію. Это и было причиной того, что среди студентовъ кипѣла дружная и плодотворная работа; мысль проснулась и искала себѣ пищи, а молодыя силы — разумнаго и полезнаго примѣненія. Гончаровъ до конца жизни сохранилъ сердечную благодарность по отношенію къ своимъ профессорамъ за пробужденіе въ его душѣ научной пытливости и любви къ знанію.

Большая перемѣна происходила въ то время и въ студенчествѣ. Студентъ изъ бурша постепенно превращался въ молодого человѣка, поглощеннаго высшими стремленіями и идеалами. Прежнія шалости и дѣтскія выходки были забыты и уступили мѣсто серьезной работѣ; между ними организовались различные кружки, что еще болѣе поддавало студентамъ пылу и задору. Гончаровъ, благодаря своему флегматичному, выдержанному характеру не примкнулъ ни къ одно-

му изъ кружковъ; онъ даже не сошелся близко ни съ кѣмъ изъ товарищей студентовъ, но это происходило отнюдь не вслѣдствіе замкнутости или угрюмости характера, а благодаря той же флегматичности и отчасти природной лѣни, не дававшихъ Гончарову возможности заразиться всеобщимъ воодушевленіемъ и жаромъ. Шумныя и бурныя студенческія собранія съ безсвязными спорами и рѣчами были не по душѣ Гончарову, привыкшему къ тихой и спокойной жизни; между нимъ и товарищами было слишкомъ мало точекъ соприкосновенія. Умственное направленіе Гончарова было совсѣмъ иное, чѣмъ у большинства членовъ, входящихъ въ составъ того или другого кружка. Достаточно сказать, что въ университетѣ Гончаровъ увлекался Карамзинымъ и его историческими и политическими взглядами, тогда какъ для большинства тогдашней молодежи уже возникли другіе кумиры и идеалы. Происходила, такъ сказать, борьба и смѣна двухъ поколѣній, но къ ней-то Гончаровъ въ университетѣ и не былъ причастенъ. Сверстникъ ,,неистоваго Виссаріона", т. е. критика Бѣлинскаго, авторъ ,,Обыкновенной исторіи" — Гончаровъ въ университетѣ, да и потомъ, въ теченіе всей своей жизни держался въ сторонѣ отъ людей и тенденцій слишкомъ стремительныхъ, не принимающихъ во вниманіе требованій жизни. Этимъ слѣдуетъ объяснять отчужденность Гончарова отъ студенческой среды и отъ ея увлеченій. Гончаровъ по натурѣ своей никогда не былъ консерваторомъ, но не былъ и либераломъ въ бравурномъ значеніи этого слова; онъ всегда и во всемъ умѣлъ сохранить духовное равновѣсіе. Въ этомъ и заключается весь ключъ къ разгадкѣ духовной личности и характера Гончарова.

По окончаніи курса съ званіемъ дѣйствительнаго студента, Гончаровъ отправился домой, въ Симбирскъ, чтобы въ кругу родныхъ отдохнуть отъ шумной столичной жизни и обдумать свои дальнѣйшіе жизненные шаги.

Впослѣдствіи, въ своихъ воспоминаніяхъ Гончаровъ живо изобразилъ свои впечатлѣнія отъ своего посѣщенія родного города, представлявшаго поразительную картину сна и застоя; жизнь провинціальнаго города всецѣло охватила его, открыла предъ наблюдательнымъ умомъ Гончарова всѣ

свои тайны и видимыя язвы; подъ вліяніемъ этого у Гончарова, быть можетъ, впервые и стали вырисовываться характерныя черты ,,обломовщины", хоть до возникновенія законченныхъ художественныхъ образовъ было еще далеко. Тѣмъ временемъ по совѣту матери и крестнаго отца, Гончаровъ поступилъ на службу чиновникомъ при симбирскомъ губернаторѣ, но прослуживъ всего годъ, уѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился переводчикомъ въ канцелярію министерства финансовъ. Въ это же время онъ познакомился и сблизился съ семействомъ Майковыхъ, гдѣ давалъ дѣтямъ уроки русскаго языка. Въ домѣ Майковыхъ были сильно развиты высшіе духовные интересы; особенно интересовались въ немъ искусствами, живописью и литературой; былъ заведенъ даже домашній журналъ, въ которомъ принимали участіе дѣти и даже Гончаровъ. Впрочемъ, участіе въ этомъ полудѣтскомъ журналѣ никакъ нельзя считать началомъ литературной дѣятельности Гончарова; она началась гораздо позже, именно въ 1847 году, когда въ ,,Современникѣ" появилось первое произведеніе Гончарова ,,Обыкновенная исторія". Къ этому времени Гончаровъ уже совершенно обжился въ Петербургѣ, свелъ много литературныхъ знакомствъ и явно примкнулъ къ тому кружку писателей, которые изъ двухъ господствовавшихъ тогда у насъ типовъ литературнаго творчества: Шиллеровскаго и Гетевскаго, выбрали и поклонялись послѣднему. Гончарову, благодаря природному складу ума и характера, по душѣ, разумѣется, пришлось холодное олимпійское спокойствіе Гете. Это обстоятельство давало возможность Гончарову спокойно наблюдать текущую жизнь, вынашивать спокойно въ душѣ своей художественные образы и творить медленно, но безустанно. Эта спокойная, объективная работа, медленное и безустанное воспріниманіе текущей жизни душою писателя и возвращеніе обратно въ видѣ художественныхъ образовъ и картинъ,— сдѣлали первое же произведеніе Гончарова поразительнымъ по силѣ выраженія и эластичности. Успѣхъ романа былъ необычайный. На время приверженцы различныхъ литературныхъ партій и направленій замолкли и всѣ наперерывъ восторгались романомъ, отыскивая въ немъ подтвержденіе своихъ литературныхъ воззрѣній. Самъ же Гончаровъ и въ этомъ

случаѣ сохранилъ полное хладнокровіе и нейтральность своей литературной позиціи.

Такимъ образомъ, Гончаровъ вступилъ на литературную арену, имѣя 35 лѣтъ отъ роду, и это обстоятельство отозвалось благопріятно на его литературной славѣ. Никого не задѣвая, избѣгая задора, который такъ свойствененъ юности и людямъ нервнаго или неуравновѣшеннаго темперамента, того задора, колкости, которые больше всего злятъ и дразнятъ старое поколѣніе — Гончаровъ не нажилъ себѣ враговъ ни въ литературѣ, ни въ жизни и сталъ всеобщимъ любимцемъ публики.

Ко времени появленія въ печати ,,Обыкновенной исторіи'' относится и знакомство Гончарова съ Бѣлинскимъ, воспоминанія о которомъ онъ помѣстилъ впослѣдствіи въ особой статьѣ подъ заглавіемъ: ,,Воспоминанія о личности Бѣлинскаго''. Великій русскій критикъ первый призналъ талантъ Гончарова и оцѣнилъ по справедливости его особенности, слабыя и положительныя стороны романа. Бѣлинскій особенно подчеркивалъ объективный характеръ творчества Гончарова, указывалъ на положительную жизненную вѣрность его изображеній, на тонкость, легкость и изящество обрисовки какъ живыхъ лицъ, такъ и неодушевленныхъ предметовъ, при чемъ послѣднее соблюдается въ изображеніи даже самыхъ обыкновенныхъ будничныхъ предметовъ. Слабой стороной романа Бѣлинскій находитъ его конецъ, который, по мнѣнію критика, психологически невѣренъ, однако считалъ удачнымъ сопоставленіе двухъ поколѣній: стараго-романтическаго въ лицѣ Адуева-племянника и новаго-реальнаго въ лицѣ Адуева-дяди. Симпатіи автора и Бѣлинскаго были на сторонѣ, конечно, дяди, хотя оба признавали, что фигура племянника гораздо естественнѣе и художественнѣе.

Вслѣдъ за окончаніемъ ,,Обыкновенной исторіи'' Гончаровъ принялся за второй романъ изъ дѣйствительной жизни, первоначально самъ даже не зная, какое дать названіе своему произведенію. Уже въ 1849 году въ печати появились первые отрывки этого произведенія. Такъ напримѣръ отдѣльнымъ очеркомъ появился ,,Сонъ Обломова''. Работа надъ этимъ произведеніемъ была неожиданно прервана на продолжи-

тельное время путешествіемъ Гончарова къ берегамъ отдаленной Японіи, которое онъ совершилъ на военномъ фрегатѣ въ качествѣ личнаго секретаря адмирала Путятина.

Дѣло въ томъ, что послѣдній былъ отправленъ русскимъ правительствомъ въ Японію съ цѣлью, завязать торговыя сношенія съ этою, мало извѣстною тогда европейцамъ, страною. Путешествіе было продолжительное, нужно было обогнуть Африку, проѣхать вдоль южныхъ и восточныхъ береговъ Азіи и стать на рейдѣ въ Нагасаки; пароходовъ тогда еще почти не было и все путешествіе пришлось совершить на парусномъ суднѣ, которое носило громкое названіе ,,Фрегатъ Паллада"; неудивительно, что плаваніе продолжалось болѣе двухъ лѣтъ; во время него Гончаровъ велъ путевыя замѣтки и, время отъ времени отправлялъ ихъ на родину, гдѣ онѣ и печатались въ различныхъ журналахъ, преимущественно же въ ,,Морскомъ Сборникѣ". Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ всѣ эти замѣтки, собранныя и пересмотрѣнныя Гончаровымъ, вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ и получили общее названіе ,,Фрегатъ Паллада".

Возвратившись черезъ Владивостокъ и восточную Сибирь въ Россію, Гончаровъ дѣятельно принялся за окончаніе своего романа, который рѣшилъ назвать по имени главнаго дѣйствующаго лица ,,Обломовъ"; даже во время путешествія Гончаровъ обдумывалъ и отдѣлывалъ отдѣльныя сцены; теперь же, по возвращеніи въ Россію, онъ усердно занялся этимъ произведеніемъ; всего же надъ ,,Обломовымъ" Гончарову пришлось поработать около шести лѣтъ, и только въ 1858 году это произведеніе появилось въ печати въ своемъ полномъ видѣ.

Успѣхъ этого романа провзошелъ всякія ожиданія. Ни одному изъ русскихъ писателей до того времени при жизни не выпадали столь шумныя и восторженныя похвалы публики, какъ Гончарову. Критика различныхъ направленій единодушно отнеслась къ роману восторженно. Обломовъ и обломовщина вскорѣ стали именами нарицательными и вошли во всеобщее употребленіе. Каждый изъ русскихъ читающихъ людей понялъ и увидѣлъ въ Обломовѣ самого себя, если и не въ цѣломъ объемѣ, что хоть значительную часть. Многіе ду-

мали оправдать себя, отрѣшиться отъ всякой связи съ Обломовымъ тѣмъ соображеніемъ, что будто въ этомъ типѣ авторъ имѣлъ въ виду представить дореформеннаго русскаго барина, но жизнь сама отбросила это доказательство, обнаруживъ, что Обломовы были въ Россіи и до освобожденія крестьянъ и послѣ его. Это типъ не временно-историческій, а племенный и безсмертный, стереть котораго нельзя никакими манифестами и указами; такъ болѣзнь, которою былъ боленъ Обломовъ, какъ проклятое наслѣдье, досталась всему славянскому племени. Въ этомъ и заключается тайна успѣха романа, его безсмертія.

„Обломовъ" произвелъ истинный фуроръ въ читающей публикѣ, а Гончаровъ тѣмъ временемъ спокойно сидѣлъ за границей, въ Киссингенѣ, и обдумывалъ новое произведеніе; и въ этомъ случаѣ Гончаровъ, бросившій публикѣ свое произведеніе, оставался въ сторонѣ отъ всѣхъ ея восторговъ и увлеченій, предоставляя ей самой вырабатывать ему имя первокласснаго русскаго писателя.

Въ 1868 году на страницахъ „Вѣстника Европы" появилось третье крупное произведеніе Гончарова подъ заглавіемъ „Обрывъ". Авторъ задумалъ его еще въ 1849 году и первоначально назвалъ его „Художникъ", но впослѣдствіи измѣнилъ свое намѣреніе. Изъ приведенныхъ хронологическихъ датъ видно, что надъ „Обрывомъ" Гончаровъ работалъ около двадцати лѣтъ, а потому это произведеніе какъ по размѣрамъ, такъ и по содержанію, по количеству выведенныхъ лицъ, по отдѣлкѣ сценъ, должно превосходить другія произведенія Гончарова.

Обильнымъ матеріаломъ, послужившимъ Гончарову при созданіи этого произведенія, послужила вся родная обстановка и знакомыя лица въ Симбирскѣ, куда онъ вновь пріѣхалъ. Тутъ толпой хлынули на него старыя впечатлѣнія и лица. Гончаровъ воочію убѣдился, что патріархальный бытъ еще не отжилъ свой вѣкъ, что онъ держится еще очень прочно, хотя рядомъ съ нимъ новая жизнь и успѣла уже пустить молодые, свѣжіе побѣги. Въ романѣ своемъ Гончаровъ и имѣлъ въ виду представить развитіе этихъ новыхъ побѣговъ изъ стараго, дряхлѣющаго дерева. Дерево это, однако, тѣмъ хорошо,

что обладаетъ въ достаточной степени жизненными соками, чтобы пустить новые побѣги. Этою жизнеспособностью оно и привлекаетъ вниманіе и симпатію автора. Все дѣлается своимъ чередомъ, и въ жизни не должно быть рѣзкихъ переходовъ: старое дряхлѣетъ, умираетъ, уступая мѣсто новому, молодому и свѣжему, но органически, старое и молодое тѣсно связано между собою; одно является продолженіемъ другого, составляя непрерывную цѣпь.

Въ „Обрывѣ" Гончаровъ и представляетъ рядъ лицъ и всю русскую жизнь въ ея преемственной связи, медленное, но постепенное пробужденіе русскаго общества отъ обломовской спячки. Самъ авторъ замѣтилъ, что Райскій, главный герой романа, является ближайшимъ потомкомъ Обломова, но взятый лишь въ моментъ пробужденія. Сознаніе въ Райскомъ уже пробудилось, равно, какъ и жажда разумной дѣятельности, но въ немъ не выработалось еще умѣніе примѣнять на дѣлѣ своихъ способностей, знаній и энергіи.

То же самое почти можно сказать о Вѣрѣ; она серьезная и глубокая натура, жаждущая разумной жизни и дѣятельности; она уже сознаетъ свое достоинство и тѣмъ представляетъ въ русской жизни новый типъ въ противоположность Пушкинской Татьянѣ и Марѳинькѣ изъ того же „Обрыва".

Человѣка, уже совершенно „пробудившагося", долженъ представлять въ романѣ Тушинъ, но онъ обрисованъ слегка и не ясно. Это все новые побѣги.

Маркъ Волоховъ представляетъ уродливое уклоненіе молодого побѣга отъ нормальнаго развитія, но онъ нисколько не нарушаетъ общаго хода романа.

А старое, могучее дерево, дающее соки новымъ побѣгамъ, кормящее и поддерживающее ихъ, пока они не превратились въ крѣпкія и стройныя деревья это — бабушка съ ея трезвымъ взглядомъ на жизнь и людей, вся ея обстановка и цѣлая нескончаемая вереница лицъ, изъ которыхъ одни очерчены съ поразительною полнотою, какъ Марѳинька, Викентьевъ, а другія вскользь, какъ Савелій, Титъ Никонычъ, Егорька и множество другихъ, выведенныхъ въ романѣ эпизодиче-

ски, но безъ которыхъ картина старой, дореформенной жизни была бы не полна.

„Обрывъ" не былъ встрѣченъ столь восторженно публикой и критикой, какъ предыдущіе романы Гончарова. Автора и его произведенія не поняли, въ фигурѣ Марка Волохова увидѣли сознательную карикатуру на все русское молодое поколѣніе. Молодежь обидѣлась и отвернулась отъ Гончарова; послѣдній въ свою очередь, обиженъ былъ непониманіемъ публики и оказаннымъ пріемомъ. Между авторомъ и публикой вслѣдствіе этого возникло нѣкоторое охлажденіе и отчужденность. Молодежь, нападая на автора „Обрыва", упрекала его въ явно выраженной въ романѣ симпатіи къ старинѣ, а Гончаровъ не думалъ отрицать этого, онъ искренно считалъ старину здоровою и сильною, жизне способною и возлагалъ всѣ свои надежды на примиреніе новаго со старымъ, что и выразилъ въ „Обрывѣ". Молодежь же не могла признать столь уравновѣшенной точки зрѣнія Гончарова, возникшей, впрочемъ, у него вслѣдствіе огромнаго жизненнаго опыта и объективности. Для молодежи не могло быть и рѣчи ни о какомъ примиреніи, и у ней Гончаровъ прослылъ ретроградомъ, пѣвцомъ барства и лѣни.

Отчужденность публики дѣйствовала самымъ угнетающимъ образомъ на Гончарова. Надо помнить, что въ этотъ періодъ ему было уже подъ 60 лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ тяжело разстаться съ каждымъ листкомъ изъ лавроваго вѣнка. Гончаровъ замыкается, уходитъ внутрь своей души и, хоть продолжаетъ писать, однако печатаетъ уже мало и явно сторонится отъ публики, не желая давать ей ни малѣйшаго повода къ какому бы то ни было сужденію о немъ.

Въ 1873 году Гончаровъ, дослужившись до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, покинулъ службу.

Онъ поселился на Моховой улицѣ, въ комфортабельно обставленной квартирѣ, сохраняя привычки и образъ жизни стараго холостяка. Не принимая у себя почти никого, Гончаровъ цѣлыми днями просиживалъ въ своемъ кабинетѣ, то пересматривая свои рукописи, то съ какой-нибудь книгой въ рукахъ.

Требовательность Гончарова въ этотъ періодъ жизни къ своимъ литературнымъ произведеніямъ была поразительна; онъ былъ крайне строгъ къ себѣ въ этомъ отношеніи. Печаталъ мало и крайне осторожно, полагаясь больше на мнѣніе различныхъ свѣдущихъ лицъ въ литературѣ болѣе, чѣмъ на свое собственное. Многія рукописи онъ сжегъ, не показавъ ихъ вовсе никому. Перечень его литературныхъ произведеній за этотъ послѣдній періодъ жизни крайне не великъ: „Литературный вечеръ" (1877 г.), „Милліонъ терзаній" (1881 г.) „Замѣтки о личности Бѣлинскаго" (1884 г.), „Лучше поздно, чѣмъ никогда", „Воспоминанія", „Слуги" и нѣсколько другихъ мелкихъ произведеній, не имѣющихъ большой цѣнности со стороны художественной.

По выходѣ въ отставку Гончаровъ прожилъ еще около 20 лѣтъ, страдая послѣдніе годы своей жизни различнаго рода недугами.

15 сентября 1891 г. Гончаровъ скончался спокойно, какъ и жилъ. Безбоязненное отношеніе къ смерти не покидало Гончарова до послѣдней минуты. Похороненъ Гончаровъ въ Петербургѣ, на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Особенности таланта Гончарова.

Съ самаго ранняго дѣтства Гончаровъ жилъ на Волгѣ Его чуткая, художественная натура невольно воспринимала красоты поволжской природы; въ его мозгу безсознательно укладывались картины природы, жизнь и бытъ окружающей его среды, мало-по-малу составляя богатый запасъ наблюденій и образовъ, нашедшихъ впослѣдствіи мѣсто въ его литературныхъ произведеніяхъ. Въ его душѣ безсознательно, какъ на чувствительномъ негативѣ, запечатлѣлся и внѣшній обликъ соннаго Симбирска въ знойный лѣтній день, и деревня обломовскаго округа, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ какъ-будто замершая природа и застывшій вообще весь не-

одушевленный міръ и, только тамъ, гдѣ-то вдали, точно случайно или нехотя, медленно и лѣниво копошится человѣкъ, обладающій допотопнымъ, темнымъ міросозерцаніемъ, и барскую усадьбу, занятую отъ мала до велика почти исключительно одною заботой — поплотнѣе да повкуснѣе наѣсться, а затѣмъ завалиться спать. Передъ нимъ одинъ за другимъ проходили люди всевозможныхъ профессій, нравовъ и темпераментовъ, помимо его сознанія укладывавшагося въ его воображеніи, подобно тому, какъ все отражается въ зеркалѣ, съ тою только разницею, что зеркало не задерживаетъ въ себѣ отраженій, а натура Гончарова копила все то, что предъ нею проходило.

Такимъ образомъ подготовлялся тотъ писатель-объективистъ, писавшій свои произведенія при помощи картинъ, а не умственныхъ выводовъ, какого мы знаемъ въ Гончаровѣ. „Художникъ мыслитъ образами", сказалъ Бѣлинскій, и это, какъ нельзя лучше, приложимо къ Гончарову.

Въ 1848 году, говоря объ „Обыкновенной исторіи", тотъ же критикъ указалъ наиболѣе рельефную черту творчества Гончарова — чистую объективную художественность, удивительное умѣніе рисовать. „Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей, онъ одинъ, только онъ одинъ, приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство и тѣмъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто, кромѣ таланта; онъ больше чѣмъ кто-нибудь другой теперь поэтъ, художникъ, и больше ничего". Почти то же сказалъ и Добролюбовъ черезъ десять лѣтъ при появленіи въ печати „Обломова". Въ умѣніи схватывать образъ предмета, отчеканить, изваять его — заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова". На эту же сторону таланта указываетъ и Дружининъ. „Мы всегда видѣли, и видимъ теперь въ авторѣ „Обломова" одного изъ сильнѣйшихъ современныхъ русскихъ художниковъ. Это художникъ чистый и независимый, художникъ по призванію и по всей цѣльности того, что имъ сдѣлано". Всѣ произведенія Гончарова поражаютъ отсутствіемъ „выдумки", всѣ они неподражаемо вѣрно передаютъ дѣйствительность со всѣми ея дурными и хорошими сторонами и подробностями. Всѣ выведенныя имъ ли

ца срисованы съ жизни. Свое вниманіе онъ останавливалъ на явленіяхъ жизни вполнѣ установившихся. По его мнѣнію, писать съ жизни еще не сложившейся, гдѣ формы не устоялись, лица не наслоились въ типы, въ высшей степени трудно, вѣрнѣе, невозможно. Этою особенностью таланта Гончарова объясняется, почему онъ подолгу и съ любовью останавливается на уже завершившихъ свой кругъ развитія формахъ жизни, на тѣхъ сторонахъ ея, которыя являются прошлымъ для его эпохи, а въ проходныхъ типахъ, какъ молодой Адуевъ, Райскій, наиболѣе ярко оттѣняетъ тѣ черты, которыя ставятъ ихъ въ непосредственную связь съ прошлымъ. По той же причинѣ люди будущаго, жизнь которыхъ „еще трепещетъ въ процессѣ броженія", какъ, напримѣръ, Штольцъ, Маркъ Волоховъ и Тушинъ такъ блѣдно имъ очерчены, что кажутся своего рода призраками въ сравненіи съ поражающими своей пластичностью представителями стараго вѣка. Гончарову приходилось ихъ выдумывать, изобрѣтать, а потому они являются фикціей, идеей, а не живыми людьми.

Кромѣ того, рисуя какое-нибудь явленіе, напримѣръ, лѣнь Обломова, Гончаровъ не старается воспользоваться выводами, объясненіями или перечисленіями его дѣйствій или привычекъ а посредствомъ изображенія его самого со всею окружающей его обстановкой, такъ, что читателю остается только слѣдить за Обломовымъ, всматриваться въ него, и въ его поступки и уже самому дѣлать выводы. Но Гончаровъ пишетъ такъ, что эти выводы никакъ не могутъ оказаться ошибочными, разумѣется при томъ условіи, если читатель не лишенъ нѣкоторой доли художественнаго чутья. Гончаровъ никогда не ошибается, пока рисуетъ, дѣлаетъ снимокъ съ того, что онъ наблюдалъ, но какъ только онъ желаетъ что-нибудь объяснить, сказать при посредствѣ разсужденія, сейчасъ же начинаетъ дѣлать одну ошибку за другою. Почему же это такъ? Да потому, что Гончаровъ художникъ, а не мыслитель, потому, что воображеніе и инстинктъ у него безошибочны, а выводы умственные сплошь да рядомъ невѣрны.

По своей изумительной трезвости взгляда на міръ и жизнь, Гончаровъ приближается къ одному Пушкину. Тургеневъ опьяненъ красотою, Достоевскій — страданіями людей,

Левъ Толстой — жаждой истины — и всѣ они наблюдаютъ жизнь съ особенной точки зрѣнія и дѣйствительность подъ ихъ перомъ немного искажается, какъ очертанія предметовъ на взволнованной поверхности воды.

У Гончарова нѣтъ волненія. Никого не превознося, ничему не удивляясь, ничему намѣренно не поучая Гончаровъ рисуетъ совершенно реально то, что было; какъ пушкинскій Пименъ, описываетъ добро и зло, не мудрствуя лукаво, и именно тогда и великъ, когда не мудрствуетъ, а изображаетъ, что самъ видѣлъ и слышалъ. Въ душѣ Гончарова жизнь рисуется невозмутимо ясно, какъ мельчайшія былинки и далекія звѣзды отражаются въ лѣсномъ, глубокомъ родникѣ, защищенномъ отъ вѣтра. Трезвость, простота и здоровье могучаго таланта, отсутствіе пессимизма, имѣютъ въ себѣ что-то обаятельное, освѣжающее. Какъ бы ни были прекрасны созданія другихъ писателей, въ нихъ почти всегда есть какой-нибудь темный уголъ, откуда вѣетъ на читателя холодомъ и ужасомъ. Такихъ темныхъ, страшныхъ угловъ нѣтъ у Гончарова. Все грандіозное зданіе его эпопей озарено ровнымъ свѣтомъ, теплой разумной любви къ человѣческой жизни. Въ то же время талантъ Гончарова не обладаетъ способностью проникать вглубь изображаемыхъ явленій, вскрывать путемъ анализа ихъ сущность и значеніе; но онъ, однако, силенъ другимъ умѣніемъ изображать жизнь во всемъ ея внѣшнемъ разнообразіи и полнотѣ. Вслѣдствіе этого у Гончарова преобладаетъ необыкновенная эластичность изображенія, обрисовка едва уловимыхъ деталей, мелочей, ускользающихъ отъ взора поверхностнаго наблюдателя, но имѣющихъ огромное значеніе для того, кто вдумчиво относится къ жизни. Возьмемъ для примѣра одну изъ многочисленныхъ сценъ, характеризующихъ въ этомъ отношеніи художественную манеру Гончарова. Изображается отъѣздъ молодого Адуева изъ роднаго гнѣзда. Несмотря на то, что центръ тяжести заключается въ изображеніи самой разлуки, Гончаровъ не упускаетъ случая разсказать о томъ, какъ, „коренная безпрестанно поднимала и трясла голову. Колокольчикъ издавалъ при этомъ всякій разъ рѣзкій звукъ, напоминающій о разлукѣ, а пристяжныя стояли, задумчиво опустивъ головы, какъ будто понимая всю

прелесть предстоящаго имъ путешествія — и изрѣдка обмахивались хвостами или протягивали нижнюю губу къ коренной лошади" и т. д.

Возьмемъ другой примѣръ. Описываетъ Гончаровъ комнату, въ которой живетъ Илья Ильичъ Обломовъ. Онъ не преминетъ обратить вниманіе читателя на осѣвшій задокъ дивана, на паутину, въ видѣ фестоновъ по угламъ, на забытое на диванѣ полотенце, на неубранную отъ вчерашняго ужина тарелку съ солониной. Этимъ своимъ умѣніемъ вырисовывать мелкія детали изображаемой жизни, Гончаровъ напоминаетъ величайшаго представителя эпическаго творчества — безсмертнаго автора ,,Иліады" и ,,Одиссеи". Гомеръ въ описаніяхъ подолгу останавливается съ особенною любовью на прозаическихъ подробностяхъ жизни. Онъ до мельчайшихъ подробностей изображаетъ, какъ герои и полубоги ѣдятъ, пьютъ, купаются, спятъ, одѣваются. Для Гомера нѣтъ некрасиваго въ жизни. Также наивно и просто, какъ говоритъ онъ о смерти великихъ мужей, о совѣтѣ боговъ, о разрушеніи Трои, онъ разсказываетъ о грязномъ платьѣ, которое отправилась мыть на рѣчку царская дочь Навзикая съ рабынями. Такая же античная, свѣтлая, любовь къ обыденной, повседневной сторонѣ жизни, такая же способность однимъ прикосновеніемъ преображать прозу дѣйствительности въ поэзію и красоту— составляетъ также характерную черту таланта Гончарова. Припомнимъ хотя бы ,,Сонъ Обламова". Ѣда, чаепитіе, заказываніе кушаній, болтовня, забавы старосвѣтскихъ помѣщиковъ, принимаютъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ гомеровскія, идеальныя очертанія. Вотъ какъ изображается смѣхъ этихъ счастливыхъ людей: ,,Хохотъ разлился по всему обществу, проникъ до передней и до дѣвичьей, объялъ весь домъ, всѣ вспоминаютъ забавный случай, всѣ хохочутъ долго, дружно, несказанно, какъ олимпійскіе боги. Только начнутъ умолкать, кто-нибудь подхватитъ опять — и пошло писать". И дальше, почти на цѣлой страницѣ описывается этотъ гомерической хохотъ. Патріархальные же нравы обломовскихъ помѣщиковъ, до такой степени фантастичны и несовременны, что напоминаютъ сказку.

Теперь перейдемъ къ особенностямъ юмора Гончарова.

Характерныя черты въ самомъ романистѣ, всегда уважавшемъ все высокое и прекрасное, можетъ быть, и образовали въ немъ совсѣмъ особый, наивный, какъ бы безразличный, свѣтлый юморъ, который рѣзко отличается отъ грустнаго юмора Тургенева, и особенно Гоголя. Гоголь сквозь смѣхъ плачетъ кровавыми слезами надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, надъ пріобрѣтателемъ Чичиковымъ, надъ бѣднымъ художникомъ, надъ чудачествомъ поссорившихся изъ-за гусака друзей, или погибшими отъ застоя мысли старосвѣтскими помѣщиками. Тургеневъ горько смѣется надъ несчастнымъ лишнимъ человѣкомъ, надъ классными барышнями, губящими себя по своей простотѣ и недомыслію, надъ безобразіями крѣпостного права. Для Гончарова-же совершенно безразлично надъ чѣмъ бы посмѣяться, лишь бы оно было на самомъ дѣлѣ смѣшно,— будь это безсердечный чиновникъ, сгубившій жену — Петръ Ивановичъ Адуевъ, или дармоѣдъ казны, Аяновъ; солдаты-ли ссадившіе себѣ отъ жары на спинѣ всю кожу, идіотское-ли равнодушіе къ побоямъ матросиковъ, распѣвающій-ли въ Африкѣ романсы офицерикъ, или Савелій, едва не убившій полѣномъ жену Маринку. Однимъ словомъ, какія бы явленія жизни не представлялись Гончарову, они для него объектъ созерцанія, возбуждающій въ немъ добродушную улыбку надъ человѣческой глупостью и уродливостью, нарушающими гармонію добра, красоты и правды. Юморъ Гончарова— только снисходительная, добродушная улыбка взрослаго человѣка надъ балующимися дѣтьми.

„Обыкновенная исторія".

Общія замѣчанія.

Литературная дѣятельность Гончарова, какъ извѣстно, началась довольно поздно: ему было 35 лѣтъ, когда въ печати появилось его первое произведеніе „Обыкновенная исторія", напечатанное въ 1847 г.

Романъ новаго писателя обратилъ на себя всеобщее вниманіе, какъ публики, такъ и критики, которая отозвалась въ высшей степени сочувственно. Знаменитый критикъ Бѣлинскій подробно разобралъ вновь появившійся романъ, далъ о немъ одобрительный отзывъ и указалъ на характеръ творчества автора.

Въ своемъ романѣ „Обыкновенная исторія", Гончаровъ рисуетъ столкновеніе двухъ совершенно противоположныхъ теченій въ современномъ обществѣ. Представителемъ романтическаго, мечтательнаго направленія является Адуевъ-племянникъ, представителемъ практическаго, дѣлового, трезваго направленія — Адуевъ-дядя. Хотя послѣдній на много старше своего племянника, однако въ романѣ онъ является представителемъ новаго, нарождающагося направленія, которое заключалось въ сознаніи необходимости труда, въ стремленіи къ живой и полезной дѣятельности, чуждой рутины и застоя. Повидимому, симпатіи автора всецѣло на сторонѣ дяди, однако образъ племянника вышелъ удачнѣе и живѣе. Бѣлинскій въ своей критической статьѣ тоже высказалъ болѣе сочувствія новому направленію, такъ какъ въ эту эпоху онъ относился враждебно ко всякаго рода проявленіямъ романтизма въ литературѣ и въ жизни и трезвый реализмъ, пониманіе дѣйствительности и сознательную практическую работу, ставилъ выше всякихъ мечтаній. Однако Бѣлинскій отмѣтилъ въ характерѣ Адуева-дяди — сухую разсудочность, душевный холодъ, эгоизмъ, чему понятно сочувствовать не могъ. Неодобрительно отнесся Бѣлинскій и къ развязкѣ романа, считая ее психологически невѣрной, когда романтикъ Адуевъ-племянникъ окончательно превращается въ сухого реалиста, женится безъ любви на богатой дѣвушкѣ и прилагаетъ всѣ старанія добиться лучшей карьеры. По мнѣнію же самого Гончарова, въ этомъ именно превращеніи идеалиста, мечтателя юноши, въ практическаго чиновника-карьериста и заключается обыкновенная исторія.

Содержаніе романа.

Часть первая.

Въ домѣ помѣщицы Анны Павловны Адуевой всѣ суетились и хлопотали съ самаго утра: на кухнѣ шла усиленная стряпня, въ сараѣ вытирали и подмазывали повозку. Суматоха была оттого, что помѣщица отпускала единственнаго сына Александра Ѳеодоровича, двадцатилѣтняго юношу, въ Петербургъ на службу. Оттого она грустна, разстроена и слезы кипятъ у нея въ сердцѣ. Но не одна она оплакивала разлуку: сильно горевалъ также камердинеръ Сашеньки, Евсей, который отправлялся съ бариномъ. Онъ покидалъ самый теплый уголъ въ домѣ, за лежанкой, въ комнатѣ Аграфены, перваго министра въ хозяйствѣ барыни, и, — что важнѣе для Евсея, первой его ключницы. Евсей сидѣлъ, молча и сильно вздыхалъ. Аграфена, насупясь, суетилась по хозяйству. У нея горе выражалось по своему: она разлила чай, хлопала дверями, кофе у нея перекипѣло, сливки подгорѣли, посуда звенѣла. Но она не плакала, а сердилась на все и на всѣхъ, а пуще всего, кажется, на Евсея. И сидитъ-то онъ не къ мѣсту — все только мѣшаетъ, а тронулъ, было, онъ ее за плечо — какъ она ему отвѣтила! Когда же онъ попросилъ у ней что-нибудь закусить, она сунула ему ѣду, какъ не суютъ и собакамъ: „На вотъ, подавись!"

Между тѣмъ въ воротахъ показался ямщикъ съ тройкой лошадей. Увидѣвъ его, Анна Павловна поблѣднѣла, ноги у нея подкосились, хотя она ожидала этого. Она пошла посмотрѣть, спитъ-ли сынъ, но навстрѣчу ей шелъ самъ Александръ Ѳеодоровичъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, цвѣтущаго здоровья. Онъ весело поздоровался съ матерью, но, увидя приготовленія къ дорогѣ, смутился было, но черезъ минуту онъ безпечно болталъ.

Мать въ послѣдній разъ попробовала его уговорить не ѣхать: Зачѣмъ ты ѣдешь? Искать счастья? Да развѣ тебѣ здѣсь не хорошо?... Что ты найдешь въ Петербургѣ? Ты думаешь, тамъ тебѣ такое же житье будетъ, какъ здѣсь? Э, мой другъ! Богъ знаетъ, что насмотришься и натерпишься:

и холоду, и голоду, и нужду — все перенесешь...” Но Сашѣ былъ тѣсенъ домашній міръ и мѣнялъ онъ его весело на неизвѣстное, полное увлекательной и таинственной прелести. Передъ нимъ разстилалось множество путей и одинъ казался лучше другого. ,,Ну, мой другъ, Богъ съ тобой! — сказала въ концѣ концовъ мать, — поѣзжай, ужъ если тебя такъ тянетъ отсюда: я не удерживаю! По крайней мѣрѣ не скажешь, что мать заѣдаетъ твою молодость и жизнь.”

Несчастная женщина принялась вторично укладывать бѣлье и въ хлопотахъ и дорожныхъ сборахъ, какъ-будто совсѣмъ не помнила горя. По деревенскому обычаю въ одинъ носокъ она положила бумажникъ съ деньгами для сына и письмо къ дядѣ, который уже семнадцать лѣтъ живетъ въ Петербургѣ. Анна Павловна заставляетъ Евсея слѣдить за укладкой вещей, а то ,,тамъ надо что достать въ дорогѣ, и пойдешь все перерывать вверхъ дномъ!”

Приведя въ порядокъ вещи, Адуева услала Евсея, сѣла на диванъ и посадила сына подлѣ себя. Ей хотѣлось сказать сыну напутственное слово, чтобы онъ Бога помнилъ, молился, соблюдалъ посты, ходилъ въ церковь. ,,Береги пуще всего здоровье, продолжала она. — Какъ заболѣешь — чего Боже оборони! — опасно, напиши... я соберу всѣ силы и пріѣду”. Далѣе она совѣтуетъ сыну не ходить ночью по улицамъ, избѣгать дурныхъ людей, беречь деньги, но не отказывать себѣ въ необходимомъ. ,,Да, еще (тутъ она понизила голосъ) берегись женщинъ!” ,,Ну, а коли ты самъ полюбишь, да выдастся хорошая дѣвушка, — такъ того... тутъ она еще тише заговорила... Сонюшку-то можно и въ сторону”. Она поцѣловала его въ лобъ и тѣмъ заключила свои наставленія.

Между тѣмъ на проводы молодого человѣка начинаютъ съѣзжаться знакомые. Пріѣхалъ ,,вѣчный жидъ” Антонъ Ивановичъ. ,,Нѣтъ человѣка изъ его знакомыхъ, который бы у него отобѣдалъ, отъужиналъ или выпилъ чашку чаю, но нѣтъ также человѣка, у котораго бы онъ самъ не дѣлалъ этого по пятьдесятъ разъ въ годъ.” Пришелъ священникъ. Пріѣхала и Марія Карповна съ дочерью Софьей. Прежде всего отслужили молебенъ, а затѣмъ сѣли за столъ. Однако, кромѣ Антона Ивановича и священника, никто, по обыкновенію, не до-

тронулся ни до чего. Анна Павловна все плакала и украдкой утирала слезы.

Кончился завтракъ. Повозку подвезли къ крыльцу, настала роковая минута. По русскому обычаю еще помолились и всѣ сѣли. Началось слезное прощаніе. Вдругъ, на дворъ влетѣла телѣга, запряженная тройкой. Это Поспѣловъ, другъ Адуева, прискакалъ за 160 верстъ, чтобы сказать: „прости!" Отъѣздъ немного замедлился. До рощи всѣ пошли пѣшкомъ. Софья и Александръ въ то время, когда проходили темныя сѣни, бросились другъ къ другу, и Адуевъ, на память о молодой дѣвушкѣ, спряталъ ея волосы и колечко. У рощи остановились и снова начали прощаться. Евсей же подошелъ къ барынѣ, поклонился ей въ ноги, и поцѣловалъ у нея руку. Она дала ему пятирублевую ассигнацію. — Смотри-же, Евсей, помни: будешь хорошо служить, женю на Аграфенѣ, а не, то..." Наконецъ тройка двинулась, оставивъ толпу провожавшихъ въ облакѣ пыли безмолвно и неподвижно, пока повозка не скрылась изъ виду.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя Александра Ѳеодоровича, двадцати лѣтъ уѣхалъ изъ деревни и понемногу потерялъ связь со своими провинціальными родными. Въ Петербургѣ онъ слылъ за человѣка съ деньгами служилъ при какомъ-то важномъ лицѣ чиновникомъ особыхъ порученій, жилъ довольно богато. По наружному виду это былъ „bel homme". Одѣвался щеголевато, со вкусомъ. Авторъ говоритъ о немъ, что „на лицѣ замѣчалась также сдержанность, т. е. умѣнье владѣть собою, не давать лицу быть зеркаломъ души".

Однажды утромъ, когда онъ проснулся, человѣкъ вмѣстѣ съ чаемъ, принесъ ему три письма, и доложилъ, что приходилъ молодой человѣкъ, назвавшійся племянникомъ Петра Ивановича, и обѣщался зайти часу въ двѣнадцатомъ. Первою мыслею Адуева было отдѣлаться отъ непрошеннаго родственника, подъ предлогомъ выѣзда на заводъ мѣсяца на три. Онъ взялся за письма. Первое, отъ сосѣда по деревнѣ — Заѣзжалово, съ порученіями и различными просьбами; Адуевъ не дочиталъ, разорвалъ и бросилъ подъ столъ въ корзину. Прочитавъ второе, отъ предмета, увлеченія въ молодости — Маріи Горбатовой, хотѣлъ отправить туда-же но оставилъ,

„можетъ быть случится одолжить кому-нибудь, для коллекціи". Третье же, отъ Адуевой, навело его на воспоминанія о ея сердечномъ отношеніи къ нему, тогда еще молодому человѣку. Петръ Ивановичъ распорядился принять племянника, когда онъ придетъ, гостинцы изъ деревни продать лавочнику и оставить за собою комнату для племянника. Когда послѣдній приходитъ, дядя принимаетъ его безъ всякихъ объятій, даетъ различные практическіе совѣты, приглашаетъ зайти къ себѣ вечеромъ — „тогда поговоримъ" и уѣзжаетъ по своимъ дѣламъ. Такой сухой пріемъ ошеломилъ молодого человѣка.

Петръ Ивановичъ отлично понимаетъ, что племянникъ опредѣленно самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и если „дѣлать карьеру и фортуну, — говоритъ онъ ему вечеромъ, то тебѣ придется трудно. Ты должно быть мечтатель, а мечтать здѣсь некогда; подобные намъ ѣздятъ сюда дѣла дѣлать". Презрительныя же слова дяди о любви, вѣчной дружбѣ, гостепріимствѣ дѣйствуютъ на молодого человѣка, какъ холодный душъ.

Прошло недѣли двѣ; Петръ Ивановичъ день ото дня становился довольнѣе племянникомъ. „У него есть тактъ, чего бы я никакъ не ожидалъ отъ своего племянника", говорилъ онъ своему компаніону по заводу. Зайдя разъ къ Александру, онъ засталъ его за письмомъ къ Поспѣлову. Молодой человѣкъ поспѣшилъ спрятать волоса и колечко Софьи, но дядя выбрасываетъ „эту дрянь" за окно, пеняетъ на него за то, что онъ пишетъ письмо къ другу, а не къ матери, и, наконецъ, читаетъ его. У Александра при видѣ этого руки опустились: въ письмѣ онъ дядю обзывалъ человѣкомъ прозаическимъ, занятымъ дѣлами, расчетами, безъ вѣры въ дружбу, любовь. Петръ Ивановичъ диктуетъ своему племяннику новое письмо: „Дядя мой ни демонъ, ни ангелъ, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ, только не совсѣмъ похожъ на насъ съ тобою. Онъ думаетъ и чувствуетъ по земному..." „Прощай, кончилось письмо, пиши ко мнѣ порѣже и не теряй попустому времени". Далѣе, Петръ Ивановичъ говоритъ Александру, что онъ нашелъ ему мѣсто подъ начальствомъ прежняго своего сослуживца, который уже самъ знаетъ, куда его

опредѣлить. Когда же молодой человѣкъ показываетъ ему какъ-то проектъ и стихотворенія, дядя совѣтуетъ ему бросить пустую трату времени, а подаренные рукописи отдаетъ лакею Василію, который просилъ бумагу, оклеить что-то... ,,Вы не щадите ничего", съ отчаяніемъ стоналъ Александръ, прижимая бумаги обѣими руками къ груди. Узнавъ же, что племянникъ знаетъ новые иностранные языки, дядя обѣщаетъ достать ему литературную работу. На другой день Петръ Ивановичъ повезъ племянника въ департаментъ и Александръ сталъ одной изъ пружинъ бюрократической машины. Сослуживцы относились къ нему радушно, особенно когда одинъ одолжилъ 25 руб., а другой собирался его обыграть въ карты. Вскорѣ Петръ Ивановичъ прислалъ племяннику ,,для опыта" литературную работу. Отъ радости у Александра дрожали руки, но каково было его разочарованіе, когда пришлось переводить съ нѣмецкаго языка ,,О наземѣ", статью для отдѣла о сельскомъ хозяйствѣ, затѣмъ ,,о картофельной патокѣ".

Черезъ два года Александръ сильно измѣнился. Юноша превратился въ мужчину. Прежняя восторженность на лицѣ ,,умѣрялась легкимъ оттѣнкомъ задумчивости", теперь онъ не бросался всѣмъ на шею со своими искренними изліяніями; онъ разочаровался въ людяхъ, научился владѣть собою, рѣже сталъ говорить ,,дикимъ языкомъ", по крайней мѣрѣ при постороннихъ. Однако, сердце его не умерло, оно жаждало любви. Дѣйствительно, скоро онъ увлекся Надинькой Любецкой, барышней ,,съ бородавкой у носа", какъ отозвался о ней Петръ Ивановичъ. У молодого человѣка даже лицо сдѣлалось праздничное. ,,Постой-ка... Ты влюбленъ?" спросилъ разъ дядя. Александръ утвердительно кивнулъ головой и хотѣлъ разсказать исторію своей любви, но Петру Ивановичу она была не интересна: ,,съ Адама и Евы одна и та же исторія у всѣхъ, съ маленькими варіантами". На любовь же у человѣка въ 23 года онъ смотритъ съ презрѣніемъ. Необходимо любить разумно, а жениться слѣдуетъ съ расчетомъ, какъ думаетъ скоро сдѣлать онъ самъ. Когда же Петръ Ивановичъ узнаетъ, что Надинька, чтобы испытать себя, рѣшила ждать свободы годъ, успокаивается за своего племянника и предсказываетъ, что она ,,пошалитъ, пококетничаетъ и надуетъ его".

Между тѣмъ жизнь Александра раздѣлилась на двѣ половины: утро на службѣ, вечеръ у Любецкихъ на дачѣ. Служба, журнальные труды были заброшены; Александръ избѣгалъ не только дяди, но и „толпы", выполняя свой досугъ восторженными мыслями о невѣстѣ, упиваясь блаженствомъ и анализируя свои чувства къ Надинькѣ. Надинька-же въ отвѣтъ на вздохи и стихи частенько зѣвала. Сердце ея было занято, но умъ оставался праздненъ, такъ какъ Адуевъ не позаботился дать ему пищу. Въ это время въ домѣ Любецкихъ появился умный и воспитанный красавецъ, графъ Новицкій. Отношенія Надиньки къ Александру измѣнились и онъ понялъ, что дѣвушка увлеклась графомъ.

Намѣреваясь драться съ графомъ, Александръ идетъ къ дядѣ пригласить его въ секунданты, но тотъ совѣтуетъ не начинать этого „дѣла". „Изъ пустяковъ сдѣлаешь исторію, она разнесется вездѣ, тебя осмѣютъ или, еще хуже, сдѣлаютъ непріятность. Никто не пойметъ (тебя), а если, наконецъ, найдется какой-нибудь сумасшедшій, такъ все напрасно: графъ не станетъ драться, я его знаю". Далѣе Петръ Ивановичъ доказываетъ Александру безсмысленность дуэли съ Новицкимъ. Во-первыхъ, графъ чудный стрѣлокъ, а такъ какъ, по правиламъ, первый выстрѣлъ его, то шансы на исходъ дуэли неравны; во-вторыхъ, дуэль не вернетъ любви Надиньки; въ-третьихъ, оспариваніе правъ на женщину съ дубиной въ рукахъ — смѣшно. Самое лучшее — забыть всю исторію, тѣмъ болѣе, что Александръ самъ велъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ. Разъ явился соперникъ, надо было понемногу снимать съ него „блески", тихомолкомъ вызывать въ глазахъ Надиньки набой, и тутъ-то показать всѣ силы ума, остроумія и хитрости, открывать и поражать слабыя стороны его, какъ бы нечаянно, съ добродушіемъ и мало-по-малу снять съ него ту драпировку, въ которой молодой человѣкъ рисуется передъ красавицей. Затѣмъ дядя перешелъ къ вопросу, какъ слѣдуетъ себя держать мужу по отношенію къ женѣ. „Предоставь ей свободу дѣйствій въ ея сферѣ, но пусть за каждымъ ея движеніемъ, вздохомъ, поступкомъ, наблюдаетъ твой проницательный умъ... Учреди постоянный контроль безъ вся-

кой тираніи... да искусно, незамѣтно для нея, и веди ее желаннымъ путемъ...''

Въ это время дверь въ кабинетъ тихонько отворяется и до собесѣдниковъ доходитъ голосъ супруги Петра Ивановича: ,,А жена должна не показывать вида, что понимаетъ великую школу мужа и завести маленькую свою''. Оба Адуевы бросились къ дверямъ, но тамъ уже никого не было.

— Теперь придется иначе повести дѣло, — сказалъ дядя, — прежняя метода ни къ чорту не годится...

Но умныя, разсудочныя рѣчи дяди не облегчили Александра и въ концѣ концовъ, онъ расплакался; ему было жаль утраченнаго счастья... своей вѣры въ любовь... Петръ Ивановичъ растерялся, нахмурился, махнулъ рукой и ушелъ къ женѣ, которая своимъ женскимъ сердцемъ поняла, какъ успокоить бѣднаго Александра. Она сѣла подлѣ него, поглядѣла на него пристально, какъ только умѣютъ глядѣть иногда женщины, потомъ тихо отерла ему платкомъ глаза и поцѣловала въ лобъ, а онъ прильнулъ губами къ ея рукѣ. Долго говорили они. Черезъ часъ онъ вышелъ задумчивый, но съ улыбкой, и уснулъ въ первый разъ покойно. Она воротилась въ спальню съ заплаканными глазами. Петръ Ивановичъ давнымъ-давно храпѣлъ.

Часть вторая.

Прошелъ годъ. Александръ отъ мрачнаго отчаянія, перешелъ къ холодному унынію. Его настроеніе еще болѣе усилилось послѣ встрѣчи съ прежнимъ другомъ, Поспѣловымъ, который превратился въ чиновника-карьериста и сухого матеріалиста. Когда Адуевъ вздумалъ заговорить съ нимъ о томъ, ,,что ближе къ сердцу: о золотыхъ дняхъ дѣтства, объ играхъ, о проказахъ...'' тотъ только расхохотался. ,,Полно, полно, сказалъ онъ; лучше выпей-ка водки, да станемъ ужинать''. Одна Лизавета Александровна, супруга Петра Ивановича, чувствовала, что только нѣжная, дружеская рука могла бы облегчить душу молодого человѣка.

Александръ сталъ зачитываться баснями Крылова и во всѣхъ людяхъ видѣлъ черты его животныхъ. Когда же, разъ,

въ присутствіи дяди онъ сталъ клеймить знакомыхъ то негодяями, то дураками, Петръ Ивановичъ вышелъ изъ себя и сказалъ племяннику, что у каждаго человѣка бываютъ недостатки, но разъ кто у нихъ бываетъ, то лучше молчать. На увѣреніе же Александра, что у него нѣтъ друзей, дядя указалъ на Поспѣлова, который предлагалъ ему свои услуги, помощь и деньги, во-вторыхъ, на себя, который вѣчно за нимъ слѣдитъ и помогаетъ совѣтомъ, на Лизавету Александровну, чья ласка такъ благотворно дѣйствуетъ на него. Если же кто предъявляетъ къ людямъ какія-либо требованія, тотъ самъ обязанъ исполнять свои обязанности къ другимъ, особенно матери, а вѣдь Александръ ей не писалъ четыре мѣсяца, зная, что она живетъ и дышетъ только имъ. ,,Какъ прикажешь назвать такой поступокъ, — спросилъ дядя. — Ну-ка, какой-ты звѣрь? Можетъ быть, оттого не называешь, что у Крылова такого нѣтъ...

Нѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя кума оборотиться

и быть снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ. Это такое право, безъ котораго ни себѣ, ни другимъ житья не будетъ".

Нагоняй дяди сильно подѣйствовалъ на Александра, ему сдѣлалось совѣстно. ,,Одно только отрицательное утѣшеніе осталось мнѣ, что я не обманулъ никого, не измѣнилъ ни любви, ни дружбѣ..." Тогда ему пришло на мысль взяться за перо. Онъ началъ обдумывать и писать повѣсть, на которую потратилъ много размышленія, чувства, труда и около полугода времени. Дѣйствіе происходило въ Россіи, дѣйствующія лица были обыкновенные люди: клеветники, лжецы и всякаго рода изверги во фракахъ, измѣнницы въ корсетахъ и въ шляпахъ. Все было прилично, на своихъ мѣстахъ. Послѣ чтенія этого произведенія, Петръ Ивановичъ предложилъ отослать его на судъ писателя, на безпристрастіе котораго можно положиться. Чрезъ нѣсколько дней пришелъ отвѣтъ. Журналистъ просилъ передать автору, ,,что писатель тогда только пишетъ дѣльно, когда не будетъ находиться подъ вліяніемъ личнаго увлеченія и пристрастія",

Кромѣ того необходимымъ условіемъ является талантъ, чего критикъ, однако, отнюдь не нашелъ у молодого Адуева.

Прочитавъ такое письмо, Александръ вздохнулъ и задумался. Потомъ вдругъ съ живостью бросился отворять ящики и всѣ свои бумаги съ ожесточеніемъ началъ бросать въ каминъ. Одинъ моментъ ему сдѣлалось жалко своей работы, онъ готовъ былъ вытащить обгорѣлыя тетради, но Петръ Ивановичъ тростью пододвинулъ тетрадь въ глубину камина. ,,Все кончено", сказалъ Александръ. ,,Ну, пока довольно объ этомъ, — сказалъ Петръ Ивановичъ. У меня до тебя есть просьба." Оказывается, что одинъ изъ компаньоновъ Адуева по заводу, нѣкто Сурковъ, ухаживаетъ за вдовой Тафаевой, и вслѣдствіе этого постоянно требуетъ денегъ, что мѣшаетъ правильному веденію дѣла. Петръ Ивановичъ проситъ племянника пріударить за Юльей Павловной, а Сурковъ, замѣтивъ, что ему не везетъ, броситъ мысль о вдовушкѣ. " Спустя нѣсколько дней, дядя представилъ Тафаевой племянника. Незамѣтно для себя Александръ влюбился въ Юлію, а она увлеклась имъ. Молодые люди стали мечтать о супружествѣ, строить воздушные замки о будущей совмѣстной жизни. Постепенно они изучили чувства, образъ мыслей, достоинства и недостатки другъ друга, и ничто уже не мѣшало имъ привести въ исполненіе задуманный планъ. Между тѣмъ, искреннія изліянія стали рѣдки. Они по цѣлымъ часамъ сидѣли, не говоря ни слова. Желать и испытывать было нечего. Тафаева надоѣла Александру и онъ подъ разными предлогами, сталъ рѣже бывать у нея, и, въ концѣ концовъ, совершенно разошелся съ нею.

Александръ, бѣжавъ отъ Юліи, бросился въ вихрь шумныхъ развлеченій. На нѣкоторое время свобода, шумныя сборища, безпечная жизнь, заставили его забыть Юлію и тоску. Но вслѣдствіе однообразія явилась скука. Онъ сталъ избѣгать веселыхъ игръ за радостнымъ столомъ и очутился въ своей комнатѣ, наединѣ съ собой, съ забытыми книгами. Но книги вываливались изъ рукъ, перо не слушалось вдохновенія. Шиллеръ, Гете, Байронъ являли ему мрачную сторону человѣчества — свѣтлой онъ не замѣчалъ; ему было не до нея. ,,Вглядываясь въ жизнь, вопрошая сердце, голову, онъ

съ ужасомъ видѣлъ, что ни тамъ, ни сямъ не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды; все уже было назади, туманъ разсѣялся; передъ нимъ разстилалась, какъ степь, голая дѣйствительность. Боже, какое необозримое пространство, какой скучный, безотрадный видъ! Прошлое погибло, будущее уничтожено, счастья нѣтъ: все химера—а живи".

Александръ искалъ бесѣды людей съ желчнымъ, озлобленнымъ умомъ, съ ожесточеннымъ сердцемъ, и отводилъ душу, слушая злыя насмѣшки надъ собой; или проводилъ время съ людьми, неравными ему ни по уму, ни по воспитанію, все чаще со старикомъ Костяковымъ. Зимой Адуевъ игралъ съ нимъ въ шашки, а лѣтомъ за городомъ удилъ рыбу.

Во время этого занятія, къ нимъ часто подходилъ старикъ дачникъ со своей дочкою Лизой. Адуевъ не обращалъ вниманія на дѣвушку, но его разочарованный видъ, очевидно, производилъ впечатлѣніе на пылкое воображеніе Лизы. Она замѣтно искала встрѣчи съ задумчивымъ молодымъ человѣкомъ. Александръ-же рѣшилъ на время прекратить свои прогулки и уженіе рыбы. Когда ему нравилось играть съ неопытной дѣвушкой, видѣть всѣ движенія ея сердца, онъ снова появлялся въ дачной мѣстности, гдѣ на обычномъ мѣстѣ его поджидала Лиза. Однажды, по обыкновенію, Александръ явился на свиданіе съ Лизой. Но забравшись въ бесѣдку, онъ вмѣсто дѣвушки, встрѣтилъ ея отца. „Слушайте, терять времени некогда, — сказалъ онъ, — глупая дѣвчонка, того и гляди, явится на свиданіе. Я вчера подкараулилъ васъ. Не нужно, чтобы она насъ видѣла вмѣстѣ: вы уйдете и, разумѣется, не воротитесь никогда, она подумаетъ, что вы обманули ее, и это послужитъ ей урокомъ. Только смотрите, чтобы васъ здѣсь никогда не было; найдите другое мѣсто для рыбной ловли, а не то... я прогоню васъ неласково. Счастье ваше, что Лиза еще можетъ прямо глядѣть въ глаза; я цѣлый день наблюдалъ за нею... иначе вы не этой дорогой вышли бы отсюда... Прощайте". Старикъ отворилъ двери и почти вытолкалъ Адуева, у котораго даже брызнули слезы изъ глазъ, слезы стыда, бѣшенства на самого себя, отчаянія.

Однако, мало-по-малу, Александръ успѣлъ забыть и Ли-

зу, и непріятную сцену съ отцомъ ея. Онъ опять сталъ покоенъ, даже веселъ, часто хохоталъ плоскимъ шуткамъ Костякова. Его смѣшилъ взглядъ этого человѣка на жизнь. Они строили даже планы уѣхать куда-нибудь подальше, выстроить на берегу рѣки хижину, и прожить тамъ остатокъ дней. Душа Александра стала утопать въ тинѣ скудныхъ понятій и матеріальнаго быта.

Однажды осенью онъ получилъ записку тетки съ приглашеніемъ проводить ее на концертъ. Послѣ вечера, Лизавета Александровна попросила его зайти къ нимъ и участливо стала разспрашивать, почему онъ избѣгаетъ людей. „Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей", — отвѣчаетъ онъ. Тетка посовѣтовала ему жениться. Но по мнѣнію Александра, бракъ обусловливается притворствомъ, хитростью обоихъ супруговъ, примѣромъ чего можетъ быть ея жизнь. „Скажите-ка, такъ ли вы счастливы, какъ мечтали нѣкогда", — спросилъ онъ. — „Не такъ, какъ мечтала... но счастлива иначе, нежели мечтала, разумнѣе, можетъ быть, больше—не все-ли это равно..." съ замѣшательствомъ отвѣтила Лизавета Александровна. Дядя же посовѣтовалъ ему ѣхать въ деревню, увидѣться съ матерью, утѣшить ее. „Ты же ищешь покойной жизни; здѣсь вонъ тебя все волнуетъ; а гдѣ покойнѣе, какъ не тамъ, на озерѣ, съ теткой..." Недѣли черезъ двѣ Александръ вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Петербурга.

Когда Александръ пріѣхалъ въ Грочи, мать его не узнала, такъ сильно онъ измѣнился. „Гдѣ же твои волоски какъ шелкъ были, — проговорила она сквозь слезы; — глаза свѣтились, словно двѣ звѣздочки, щеки — кровь съ молокомъ, весь ты былъ какъ наливное яблочко. Знать извели лихіе люди, позавидовали твоей красотѣ да моему счастью". Мать попробовала разспрашивать Александра о причинѣ такой перемѣны, но ничего не узнала. Евсей тоже не сказалъ ни чего путнаго. Не то отъ писанія, не то отъ плохой ѣды похудѣлъ. Мѣсяца черезъ два-три уединенія, тишины, домашняя жизнь и всѣ сопряженныя съ нею матеріальныя блага помогли Александру „войти въ тѣло". Постепенно и въ душѣ водворился миръ, котораго Александръ напрасно искалъ въ Петербургѣ. Однажды, въ ненастную погоду, попробовалъ онъ заняться

ся дѣломъ, сѣлъ писать и остался доволенъ началомъ труда. Выписалъ книгъ для справокъ и занялся не шутя. Однако, года черезъ полтора Александру мало-по-малу надоѣлъ тѣсный домашній кругъ; угожденія матери стали докучны; наскучилъ и трудъ, и природа не плѣняла его болѣе. Онъ метался отъ тоски и собирался сказать матери о намѣреніи уѣхать. Но старушка, между тѣмъ, скончалась.

Спустя нѣкоторое время, онъ написалъ письма къ дядѣ и теткѣ въ Петербургъ. Теперь онъ вполнѣ оцѣнилъ дружбу Лизаветы Александровны. Смерть унесла горячо любимую мать и онъ рѣшилъ бѣжать изъ деревни навсегда. „Всю надежду возлагаю на васъ и другую союзницу — дѣятельность". Онъ вышелъ изъ тьмы и понялъ, что все пережитое до сихъ поръ, было какимъ-то труднымъ приготовленіемъ къ настоящему пути, мудреною наукою для жизни. „Я сдружился опять, съ чѣмъ давно раздружился — съ людьми", писалъ онъ теткѣ. У дяди же онъ просилъ предоставить ему мѣсто и занятія, увѣряя, что онъ сильно измѣнился. Все-же прежнія мечты нельзя ставить ему въ вину: „онъ залогъ чистоты сердца, призракъ души благородной, расположенной къ добру". Вѣдь и самъ Петръ Ивановичъ, теперь „его превосходительство", когда-то былъ способенъ увлекаться, доказательствомъ чего можетъ быть старинное письмо къ тетушкѣ...

ЭПИЛОГЪ.

Прошло четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда Александра въ Петербургъ. Петръ Ивановичъ, теперь уже не такой бодрый и самоувѣренный, какъ прежде, совѣтовался съ извѣстнымъ докторомъ. Послѣднее время его безпокоило здоровье жены, хотя она ни на что не жаловалась. Причины болѣзни, по мнѣнію доктора, чисто психическія и вслѣдствіе нея развилось малокровіе; нѣкоторый упадокъ силъ. Лѣкарство отъ этой болѣзни одно: развлекать, не давать сидѣть, угождать, выводить; „больше движенія и тѣлу и духу; и то и другое у нея въ неестественномъ усыпленіи".

Петръ Ивановичъ пошелъ поговорить съ женою и засталъ ее за ,,своимъ дѣломъ"; она подсчитывала мѣсячный расходъ. Лизавета Александровна по наружному виду почти не измѣнилась—развѣ слегка поблѣднѣла, да глаза потускнѣли. На всѣ предложенія мужа она отвѣчала равнодушнымъ согласіемъ, у нея не было никакихъ желаній, иниціативы. ,,Ты до сихъ поръ такъ хорошо, такъ умно распоряжался и мной, и собой, что я отвыкла отъ своей воли; продолжай и впередъ; а мнѣ свобода не нужна". Только теперь Петръ Ивановичъ понялъ, что ихъ супружество тюрьма для жены, а роскошный образъ жизни, который ей пришлось вести въ виду положенія мужа, ее только тяготитъ, нисколько не удовлетворяя. Онъ рѣшилъ бросить службу, продать заводъ и отдаться всецѣло жизни съ женою.

Во время этого разговора пришелъ Александръ, который сильно пополнѣлъ, оплѣшивѣлъ, сталъ румянъ. Оказывается, онъ женится на молодой, хорошенькой дѣвушкѣ, совершенно не интересуясь, любитъ ли она его или нѣтъ. Какъ и дядя, онъ женится съ расчетомъ и беретъ за женою триста тысячъ деньгами и пятьсотъ душъ крестьянъ. Дядя припоминаетъ Александру прежнія увлеченія, но послѣдній не остается въ долгу и съ документомъ уличаетъ дядю въ томъ же. ,,Краснѣютъ, какъ преступники — и чего, сказала Лизавета Александровна: — первой, нѣжной любви". Она пожала плечами и отодвинулась отъ нихъ. Петръ же Ивановичъ теперь съ уваженіемъ смотрѣлъ на племянника: ,,и карьера и фортуна", въ немъ онъ увидѣлъ самого себя. Въ первый и послѣдній разъ они обнялись, ради выдающагося событія.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Александръ Ѳеодоровичъ Адуевъ.

Александръ Ѳеодоровичъ Адуевъ — единственный сынъ небогатой помѣщицы которая всю свою жизнь безвыѣздно

провела въ деревнѣ; здѣсь то первоначально и сложились основныя черты характера Александра Ѳеодоровича. Съ самаго ранняго дѣтства мать постоянно твердила ему: „здѣсь ты одинъ всему господинъ". Мать, тетушки, крѣпостная прислуга выработали въ немъ привычку считать всѣхъ окружающихъ обязанными угадывать каждое его движеніе, жить какъ бы въ угоду ему. „Нянька все пѣла ему въ колыбели, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя". Вообще о слезахъ и бѣдствіи онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь таившейся гдѣ-то заразѣ. Дѣтство Адуева, какъ вообще всѣхъ дворянъ первой половины XIX вѣка, протекало сыто и спокойно — онъ росъ подобно тепличному цвѣтку, къ которому не доходитъ даже малѣйшее дуновеніе вѣтерка.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что Александръ былъ избалованъ, но не испорченъ домашнею жизнью. Природа такъ хорошо создала его, что любовь матери и поклоненіе окружающихъ подѣйствовали только на добрыя его стороны, развили, напримѣръ, въ немъ преждевременно сердечныя склонности, поселили ко всему довѣрчивость до чрезвычайнаго. Это же самое, можетъ быть расшевелило въ немъ и самолюбіе. Гораздо болѣе бѣды для него было въ томъ, что мать его, при всей своей нѣжности, не могла дать ему настоящаго взгляда на жизнь и не приготовила его къ борьбѣ съ тѣмъ, что ожидало его и ожидаетъ всякаго въ жизни. Религіозное же чувство, которое она ему проповѣдывала, могло развить лишь эгоистическія наклонности. Такъ, отправляя сына въ Петербургъ и говоря ему о Богѣ, о посѣщеніи церкви, исполненіи постовъ, она придаетъ этому значеніе какого-то искательства высшей, небесной протекціи. Въ простотѣ душевной она говоритъ сыну, что если бы онъ самъ въ этомъ отношеніи былъ неисправенъ, то она своими постоянными молитвами вымолитъ ему у Бога чиновъ и орденовъ. Говоря о нищихъ, она увѣряетъ сына, что надо, понятно, помогать, такъ безъ этого не угодишь Богу, но тратить денегъ по-пустому много не слѣдуетъ. „На что баловать, ихъ не удивишь. Они пропьютъ, надъ тобою же насмѣются. У тебя, я знаю, мягкая душа; ты пожалуй, и по гривеннику станешь отваливать. Нѣтъ, этого не нужно; Богъ подаетъ". Намекая, на возможность выгодной женитьбы

въ Петербургѣ, она прямо говоритъ, что Сонечку, которая его полюбила въ деревнѣ, „можно и въ сторону". „Что, въ самомъ дѣлѣ, Марья Карповна замечтала; ты дочкѣ ея не пара".

Воспитаніе въ такой обстановкѣ не пріучило Александра къ практической дѣятельности и тогдашній университетъ не пополнилъ этого пробѣла. Секретъ этого заключается въ томъ, что наша университетская наука того времени отличалась крайней отвлеченностью; въ университетѣ царила туманная философія Гегеля, вслѣдствіе чего и время, и силы тратились на безконечное рѣшеніе всевозможныхъ отвлеченныхъ вопросовъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ дѣйствительной жизни. Профессора твердили молодежи, что она пойдетъ далеко... Передъ глазами молодого Адуева рисовались мечтательно неопредѣленныя картины будущей дѣятельности. Ему хотѣлось работать ради пользы и добра вообще, какой-то пользы и какого-то добра для всего человѣчества. Когда Адуевъ пріѣзжаетъ къ дядюшкѣ и тотъ его спрашиваетъ, ради чего онъ стремился въ Петербургъ, тотъ заявляетъ:

— Меня влекло какое-то непреодолимое стремленіе, жажда благородной дѣятельности; во мнѣ кипѣло желаніе уяснить и осуществить тѣ надежды, которыя толпились — но тутъ же смутился и сказалъ: — У насъ профессоръ эстетики такъ говорилъ и считался самымъ краснорѣчивымъ.

На эту высокопарную рѣчь дядя отвѣчаетъ:

— Ты, кажется, хочешь сказать, сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести твои слова, что ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуну—такъ-ли?

— Да, дядюшка, карьеру, — совершенно искренно соглашается Александръ. Однимъ словомъ, дядя сразу понялъ, что племянникъ въ сущности стремится къ тому же, къ чему и онъ самъ стремился всю свою жизнь, только желаніе у него не вылилось въ опредѣленную форму. Сначала онъ пробуетъ свои силы на литературномъ поприщѣ; но слава писателя ему не дается; дядюшка даже прямо доказываетъ ему, что у него нѣтъ таланта. Поступая на службу, Александръ не знаетъ, на что онъ способенъ, куда ему поступить.

— Да ты какое же мѣсто хотѣлъ бы занять, — спросилъ его дядя.

— Я не знаю, дядюшка, какое бы...

— Есть мѣста министровъ — говорилъ Петръ Ивановичъ — товарищей ихъ, директоровъ, вице-директоровъ, начальниковъ отдѣленій, столоначальниковъ, ихъ помощниковъ, чиновниковъ особыхъ порученій, мало-ли?

Александръ задумался. Онъ растерялся и не зналъ какое выбрать.

— Вотъ бы на первый разъ мѣсто столоначальника хорошо,—сказалъ онъ.

— Да, хорошо—повторилъ Петръ Ивановичъ.

— Я бы присмотрѣлся къ дѣлу, дядюшка, а тамъ мѣсяца черезъ два можно-бы и въ начальники отдѣленія...

На службѣ онъ встрѣтилъ совсѣмъ на то, чего искалъ. Дѣло началось съ пробы руки. Александра заставили переписывать бумаги. Вскорѣ Адуевъ сталъ одной изъ пружинъ бюрократической машины. Онъ писалъ, писалъ, писалъ безъ конца, и удивлялся уже, что по утрамъ нужно дѣлать что-нибудь другое, а когда вспомнилъ о своихъ проектахъ, краска бросалась ему въ лицо. Невольно ему вспомнились предсказанія Петра Ивановича. „Дядюшка, — думалъ онъ, — въ одномъ ужъ ты правъ, немилосердно правъ; неужели и во всемъ такъ, ужели я ошибился въ завѣтныхъ вдохновенныхъ думахъ, и въ теплыхъ вѣрованіяхъ въ любовь, въ дружбу... и въ людей...и въ самого себя... Что же жизнь?" Онъ наклонялся надъ бумагой и сильнѣе скрипѣлъ перомъ, а у самого подъ рѣсницами висѣли слезы. Скоро Александру приходится убѣдиться, что въ словахъ дяди много горькой правды. Какъ истинный сынъ своего вѣка, молодой человѣкъ полонъ чувствительности и романтизма. Онъ ищетъ „родной души" вѣчной дружбы и увлекается молодой дѣвушкой, Наденькой Любецкой. Въ разговорахъ молодой парочки видна ихъ наивность.

— Ужели есть горе на свѣтѣ? — спрашиваетъ она.

— Говорятъ, есть, да я не вѣрю.

— Какое же горе можетъ быть.

— Дядюшка говоритъ: бѣдность...

— Бѣдность, да развѣ бѣдные не чувствуютъ того, что мы теперь.

— Дядюшка говоритъ, что имъ не до того, нужно пить, ѣсть...

— Фи, ѣсть, дядюшка вамъ не правду говоритъ. Я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива.

Въ этихъ словахъ выражается все міросозерцаніе этихъ праздныхъ мечтателей. Что она не знаетъ горя и говоритъ такъ наивно, — это не удивительно при тогдашнемъ воспитаніи дѣвушекъ; но что онъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, держится такихъ же дѣтскихъ воззрѣній, объясняется той безжизненностью, той отвлеченностью, которою такъ долго отличалась у насъ наука, вслѣдствіе чего и не могла исправлять недостатки домашняго барскаго воспитанія. Когда встрѣчаешь безконечныя сцены любви между Александромъ и Наденькой, то такъ и кажется, что они взялись разыграть роли того юноши и той дѣвицы изъ повѣсти Адуева, которые попали на какой-то необитаемый островъ и, живя на немъ, наслаждались на просторѣ одной любовью. Искусственно уединившись отъ окружающаго ихъ многолюднаго міра, убаюкивая себя мечтой, что не существуетъ ни горя, ни слезъ, Александръ Ѳеодоровичъ и Наденька только любуются другъ на друга, но сразу можно предугадать, что долго имъ такъ не прожить, что скоро ихъ одолѣетъ непреодолимая скука. „Сердце Наденьки было занято, но умъ оставался праздным; Александръ не позаботился дать ему пищи" — и вотъ онъ мало-по-малу надоѣдаетъ ей, ранѣе, чѣмъ она ему наскучила, что, разумѣется, также случилось бы въ концѣ концовъ. Эта измѣна на цѣлый годъ подвергла Александра въ мрачное отчаяніе, которое перешло въ холодное уныніе. Онъ былъ тихъ, важенъ, какъ человѣкъ выдержавшій, по его словамъ „ударъ судьбы" — говорилъ о высокихъ страданіяхъ, о святыхъ возвышенныхъ чувствахъ, смятыхъ и втоптанныхъ въ грязь, „и кѣмъ — прибавлялъ онъ: — дѣвчонкой-кокеткой и презрѣннымъ развратникомъ, мишурнымъ львомъ". Этотъ случай зародилъ искру недовѣрія въ душѣ Александра, онъ уже не такъ твердо былъ увѣренъ въ любви до „гробовой доски".

Вскорѣ пришлось ему убѣдиться и въ недолговѣчности

дружбы. Его закадычный другъ по университету, Поспѣловъ, который когда-то прискакалъ за 160 верстъ, чтобы сказать ему послѣднее прости, послѣ долгой разлуки, встрѣтился такъ, какъ-будто они только вчера разстались. Когда же Александръ заговорилъ съ нимъ о своей любви, о мученіяхъ, о душевной пустотѣ, другъ его разразился хохотомъ:

— Полно, полно — сказалъ онъ: — лучше выпей-ка водки, да станемъ ужинать. Человѣкъ! Водки. Пойдемъ, пойдемъ, ха, ха, ха... есть славный... рост... ха, ха, ха... ростбифъ.

Александръ махнулъ рукой и бѣжалъ отъ „такого чудовища". Разочаровавшись въ любви, въ дружбѣ и во всемъ романтическомъ направленіи, Адуевъ принялся за чтеніе басенъ знаменитаго „дѣдушки"; онъ увлекся глубиною простонародной морали, которая, по его мнѣнію, видна въ басняхъ Крылова. „Боже мой, какіе портреты людей, какая вѣрность". Во всѣхъ своихъ знакомыхъ онъ видитъ знакомые портреты. Одно онъ забылъ: себя разобрать; въ своихъ терзаніяхъ онъ обвинялъ весь свѣтъ, ненавидѣлъ и презиралъ людей, осуждалъ ихъ ничтожность, мелочность, слабости. Петръ Ивановичъ указалъ ему на это обстоятельство. „Скажу словами любимаго твоего автора:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться
Не лучше-ль на себя, кума оборотиться.

и быть снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ. Это такое правило, безъ котораго ни себѣ, ни другимъ житья не будетъ." Однако Александръ былъ слишкомъ сильно пропитанъ романтизмомъ, чтобы справедливо и вполнѣ объективно отнестись къ самому себѣ. Между тѣмъ, жизнь готовила ему испытанія, которыя ясно уже указывали, что дядя, ради своихъ финансовыхъ соображеній, проситъ Александра отбить отъ своего компаньона Суркова, вдову Тафаеву.

„Какъ это можно, говорилъ въ раздумьи Александръ; если-бъ я могъ влюбиться — такъ, а то не могу... и успѣха не будетъ." Все-таки онъ рѣшается попробовать ухаживать, а на дѣлѣ влюбляется въ Юлію. Онъ почти съ ужасомъ по-

чувствовалъ первые припадки этой любви, какъ-будто какой-нибудь заразы. Никогда Александръ и не мечталъ о той полнотѣ искреннихъ, сердечныхъ изліяній. Лѣтомъ прогулки вдвоемъ за городомъ, фейерверкъ, вдали между деревьями мелькали они, гуляя, подъ руку. Зимой Александръ пріѣзжалъ къ обѣду и послѣ они сидѣли рядомъ у камина до ночи. Иногда приказывали заложить санки, и промчавшись по темнымъ улицамъ, спѣшили продолжать нескончаемую бесѣду за самоваромъ. Каждое явленіе кругомъ, каждое мимолетное движеніе мысли и чувства, все замѣчалось и дѣлилось вдвоемъ. Казалось бы, Александръ, наконецъ, нашелъ свой идеалъ — родственную душу и долженъ быть счастливъ. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Ему казалось, что вотъ, того и гляди, она измѣнитъ, или какой-нибудь другой неожиданный ударъ судьбы мигомъ разрушитъ великолѣпный міръ блаженства. Когда прошелъ годъ, а ни измѣны, ни удара судьбы не послѣдовало, Александръ свыкся съ мыслею о возможности постоянной привязанности и заговорилъ о супружествѣ. Оба они оживились и начали толковать о будущей совмѣстной жизни, однако это скоро надоѣло. Они изучили чувства, образъ мыслей, достоинства и недостатки другъ друга, и ничто ужъ не мѣшало имъ привести въ исполненіе задуманный планъ. Между тѣмъ со стороны Александра началось охлажденіе; сначала онъ сталъ прибѣгать ко лжи, къ обманамъ, а затѣмъ бѣжалъ отъ Юліи.

Теперь онъ самъ измѣнилъ своимъ мечтамъ — вѣчной любви. На нѣкоторое время свобода, шумныя сборища друзей, вино, безпечная жизнь, заставили его забыть Юлію и тоску. Но однообразныя забавы скоро надоѣли. Онъ бѣжалъ отъ „веселыхъ игръ за радостнымъ столомъ" и очутился одинъ въ своей комнатѣ, наединѣ съ собой, съ забытыми книгами. Но книги валились изъ рукъ, перо не слушалось вдохновенія. Въ произведеніяхъ Байрона и нѣмецкихъ классиковъ онъ отыскивалъ только мрачную сторону человѣчества, а свѣтлой не замѣчалъ; ему было не до нея. Вглядываясь въ жизнь, спрашивая сердце и умъ, онъ съ ужасомъ видѣлъ, что нигдѣ не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды; все уже было назади; туманъ разсѣялся и передъ нимъ откры-

лась голая дѣйствительность. „Прошлое погибло, будущее уничтожено, счастья нѣтъ: все химера — а живи".

Онъ окончательно разочаровался къ людямъ и жизни. Со старыми знакомыми онъ пересталъ видѣться; приближеніе новаго лица обливало его холодомъ. Онъ предавался какой-то небывалой апатіи, жилъ праздно, упрямо удаляясь отъ всего, что только напоминало образованный міръ. Его потянуло къ непосредственнымъ людямъ, къ природѣ. Большую часть своего времени онъ проводилъ съ людьми, неравными ему ни по уму, ни по воспитанію, чаще всего со старикомъ Костяковымъ. Зимой Александръ игралъ съ нимъ въ шашки, а лѣтомъ удилъ рыбу и гулялъ. Этотъ простой, необразованный человѣкъ не былъ опасенъ ему и душевныхъ волненій пробудить не могъ. Въ душѣ понемногу дѣлалось дико и пусто, какъ въ заглохшемъ саду. „Я ничего не хочу добиваться и искать,— говорилъ онъ; — у меня нѣтъ цѣли, потому, что къ чему повлечешься, достигнешь и увидишь, что все призракъ. Радости для меня миновали; я къ нимъ охладѣлъ. Въ образованномъ мірѣ, съ людьми, я сильнѣе чувствую невзгоды жизни, а у себя, одинъ, вдалекѣ отъ толпы, я одеревянѣлъ: случись, что хочетъ въ этомъ снѣ — я не замѣчаю ни людей, ни себя. Я ничего не дѣлаю и не вижу ни чужихъ, ни своихъ поступковъ— и покоенъ... мнѣ все равно; счастья не можетъ быть, а несчастье не пройдетъ меня..."

Въ такомъ настроеніи Александръ строилъ планы уѣхать куда-нибудь подальше съ Костяковымъ, выстроить на берегу рѣки, гдѣ много рыбы, хижину, и прожить тамъ остатокъ жизни, однако передумалъ и уѣхалъ въ деревню къ матери. Тишина сельской жизни и ласки окружающихъ благотворно подѣйствовали на него. Сначала онъ предался исключительно животной жизни; но однажды, въ ненастную погоду, попробовалъ онъ заняться дѣломъ, сѣлъ писать и остался доволенъ началомъ труда. Выписалъ книги необходимыя для справокъ и занялся, не шутя. Такъ прошло мѣсяца полтора. Все было бы хорошо, но Александръ, къ концу этого срока, сталъ задумываться. Желаній у него не было никакихъ, а какія и были, такъ ихъ не мудрено было удовлетворить; они не выходили изъ предѣловъ семейной обыденности. Ничто его не тревожи-

ло: ни заботы, ни сомнѣнія; Казалось, онъ достигъ, къ чему стремился и долженъ быть счастливъ. Однако въ немъ не вполнѣ умерло чувство эгоизма. „Ему, мало-по-малу, надоѣлъ тѣсный домашній кругъ; угожденія матери стали докучны; а Антонъ Ивановичъ опротивѣлъ; надоѣлъ и трудъ, и природа не измѣняла его". Размышляя о своей новой тоскѣ, онъ открылъ, что ему скучно — по Петербургу. Уходя все дальше отъ минувшаго, онъ началъ жалѣть о немъ. Кровь еще кипѣла въ немъ, сердце билось, душа и тѣло требовали дѣятельности.

„Тяжелая школа, — писалъ онъ теткѣ Лизаветѣ Александровнѣ, — пройденная въ Петербургѣ, и размышленія въ деревнѣ проявили мнѣ вполнѣ судьбу мою. Удаляясь на почтенное разстояніе отъ уроковъ дядюшки и собственнаго опыта я уразумѣлъ ихъ здѣсь, въ тишинѣ и яснѣе, я вижу, къ чему бы они давно должны были привести меня, вижу какъ жалко и не разумно уклонялся я отъ прямой цѣли. Я теперь покоенъ: не терзаюсь, не мучусь, но не хвастаюсь этимъ: можетъ быть, это спокойствіе проистекаетъ пока изъ эгоизма; чувствую впрочемъ, что скоро взглядъ мой на жизнь уяснится до того, что я открою другой источникъ спокойствія — чище. Я вышелъ изъ тьмы, — писалъ онъ далѣе, — и вижу, что все пережитое мною до сихъ поръ было какимъ-то труднымъ приготовленіемъ къ настоящему пути, мудреною наукою для жизни. Что-то говоритъ мнѣ, что остальной путь будетъ легче, тише, понятнѣе... Темныя мѣста освѣтились, мудреные узлы развязались сами собою; жизнь начинаетъ казаться благомъ, а не зломъ. Скоро скажу опять: какъ хороша жизнь, но скажу не какъ юноша, упоенный минутнымъ наслажденіемъ, а съ полнымъ сознаніемъ ея истинныхъ наслажденій и горечи. „Я сдружился опять — писалъ онъ въ концѣ письма,— съ людьми, которые, мимоходомъ замѣчу, и здѣсь тѣ-же, какъ и въ Петербургѣ, только пожестче, погрубѣе и посмѣшнѣе. Но я не сержусь на нихъ и здѣсь, а тамъ и подавно не стану сердиться".

Теперь Александръ, очевидно, совершенно отрекается отъ своихъ романтическихъ мечтаній и можно предполагать, примется за работу, ради пользы и добра не вообще для всего

человѣчества, а для своего отечества. На дѣлѣ-же, мы видимъ совершенно иное; Александръ забываетъ всѣ лучшіе завѣты молодости, совершенно проникается совѣтами своего практическаго дяди, принимается усердно работать на службѣ, писать въ журналахъ по вопросамъ сельскаго хозяйства и переживъ эпоху юношескихъ волненій, достигаетъ положительныхъ благъ. Черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда въ Петербургъ, въ Александрѣ нельзя было узнать прежняго энтузіаста. Онъ оплѣшивѣлъ, растолстѣлъ, съ достоинствомъ носитъ орденъ на шеѣ; добрался до хорошаго мѣста и думаетъ жениться на молодой хорошенькой дѣвушкѣ, даже не интересуясь, любитъ ли она его, или нѣтъ. Превратившись въ „трезваго реалиста", Александръ стыдится своихъ прежнихъ увлеченій. — „Краснѣютъ, какъ преступники — и чего, сказала Лизавета Александровна: первой, нѣжной любви". Она пожала плечами и отвернулась отъ нихъ. Эти слова были, какъ бы надгробнымъ словомъ надъ живою душою Александра, которая съ этого времени окончательно деревянѣетъ Онъ превращается въ чиновника, въ дѣльца. Дядя въ немъ узнаетъ самого себя и съ гордостью говоритъ: „ты моя кровь, ты — Адуевъ".

При разборѣ характера Александра мы невольно замѣчаемъ, что молодой Адуевъ — какъ бы олицетвореніе участи, какую Пушкинъ считалъ возможною для мечтателя Ленскаго который подобно Адуеву, любилъ „восторженную рѣчь" и „славы сладкое мученье". Ленскій кончилъ свою жизнь на дуэли изъ-за невѣсты, но поэтъ дѣлаетъ слѣдующее предложеніе:

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался-бъ съ музами, женился,
Въ деревнѣ, счастливъ и богатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И, наконецъ, въ своей постели
Скончался бы среди дѣтей
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

Адуевъ, дѣйствительно, бросилъ свои поэтическіе восторги, съ головой окунулся въ „заботы суетнаго свѣта", но не для деревенскаго прозябанія, а во имя столичнаго бюрократизма.

Петръ Ивановичъ Адуевъ.

Петръ Ивановичъ Адуевъ воспитывался и получилъ образованіе въ той же помѣщичьей средѣ, что и его племянникъ Александръ. Въ романѣ онъ выведенъ человѣкомъ практическимъ, прозаическимъ, ровнымъ, холоднымъ, разсудительнымъ и сдержаннымъ. Но нужно замѣтить, что Петръ Ивановичъ не сразу сдѣлался такимъ, а было время, когда и онъ способенъ былъ надѣлать „глупостей" (напримѣръ, горячія объясненія въ любви на озерѣ съ желтыми цвѣтами). Вѣроятно, ему пришлось пройти тяжелую школу жизни, прежде, чѣмъ онъ обратился въ сухого чиновника-карьериста и практическаго дѣльца. Диктуя письмо Александру къ его пріятелю, онъ опредѣляетъ себя такъ: „Дядя мой ни демонъ, ни ангелъ, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ — только не совсѣмъ похожъ на насъ съ тобою. Онъ думаетъ и чувствуетъ по земному, полагаетъ, что если мы живемъ на землѣ, такъ не надо улетать съ нея на небо, гдѣ насъ пока не спрашиваютъ, а заниматься человѣческими дѣлами, къ которымъ мы призваны. Оттого онъ вникаетъ во всѣ земныя дѣла и, между прочимъ, въ жизнь, какъ она есть, а не какъ бы намъ ея хотѣлось. Вѣритъ въ добро и вмѣстѣ въ зло, въ прекрасное и прескверное. Любви и дружбѣ тоже вѣритъ; только не думаетъ, что онѣ упали съ неба въ грязь, а полагаетъ, что онѣ созданы вмѣстѣ съ людьми и для людей, что такъ и надобно понимать и вообще разсматривать вещи пристально, съ ихъ настоящей стороны, а не заноситься, Богъ знаетъ куда. Между честными онъ допускаетъ возможность пріязни, которая, отъ частыхъ сношеній и привычки, обращается въ дружбу. Но онъ полагаетъ также, что въ разлукѣ привычка теряетъ силу и люди забываютъ другъ друга и что это вовсе не преступленіе. О любви онъ того же мнѣнія, съ небольшими оттѣнками; не вѣритъ въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣритъ

въ домовыхъ — и намъ не совѣтуетъ вѣрить. Впрочемъ объ этомъ совѣтуетъ мнѣ думать какъ можно меньше, а я тебѣ совѣтую. Это, говоритъ онъ, придетъ само-собою безъ зову; говоритъ, что жизнь не въ одномъ только этомъ состоитъ, что для этого, какъ для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви — глупо. Тѣ, которые ищутъ ее и не могутъ обойтись безъ нея — живутъ сердцемъ, и еще чѣмъ-то хуже, на счетъ головы. Дядя любитъ заниматься дѣломъ... мы принадлежимъ къ обществу, которое нуждается въ насъ; занимаясь, онъ не забываетъ и себя; дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онъ очень любитъ... Дядя не всегда думаетъ о службѣ да о заводѣ, онъ знаетъ наизусть не одного Пушкина, онъ читаетъ на двухъ языкахъ все, что выходитъ замѣчательнаго по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, любитъ искусства, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ фламандской школы, — это его вкусъ, — часто бываетъ въ театрѣ, но не суетится, не мечется, на ахаетъ и не охаетъ, думая, что это — ребячество, что надо воздерживать себя, не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому что, до нихъ никому никакой надобности".

Петръ Ивановичъ не обманываетъ себя и другихъ, искрененъ, въ немъ нѣтъ ничего напускного, онъ откровенно заявляетъ, къ чему стремится: „Цѣль моей жизни — успѣхъ, выгода, та-же, что у тебя, Александръ, но ты не сознаешься въ этомъ, а я сознаюсь". Дядя гораздо умнѣе своего племянника, сразу разгадываетъ и обнаруживаетъ его передъ нимъ самимъ. Дѣлая извѣстныя предположенія, онъ съ такою логическою точностью выводитъ заключенія, что спорить съ нимъ почти невозможно. Къ тому же при всемъ своемъ дѣловомъ эгоизмѣ, онъ менѣе эгоистъ, чѣмъ племянникъ; въ немъ есть извѣстная доброта и даже теплота. При извѣстіи о пріѣздѣ въ Петербургъ племянника, у Петра Ивановича мелькнула мысль не принимать его, но онъ вспомнилъ слезы Анны Павловны при прощаніи, ея благословенія, какъ матери, ея ласки, ея пироги и, наконецъ, ея послѣднія слова: „Вотъ, когда выростетъ Сашенька, — тогда еще трехлѣтній ребенокъ, — можетъ быть и вы, братецъ, приласкаете его..." и постановилъ по возможности помочь молодому человѣку. Онъ при-

страиваетъ его на службу, слѣдитъ за его успѣхами, постоянно старается урезонить и успокоить, помочь въ несчастьи. „Найди-ка себѣ такого гувернера, — справедливо замѣчаетъ онъ.—Изъ чего я хлопоталъ".

Какъ человѣкъ умный, Петръ Ивановичъ сразу понялъ, что Александръ переживаетъ чувства и мысли, которыми когда-то, можетъ быть, былъ полонъ онъ самъ. Своими строго логическими рѣчами онъ помогаетъ племяннику легче переносить удары дѣйствительной жизни. Ему понятны чувства и страсти, а поэтому, зная характеръ человѣка, онъ довольно вѣрно предсказываетъ дальнѣйшія событія. Въ первый вечеръ, когда Александръ читалъ свой большой романъ, Петръ Ивановичъ разсказалъ, къ удивленію жены, все, что будетъ дальше. „Идея уже не новая, сказалъ онъ,—тысячу разъ писали объ этомъ. Далѣе и читать бы не нужно, да посмотримъ, какъ она развилась у него".

Благодаря знанію людей, въ жизни Адуевъ ловко пользуется всѣми дозволенными средствами, чтобы упрочить свое положеніе и увеличить состояніе. Когда одинъ изъ его компаніоновъ по заводу, нѣкто Сурковъ, влюбляется въ Тафаеву, и начинаетъ такъ сорить деньгами, что это можетъ повредить дѣламъ завода, Петръ Ивановичъ, тонко понимая психологію людей, вѣрно разсчитываетъ ходъ, которымъ сразу прекращаетъ непріятное для себя поведеніе компаніона. Петръ Ивановичъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, и на него можно положиться, онъ не пообѣщаетъ, чего не хочетъ или не можетъ сдѣлать. Сказавъ Александру, что онъ достанетъ ему литературную работу, Петръ Ивановичъ черезъ нѣсколько дней присылаетъ ему статьи для перевода. Свое обѣщаніе въ награду за исполненіе дѣла съ Тафаевой, онъ сейчасъ же исполняетъ и пересылаетъ племяннику вазы въ подарокъ. Въ немъ много благородства и, когда племянникъ одолживаетъ деньги своему товарищу по службѣ, дядя, считая себя косвенно виноватымъ въ этомъ, что не предупредилъ его, проситъ считать половину пропавшихъ денегъ за собою. Однимъ словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ. Онъ разъ навсегда составилъ себѣ непреложныя правила жизни, сообразуясь со своей натурой и съ требованіями свѣта.

Петру Ивановичу хотѣлось бы видѣть племянника такимъ, каковъ онъ самъ, и каждый разъ, когда пылкій молодой человѣкъ начинаетъ впадать въ крайность, онъ проситъ его закрыть „клапанъ". Всегда разсудочная и нѣсколько сдержанная рѣчь дяди играетъ роль холоднаго душа на разгоряченную кровь Александра. Правда, дядя, какъ энергичный человѣкъ, иногда дѣйствовалъ слишкомъ рѣшительно и рѣзко; ему казалось, что разъ надо дѣлать операцію, то не надо ее откладывать въ дальній ящикъ. Безъ всякой жалости выбрасываетъ онъ въ окна „вещественные знаки", которые считаетъ дрянью и пустяками, чего не слѣдуетъ держать въ комнатѣ... Отлично понимая, что, въ племянникѣ нѣтъ той искры Божіей, которая всегда теплится въ душѣ истиннаго поэта, онъ помогаетъ ему сжигать рукописи, о которыхъ далъ такой суровый, хотя и правдивый, отзывъ извѣстный писатель. Замѣтивъ же, что племянникъ готовъ изъ огня выхватить рукопись, онъ подвинулъ тетрадь въ глубину камина, прямо на огонь. „Ужъ это въ другой разъ я помогаю тебѣ очищать квартиру, сказалъ Петръ Ивановичъ: — надѣюсь, что на этотъ разъ..." — „Невозвратимо дядюшка..." — отвѣтилъ Александръ. „Аминь", промолвилъ дядя, положивъ ему руку на плечи. „Ну, Александръ, совѣтую тебѣ не медлить; сейчасъ же напиши Ивану Ивановичу, чтобы прислалъ тебѣ работу въ отдѣленіе сельскаго хозяйства. Ты по горячимъ слѣдамъ, послѣ всѣхъ глупостей, теперь напишешь преумную вещь".

Любовь, по мнѣнію, Адуева, требуетъ денегъ, лишнее щегольство и разныя другія траты... Любовь въ двадцать лѣтъ никуда не годится и ее можно только презирать. Имѣя невѣсту, онъ любитъ ее, помня себя, не разбивая и не опрокидывая ничего, какъ племянникъ это дѣлалъ. „Разумная любовь, хорошая любовь, которая помнитъ себя, насмѣшливо замѣтилъ Александръ, которая ни на минуту не забудется...— Дикая, животная, — перебилъ Петръ Ивановичъ, — не помнитъ, а разумная должна помнить; въ противномъ случаѣ..." „А что же". — „Такъ, гнусность, какъ ты говоришь".

Женившись, Петръ Ивановичъ даетъ супругѣ полный комфортъ, но въ отношеніяхъ къ ней придерживается строгой

системы. „Чтобы быть счастливымъ съ женщиной, научалъ онъ племянника — то есть не по твоему, какъ сумасшедшій, а разумно, надо много условій... надо умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, по методу, если хочешь, чтобы она поняла и исполнила свое назначеніе. Надо очертить ее кругомъ, не очень тѣсно, чтобъ она не замѣтила границъ и не преступила ихъ, хитро овладѣвъ не только ея сердцемъ, это что-то скользкое и не прочное обладаніе, а умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобъ она смотрѣла на вещи черезъ тебя, думала твоимъ умомъ... Устрой такъ, чтобы она не измѣнила ни въ чемъ женскаго характера и достоинства. Предоставь ей свободу дѣйствій въ ея сферѣ; но пусть за каждымъ ея движеніемъ, вздохомъ, поступкомъ, наблюдаетъ твой проницателный умъ, чтобы каждое мгновенное волненіе, вспышка, зародышъ чувства, всегда и всюду встрѣчалъ снаружи равнодушный, но не дремлющій глазъ мужа. Учреди постоянный контроль безъ всякой тиранніи... да искусно, незамѣтно для нея, и веди ее желаннымъ путемъ... О, нужна мудрая и тяжелая школа, и эта школа — умный и опытный мужчина — вотъ въ чемъ штука". Однако, несмотря на весь его умъ, ему не удается доставить счастье своей женѣ. Трудился ли онъ всю жизнь для общей человѣческой цѣли, или только для мелочныхъ причинъ, чтобы пріобрѣсть между людьми чиновное и денежное значеніе — это осталось для нея загадкою, а, между тѣмъ, она внутренно томилась чувствомъ нравственной неудовлетворенности. Петръ Ивановичъ, при всемъ своемъ умѣ, не могъ, наконецъ, не понять этого, и въ этомъ заключается вся его нравственная кара.

Анна Павловна Адуева.

Анна Павловна Адуева — небогатая помѣщица. Со смерти мужа вся жизнь ея сосредоточилась въ заботахъ объ единственномъ сынѣ Александрѣ; его она любила всей душой и разлука съ сыномъ, по случаю его отъѣзда въ Петербургъ, для нея крайне тяжела. „Часто въ хлопотахъ, она откроетъ ротъ, чтобы приказать что-нибудь, и вдругъ остановится на

полусловѣ, голосъ ей измѣнитъ, она отвернется въ сторону и оботретъ, если успѣетъ, слезу, а не успѣетъ, такъ уронитъ ее въ чемоданъ, въ который сама укладывала Сашенькино бѣлье. Слезы давно кипятъ у ней въ сердцѣ; онѣ подступили къ горлу, давятъ грудь и готовы брызнуть въ три ручья; но она какъ будто берегла ихъ на прощанье и издержки тратила по капелькѣ". Но, какъ женщина недалекая, всѣ свои заботы въ дѣлѣ воспитанія сына она сосредоточила на чисто внѣшней сторонѣ. Ее больше всего безпокоило: сытъ-ли? выспался-ли? здоровъ-ли онъ? Душа его оставалась для ней загадкой... Да и трудно было-бы ожидать отъ нея чего-нибудь другого. Въ умственномъ отношеніи сынъ ушелъ далеко впередъ за своимъ вѣкомъ, и всѣ его душевныя муки, волненія, показались бы ей странными и непонятными.

Когда сынъ пріѣхалъ изъ Петербурга, мать не сразу узнала его. „Гдѣ же твои волосики? какъ шелкъ были, — проговорила она сквозь слезы; — глаза свѣтились, словно двѣ звѣздочки; шеки—кровь съ молокомъ; весь ты былъ, наливное яблочко. Знать, извели лихіе люди, позавидовали твоей красотѣ, да моему счастью". Женскій инстинктъ и сердце матери говорили, что не плохая пища—главная причина перемѣны и задумчивости сына, но разрѣшить интересующую ее загадку она не въ силахъ была. Ей непонятна была и причина поѣздки сына въ Петербургъ.

— Зачѣмъ ты ѣдешь? — Искать счастья. — Да развѣ тебѣ здѣсь не хорошо, развѣ мать день-деньской не думаетъ о томъ, какъ бы угодить всѣмъ твоимъ прихотямъ?... Всѣ смотрятъ тебѣ въ глаза... Что ты найдешь въ Петербургѣ? — продолжала она. — Ты думаешь, тамъ тебѣ такое-же житье будетъ, какъ здѣсь. Э, мой другъ, Богъ знаетъ, чего насмотришься и натерпишься: и холодъ, и голодъ, и нужду, все перенесешь. Злыхъ людей вездѣ много, а добрыхъ не скоро найдешь. А почетъ — что въ деревнѣ, что въ столицѣ — все тотъ-же почетъ. Какъ не увидишь петербургскаго житья, такъ и покажется тебѣ, живучи здѣсь, что ты первый въ мірѣ; и во всемъ такъ мой милый".

Привыкнувъ съ дѣтства къ крѣпостному праву, Анна Павловна распоряжается судьбой своихъ подчиненныхъ безъ

всякаго стѣсненія. Уѣзжая съ бариномъ въ Петербургъ, Евсей подошелъ къ баринѣ, поклонился ей въ ноги и поцѣловалъ у нея руку. Она дала ему пятирублевую ассигнацію. — ,,Смотри-же, Евсей, помни: будешь хорошо служить, женю на Аграфенѣ, а не то...'' Она не сказала ничего болѣе, но Евсей отлично зналъ, что скрывается въ неоконченной фразѣ. Эти же самые взгляды она приводила сыну: ,,Вонъ твои коровки и лошадки пасутся. Здѣсь ты одинъ всему господинъ, а тамъ, можетъ быть, всякій станетъ помыкать тобой. И ты хочешь бѣжать отъ такой благодати, еще не знаешь куда, въ смутѣ, можетъ быть, прости Господи...'' Анна Павловна, невѣжественна, суевѣрна и придаетъ значеніе снамъ, она всецѣло поглощена практической стороной жизни и такъ представляетъ себѣ и религію, и Бога, и святыхъ. Это видно изъ напутственнаго наставленія сыну: ,,Богъ одинъ знаетъ, что тамъ тебя встрѣтитъ, чего ты наглядишься, и хорошаго, и худого. Надѣюсь, онъ, Отецъ мой небесный, подкрѣпитъ тебя, а ты, мой другъ, пуще всего не забывай Его, помни, что безъ вѣры нѣтъ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ. Достигнешь тамъ большихъ, въ знать войдешь... все-таки смиряйся передъ Господомъ Богомъ: молись и въ счастьи и въ несчастьи, а не по пословицѣ: ,,громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится''. Иной, пока везетъ ему, и въ церковь не заглянетъ, а какъ придетъ въ немочь — и пойдетъ рублевыя свѣчи ставить, да нищихъ одѣлять; это большой грѣхъ. Къ слову пришлось о нищихъ. Не трать на нихъ денегъ попустому, по многу не давай. На что баловать, ихъ не удивишь. Они пропьютъ, да надъ тобою же насмѣются''. Говоря о посѣщеніи церкви, она придаетъ этому значеніе какого-то искательства небесной протекціи. ,,Гдѣ тебѣ быть такъ усердному въ церкви Божіей, какъ намъ, старикамъ. Еще, пожалуй, служба помѣшаетъ, или засидишься поздно въ хорошихъ людяхъ и проспишь. Богъ пожалѣетъ твоей молодости. Не тужи; у тебя есть мать. Она не проспитъ. Пока во мнѣ останется хоть капелька крови, пока не высохли слезы въ глазахъ и Богъ терпитъ грѣхамъ моимъ, я ползкомъ дотащусь, если не хватитъ силъ дойти до церковнаго порога; послѣдній вздохъ отдамъ, послѣднюю слезу выплачу за тебя, моего друга. Вымолю тебѣ и здоровье, и чиновъ,

и крестовъ, и небесныхъ и земныхъ благъ. Неужели-то Онъ, милосердный Отецъ, презритъ молитвой бѣдной старухи".

Въ своемъ разборѣ „Обыкновенной исторіи" Бѣлинскій назвалъ мать Адуева — „доброю внучкой злой Простаковой" (изъ комедіи „Недоросль").

ЮМОРЪ

въ сопоставленіи двухъ Адуевыхъ.

Трудно себѣ представить болѣе различныхъ людей, чѣмъ дядя и племянникъ Адуевы. Первый — образецъ энергіи, предпріимчивости, здороваго и холоднаго ума, а второй — мечтатель, тихоня, а подчасъ и лѣнтяй, первый—уравновѣшенный, съ твердой волей человѣкъ, второй — мягкая, безпокойная личность. Нѣтъ ничего удивительнаго, что разговоры и столкновенія между этими двумя людьми полны истиннаго, неподдѣльнаго юмора. У нихъ такъ много противорѣчія въ характерѣ, что неизбѣжны постоянныя, въ высшей степени комическія недоразумѣнія и взаимныя непониманія, — послѣднее главнымъ образомъ со стороны Александра. Характеренъ въ этомъ отношеніи ихъ первый разговоръ. Адуевъ Александръ, только что пріѣхалъ изъ деревни, за полторы тысячи верстъ, въ Петербургъ. Онъ уже кончилъ университетъ, слѣдовательно пожилъ въ большомъ городѣ, но складъ ума и понятій у него чисто деревенскій. Онъ привыкъ уважать старшихъ, не относясь критически къ нимъ, привыкъ считать дружбу, возвышеннымъ неизмѣннымъ чувствомъ и вдругъ дядя встрѣчаетъ его такими рѣчами: „Тетушкѣ твоей пора-бы съ лѣтами быть умнѣе, а она, я вижу, все такая же дура, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ. У васъ еще не перевелись такіе ослы"? спрашиваетъ затѣмъ онъ про одного помѣщика. Александра — по словамъ автора — сразили эти отзывы о людяхъ, къ которымъ онъ привыкъ относиться съ большимъ уваженіемъ.

И въ другихъ мѣстахъ онъ щедро сыплетъ смѣшными описаніями дѣйствій и выраженій лица обоихъ собесѣдниковъ, напримѣръ: ,,У дяди начинали подниматься брови и расширяться глаза... о, какая высокая, небесная награда", почти заревѣлъ Александръ...—,,Не близко, не близко, Александръ, закрой клапанъ"—заговорилъ Петръ Ивановичъ, видя, какіе большіе глаза сдѣлалъ племянникъ, и проворно придвинулъ къ себѣ разныя мелкія вещи, бюстики, фигурки, часы и чернильницу... Петръ Ивановичъ сдѣлалъ кислую мину... — ,,Не о фарфорѣ рѣчь, дядюшка; вы слышали, что я сказалъ" — грозно перебилъ Александръ. — ,,М-м-м". промычалъ утвердительно дядя, обгладывая косточку". Всѣ эти замѣчанія автора комичны сами по себѣ, а въ связи съ цѣлымъ составляютъ въ высшей степени юмористическую картину, при которой читатель не можетъ удержаться отъ смѣха. Кромѣ того, Гончаровъ заставляетъ своихъ героевъ обозначить глупую сентиментальность на любовной почвѣ словомъ ,,желтые цвѣты", всякій разъ, обставляя ихъ комическими подробностями. Желтые цвѣты дѣлаются bête noir сначала племянника, а потомъ и дядюшки, и одно упоминаніе о которыхъ вызываетъ у читателя искренній смѣхъ. Но главнымъ юмористическимъ элементомъ ,,Обыкновенной исторіи", являются самые разговоры дяди съ племянникомъ.

Петръ Ивановичъ, какъ говорится, въ карманъ за словомъ не лѣзетъ, на каждомъ шагу употребляя ,,словечки", и въ нужныхъ случаяхъ окачиваетъ холодною водою расходившагося племянника. Онъ постоянно удивляется глупости и отсталости провинціальныхъ родственниковъ и знакомыхъ, тѣмъ болѣе его удивили рѣчи племянника, кончившаго университетъ. А Александръ, какъ на грѣхъ, говорилъ одну ,,дикость" за другою и притомъ особеннымъ, возвышеннымъ слогомъ, какимъ читалъ лекціи профессоръ эстетики. Въ Петербургъ молодой Адуевъ привезъ съ собою цѣлую кипу проектовъ, стиховъ и прозаическихъ упражненій и всѣмъ этимъ готовился поразить дядю. Петръ Ивановичъ попросилъ ихъ себѣ, чтобы... передать слугѣ, которому нужна была бумага для оклейки чего-то... Помимо своихъ литературныхъ трудовъ, Александръ запасся вещественными знаками невещественъ-

ныхъ отношеній; колечко и пучокъ волосъ дядюшка выбросилъ за окно, а письмомъ къ дѣвушкѣ, взаимной возвышенной любовью которой пользовался Александръ, закурилъ свою сигару... Въ столицѣ Александръ думалъ жить въ свое удовольствіе, но дядя доказалъ ему, что для этого необходимы средства, въ пятьдесятъ разъ большія привезенныхъ имъ; во время отдыха между наслажденіями жизнью, племянникъ думалъ заняться писательствомъ и составленіемъ различныхъ проектовъ, которые должны были бы предначертать благо родинѣ, а дядя прислалъ ему для перевода скучнѣйшую статью о наземѣ и о картофельной патокѣ, проекты же посовѣтовалъ спрятать подальше, чтобы никто и не пронюхалъ о нихъ. О службѣ Александръ былъ слѣдующаго мнѣнія:

— „Вотъ бы на первый разъ мѣсто столоначальника хорошо. Я бы присмотрѣлся къ дѣлу, а тамъ, мѣсяца черезъ два, можно бы и въ начальники отдѣленій".

Дядя навострилъ уши.

— „Конечно, конечно — сказалъ онъ: — потомъ черезъ три мѣсяца въ директоры; ну, а тамъ черезъ годъ и въ министры: такъ, что ли?"

Но дѣйствительность показала Александру, что всѣ его мечты неосуществимы. Онъ началъ служить, какъ начинаютъ всѣ.

Часто Петръ Ивановичъ уличалъ своего племянника въ различныхъ некрасивыхъ поступкахъ и даже во лжи. Такъ, напримѣръ, разговоръ ихъ по поводу вдовы Тафаевой, когда дядя выводитъ на свѣжую воду Александра. Въ концѣ концовъ, „Александръ былъ, какъ въ пыткѣ. Со лба капали крупныя капли пота. Онъ едва слышалъ, что говорилъ дядя и не смѣлъ взглянуть ни на него, ни на тетушку." Въ этомъ разговорѣ такъ много юмору, такъ комиченъ Александръ, поневолѣ соглашающійся съ ироническими замѣчаніями дяди, что сколько бы разъ вы ни читали „Обыкновенную исторію", — эта сцена неизмѣнно вызоветъ у васъ смѣхъ. Вообще Гончаровъ былъ великій мастеръ передавать разговоры, но въ разговорахъ двухъ Адуевыхъ онъ, такъ сказать, превзошелъ самого себя. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ у автора такой массы остроумія, юмора и тонкой наблюдательности, какъ въ описаніи этихъ разговоровъ.

Юморъ обыкновенно проявляется при сопоставленіи двухъ противоположностей; въ то время, какъ комизмъ есть по преимуществу ,,смѣхъ умственный", т. е. человѣкъ смѣется подъ вліяніемъ зрѣлища, паденія идеи, отступленія дѣйствительности отъ нормы, — юморъ соединяется съ симпатическимъ чувствомъ къ лицу, попавшему подъ его лучи; таковъ, напримѣръ, смѣхъ Диккенса. Юморъ часто бываетъ связанъ съ комизмомъ, но не въ равныхъ пропорціяхъ. У Гоголя, напримѣръ, количество комизма превышаетъ количество юмора; у него замѣчается любовь къ дальнему, т. е. къ лицу, которое не находится съ нимъ въ близкомъ соприкосновеніи. Извѣстно, что ,,Мертвыя души", ,,Записки сумасшедшаго" и нѣкоторыя другія свои произведенія онъ писалъ за границей, ,,изъ прекраснаго далека"; да и могъ ли онъ симпатизировать Сквозникъ-Дмухановскому, Хлестакову, Чичикову, Собакевичу.

У Гончарова совсѣмъ не то. Онъ изображаетъ своихъ героевъ чисто юмористически, относясь къ нимъ по своему обыкновенію — вполнѣ объективно, вслѣдствіе чего въ ,,Обыкновенной исторіи" сильнѣе замѣтенъ юморъ. Дѣйствительно, къ этому юмору нельзя приложить гоголевскаго опредѣленія, которое говоритъ, что онъ ,,озираетъ жизнь сквозь видный міру смѣхъ, и незримыя, невѣдомыя міру слезы", но это опредѣленіе само по себѣ довольно узко. Дѣло въ томъ, что юморъ останавливается на серьезной сторонѣ уклоняющагося отъ нормы явленія или, обратно, показываетъ смѣшное тамъ, гдѣ всѣ видятъ серьезное. Складъ понятій Александра очень многимъ мечтателямъ могъ показаться обыденнымъ, естественнымъ; то же слѣдуетъ сказать и объ убѣжденіяхъ Адуева-старшаго. Но Гончаровъ, посредствомъ сопоставленія, доказалъ, насколько тѣ и другія ненормальны, и тѣмъ достигъ юмористической окраски нѣкоторыхъ эпизодовъ романа. Его юморъ въ изображеніи двухъ Адуевыхъ по справедливости можно назвать образцомъ истиннаго юмора, который опредѣляетъ, какъ возвышенное въ комическомъ.

„ОБЛОМОВЪ“.

Общія замѣчанія.

Отдавши первымъ своимъ романомъ дань своей юности и осмѣявши ея романтическія увлеченія въ лицѣ Александра Адуева, Гончаровъ принялся за другой романъ, далеко уже не такъ субъективный, въ которомъ творчество его проявилось во всей своей могучей силѣ и расцвѣтѣ. Слѣдуетъ, однако сказать, что романы „Обломовъ“ и „Обрывъ“, появившіеся въ свѣтъ десять лѣтъ спустя одинъ послѣ другого, были задуманы и даже писались почти разомъ. Извѣстно, что въ „Современникѣ“ 1848—1849 г. г. былъ помѣщенъ уже „Сонъ Обломова“. Въ слѣдующемъ же 1849 году, судя по воспоминаніямъ Гончарова, задуманъ былъ „Обрывъ“.

„Романъ — пишетъ онъ — былъ задуманъ въ 1849 году, когда я, послѣ 14-тилѣтняго отсутствія, пріѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу. Тутъ толпой хлынули ко мнѣ старыя знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій тогда патріархальный бытъ и вмѣстѣ новые побѣги — смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства — все это залегло мнѣ въ голову и почти мѣшало кончить „Обломова“, котораго была написана первая часть, а остальныя гнѣздились въ головѣ“.

Въ 1852 году Гончаровъ получилъ предложеніе отъ морского министерства отправиться въ кругосвѣтное плаванье. Гончаровъ согласился на это предложеніе и отправился кругомъ свѣта на фрегатѣ „Паллада“. Результатомъ долгаго и труднаго путешествія, сначала по морямъ кругомъ свѣта, потомъ чрезъ всю Сибирь, были письма, адресованныя къ сослуживцамъ. Въ 1856—1857 г. г. они, послѣ тщательной обработки, вышли въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Фрегатъ Паллада“. Письма съ дороги не мѣшали Гончарову заниматься обоими романами, которые, по его собственнымъ словамъ, онъ возилъ вокругъ свѣта „въ головѣ и въ программѣ, небрежно написанной на клочкахъ—и говорилъ, разсказывалъ, читалъ вслухъ всѣмъ, кому попало, радуясь своему запасу“.

Издавъ книгу „Фрегатъ Паллада", Гончаровъ поѣхалъ отдохнуть за границу и тамъ, на водахъ въ Маріенбадѣ, кончилъ въ 1857 г. романъ „Обломовъ" и „тогда же, — говоритъ онъ — прямо изъ Маріенбада поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ засталъ двухъ-трехъ пріятелей изъ русскихъ литераторовъ, и прочелъ имъ только что написанныя въ уединеніи, на водахъ, три послѣднія части „Обломова" за исключеніемъ трехъ послѣднихъ главъ, которыя дописалъ въ Петербургѣ, и опять прочелъ ихъ ужъ тамъ — тѣмъ же лицамъ". Наконецъ въ 1859 году „Обломовъ" былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ записках". Итакъ, понадобился промежутокъ времени около десяти лѣтъ, чтобы задуманный Гончаровымъ, поразительный по своему захвату, синтезъ русской жизни принялъ, въ концѣ концовъ, тотъ видъ, въ какомъ его знаетъ читающая Россія.

Появленіе „Обломова" въ печати совпало съ могущественнымъ подъемомъ духа въ русскомъ обществѣ накануне „эпохи великихъ реформъ", когда во всѣхъ концахъ нашего отечества раздавался протестъ противъ отжившаго общественнаго строя, противъ мертваго застоя, въ какомъ находилась до тѣхъ поръ наша жизнь. Своимъ романомъ Гончаровъ, давши въ немъ единственное по широтѣ захвата художественное обобщеніе барской до-реформенной Россіи, помогъ сразу разгадать, въ чемъ коренились главнѣйшія причины неподвижности и апатіи нашего общества. Его романъ представляетъ богатѣйшія данныя для изученія вліянія крѣпостного строя на духовный складъ русскихъ помѣщиковъ и даетъ обильный матеріалъ для сужденія о русской жизни вообще. Нужно было жить въ то время — пишетъ Скабичевскій, — чтобы понять, какую сенсацію возбудилъ этотъ романъ въ публикѣ и какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ онъ на все общество. Онъ, какъ бомба, упалъ въ интеллигентную среду какъ разъ во время самаго сильнаго общественнаго возбужденія, за три года до освобожденія крестьянъ, когда во всей литературѣ проповѣдывался крестовый походъ противъ сна инерціи и застоя. Общество приглашалось бодро и энергично стремиться впередъ по пути прогресса, и романъ всѣми своими образами вторилъ этому призыву.

Но въ немъ сразу прозрѣло и нѣчто большее, чѣмъ одно служеніе злобѣ дня, нѣчто существенное и глубоко проникающее въ тайники русской жизни. Довольно сказать, что никто не могъ читать романъ, относясь къ типу Обломова объективно, каждый непремѣнно тотчасъ же примѣнялъ этотъ типъ къ себѣ и находилъ въ своей личности то тѣ, то другія обломовскія черты. Это происходило оттого, что въ романѣ даръ обобщеній достигъ у автора своего апогея. Въ Обломовѣ выразился не одинъ лишь развившійся на почвѣ крѣпостного права помѣщичій типъ, — это типъ племенной, захватывающій въ себѣ черты, свойственныя русскимъ людямъ, безотносительно къ тому, къ какому они принадлежатъ сословію или званію. Добролюбовъ, въ своей знаменитой статьѣ по поводу романа Гончарова, вполнѣ справедливо приравниваетъ къ Обломову, всѣхъ героевъ времени, начиная съ Онѣгина и Печорина и кончая Бельтовымъ и Рудинымъ. Онъ могъ бы еще и далѣе вести свою параллель и найти обломовскія черты во всѣхъ, когда-либо, выведенныхъ въ русской литературѣ характерахъ.

Подробное содержаніе романа.

Романъ „Обломовъ" состоитъ изъ четырехъ частей. Въ нихъ 46 главъ.

Часть первая. На Гороховой улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ Илья Ильичъ Обломовъ, „дворянинъ родомъ, коллежскій секретарь, безвыѣздно живущій двѣнадцатый годъ въ Петербургѣ". На лицѣ его теплился ровный свѣтъ безпечности, который переходитъ въ позы всего тѣла, даже въ складки халафрока. Когда онъ былъ дома, — а онъ былъ почти всегда дома, — онъ все лежалъ и все постоянно въ одной комнатѣ, служившей ему спальней, кабинетомъ и пріемной, въ остальныя три комнаты онъ не заглядывалъ.

Илья Ильичъ проснулся противъ обыкновенія очень рано, часовъ въ восемь. Онъ былъ сильно озабоченъ, такъ какъ на-

канунѣ получилъ изъ деревни непріятное письмо отъ старосты: неурожай, недоимки, уменьшеніе дохода и т. п. Обломовъ сознавалъ необходимость предпринять что-нибудь рѣшительное; кромѣ того хозяинъ дома требовалъ очистки квартиры. Несмотря на эти два ,,несчастья", Илья Ильичъ все лежитъ, думаетъ и никакъ не можетъ рѣшиться ни на переѣздъ изъ квартиры, ни на то, что-бъ самому заняться деревенскимъ хозяйствомъ. Нѣсколько разъ Обломовъ зоветъ своего крѣпостного слугу, Захара, но забываетъ зачѣмъ звалъ и заставляетъ его исполнять мелкія порученія. Баринъ никакъ не добьется отъ Захара чистоты и опрятности, большей почтительности къ себѣ, большей заботливости о его покоѣ.

Обломовъ все лежалъ и думалъ. Неизвѣстно, долго-ли бы еще пробылъ онъ въ нерѣшительности, но въ передней раздался звонокъ. Къ нему зашелъ Волковъ, малопривлекательная личность, занятая только визитами. Обломовъ слушаетъ разсѣянно; его не занимаетъ то, что составляетъ смыслъ жизни гостя, но все-таки онъ приглашаетъ его посидѣть, пообѣдать и пробуетъ посовѣтоваться о своихъ ,,несчастьяхъ".

— Pardon, некогда, — торопится Волковъ: — въ другой разъ!

Вошелъ новый гость, бывшій сослуживецъ Ильи Ильича, начальникъ отдѣленія какого-то департамента, Судбинскій, который теперь уже ,,ѣздитъ" на службу. Весь смыслъ жизни этого бюрократа-карьериста сосредоточился въ кругу канцеляріи. ,,Увязъ, любезный другъ, по уши увязъ", думалъ Обломовъ послѣ его ухода. ,,И слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ для всего остального въ мірѣ. А выйдетъ въ люди, будетъ со временемъ ворочать дѣлами, и чиновъ нахватаетъ..."

Забѣжалъ на минуту къ Ильѣ Ильичу литераторъ Пенкинъ, который пишетъ ,,о торговлѣ, о эмансипаціи женщинъ, о прекрасныхъ апрѣльскихъ дняхъ, которые выпали намъ на долю, и о вновь изобрѣтенномъ составѣ противъ пожаровъ" Пенкинъ спѣшитъ въ типографію и на гулянье, чтобы ночью описать это гулянье и, чѣмъ свѣтъ, въ редакцію отправить ,,И все писать, писать — думалъ о немъ Обломовъ, — как колесо, какъ машина: пиши завтра, послѣзавтра; праздник

придетъ, лѣто настанетъ — а онъ все пиши! Когда-же остановиться и отдохнуть? Несчастный!"

Но вотъ опять звонокъ — появился беззавѣтный Алексѣевъ, а за нимъ вскорѣ нахальный и шумный Тарантьевъ, землякъ Обломова. Эти два гостя ходили къ Ильѣ Ильичу пить, ѣсть, курить хорошія сигары. Они находили теплый, покойный пріютъ и всегда одинаково, если не радушный, то равнодушный пріемъ. Особенно поражалъ своею безцеремонностью Тарантьевъ. За обѣщаніе отыскать Обломову квартиру, онъ требуетъ съ него къ обѣду бутылку мадеры въ семь рублей; за совѣтъ, что дѣлать со старостой, выпрашиваетъ „надбавки портера".

— Да постой, дай деньги, я мимо пойду и принесу, мнѣ еще надо кое-куда сходить.

Тарантьевъ ушелъ было въ переднюю, но вдругъ воротился.

— Завтра звали меня на свадьбу: Рокотовъ женится. Дай, землякъ, своего фрака надѣть; мой-то видишь ты, пообтерся немного...

Однако Захаръ рѣшительно возсталъ противъ этой просьбы.

Изъ V и VI гл. мы узнаемъ, что Илья Ильичъ не былъ воспитаніемъ приготовленъ къ жизни, что его университетское образованіе было безцѣльно и не имѣло никакого практическаго смысла. Государственная служба представлялась ему въ видѣ какого-то семейнаго занятія, въ родѣ, напримѣръ, записыванія въ тетрадку прихода и расхода, какъ дѣлывалъ его отецъ. Обломовъ прослужилъ кое-какъ годъ—два и убѣдившись въ своей негодности для службы, подалъ въ отставку. Сначала Обломовъ интересовался общественной жизнью, волновался, какъ всѣ, надѣялся, радовался пустякамъ, и отъ пустяковъ страдалъ. Понемногу Илья Ильичъ разошелся съ знакомыми. Его почти не влекло изъ дома, и онъ съ каждымъ днемъ все крѣпче и постояннѣе водворялся въ своей квартирѣ и опускался. Онъ самъ не замѣтилъ, какъ обезсилѣлъ, въ пустой, ничѣмъ не занятой жизни и какъ безплодно тратилъ время въ праздныхъ мечтаніяхъ о дѣйствительности.

Оставшись одинъ, Обломовъ рѣшилъ заняться письмами къ хозяину дома и къ старостѣ. „Нѣтъ, прежде дѣло", строго подумалъ онъ, „а потомъ..." однако легъ на спину и, по обыкновенію, замечтался. Однимъ словомъ, онъ ничего не дѣлаетъ, по цѣлымъ днямъ мечтаетъ и валяется на диванѣ.

Изъ числа посѣтителей Обломова одинъ, именно докторъ, возбудилъ вниманіе Ильи Ильича, серьезною угрозою, что ежели онъ, Илья Ильичъ, не перемѣнитъ своего лѣниваго образа жизни, то ему будетъ плохо. Докторъ оставилъ Обломова въ самомъ жалкомъ положеніи. Раскаяніе и грусть охватили Илью Ильича. Сравнивая себя съ другими, онъ долженъ былъ признать, что другой успѣлъ бы написать всѣ письма, и переѣхалъ бы на другую квартиру и планы бы всѣ привелъ въ исполненіе, и въ деревню съѣздилъ бы... „Однако... любопытно бы знать... отчего я... такой?... — сказалъ онъ опять шопотомъ. Вѣки у него закрылись совсѣмъ. — Да, отчего?... Должно быть... оттого... — силился выговорить онъ и не выговорилъ". Такъ онъ и не додумался до причины; языкъ и губы мгновенно замерли на полусловѣ и остались, какъ были полуоткрыты. Вмѣсто слова, послышался еще вздохъ, и вслѣдъ затѣмъ стало раздаваться ровное храпѣніе безмятежно-спящаго человѣка.

Глава IX. Сонъ Обломова.

Онъ представляетъ художественную картину дѣтства Ильи Ильича и типическое воспроизведеніе барской жизни въ отдаленной провинціи, во вторую четверть минувшаго столѣтія.

Ильѣ Ильичу приснился родной край — Обломовка, гдѣ жили счастливые люди, думая, что и всѣ люди живутъ точно такъ же, какъ и они. У нихъ, какъ и у всѣхъ людей, были заботы и слабости, взносъ подати или оброки, лѣнь и сонъ; но все это обходилось имъ дешево, безъ волненій, безъ порчи крови.

„Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело". Няня одѣваетъ его. Мать осыпаетъ его страстными поцѣлуями, под-

сказываетъ слова молитвы. Всѣ родные и приживальщики дома Обломова, подхватили Илью Ильича и стали осыпать его ласками и похвалами. Потомъ мать отпустила его гулять въ садъ, по двору, на лугъ, со строгимъ предостереженіемъ нянькѣ, не оставлять ребенка одного. Однако, мальчикъ не особенно внималъ запрещеніямъ матери, ему хочется пошалить, но глазъ няни не позволяетъ ему разгуляться. Впрочемъ, не всегда рѣзвъ ребенокъ. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія, любопытство его задѣто, но взрослые не умѣютъ его правильно удовлетворить. Наблюдаетъ ребенокъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые: ни одна черта, ни одна мелочь не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія его; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта: напитывается умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни, по жизни его окружающей.

Съ ранняго дѣтства привыкаетъ Ильюша къ мысли, что крѣпостные должны работать на помѣщиковъ, а послѣдніе могутъ ничего не дѣлать. Самъ Обломовъ цѣлый день сидитъ у окна и, отъ нечего дѣлать, болтаетъ съ крѣпостными. Мать же поглощена домашними мелочами. Главною заботою взрослыхъ была кухня и обѣдъ, о которомъ совѣщались цѣлымъ домомъ. Послѣ обѣда воцарялась тишина — всѣ ложились спать. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Наконецъ, начинается пробужденіе; мальчикъ подлѣ матери и вслушивается въ сонный и вялый разговоръ взрослыхъ. Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Запахло сыростью. Въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ крѣпко и покойно, а мальчикъ хочетъ гулять, но мать его пугаетъ и даетъ волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушаетъ ее, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Нянька уноситъ соннаго въ постель. „Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! — говорили „обломовцы,“ ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. — Прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!“

Потомъ Обломову приснился безконечный зимній вечеръ. Няня нашептываетъ ему чудную сказку о невѣдомой странѣ. Ребенокъ, объятый ужасомъ, жмется къ ней со слезами на глазахъ. Илья Ильичъ и увидитъ послѣ, что просто устроенъ міръ, что не встаютъ мертвецы изъ могилъ, что великановъ какъ только они заведутся, тотчасъ сажаютъ въ балаганъ и разбойниковъ — въ тюрьму. Но если пропадаетъ самая вѣра въ призраки, то остается какой-то остатокъ страха и безотчетной тоски.

Далѣе, Илья Ильичъ увидѣлъ себя мальчикомъ лѣтъ тринадцати-четырнадцати. Онъ учится въ пансіонѣ у нѣмца Штольца. Снится Ильѣ Ильичу большая темная гостиная въ родительскомъ домѣ. Наступаетъ длинный зимній вечеръ. Мать въ кругу приживалокъ, сидитъ на диванѣ и лѣниво вяжетъ чулокъ. Отецъ, заложивъ руки за спину, ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Скучно. Кто-нибудь зѣваетъ вслухъ и за нимъ начнутъ зѣвать всѣ, при чемъ иного прошибаетъ слеза. Говорить не о чемъ. Вспомнятъ какой-нибудь комическій случай, всѣ встрепенутся и разразятся дружнымъ долгимъ хохотомъ. Наконецъ, девять часовъ, пора закусить. Послѣ ужина, поцѣловавшись и перекрестивъ другъ друга, всѣ расходятся по своимъ постелямъ и сонъ воцаряется надъ безпечными головами. „Видитъ Илья Ильичъ во снѣ не одинъ, не два такіе вечера, но цѣлыя недѣли, мѣсяцы и годы такъ проводимыхъ дней и вечеровъ.“ Ничто не нарушало однообразія этой жизни, а сами обломовцы не тяготились ею. Это былъ какой-то, не то безконечный сонъ, не то безграничный праздникъ.

Наступилъ понедѣльникъ. Барчонка къ нѣмцу везутъ учиться. Но наука ведется крайне нерегулярно; нѣжные родители пріискиваютъ предлога удержать сына дома. Старики понимали выгоду просвѣщенія, но только внѣшнюю его выгоду. О внутренней потребности ученья они имѣли еще смутное и отдаленное понятіе, и потому имъ хотѣлось добыть какъ-нибудь аттестатъ, въ которомъ бы сказано было, что Ильюшка „прошелъ всѣ науки и искусства“. Окружающая жизнь сдѣлала то, что въ мальчикѣ ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

Въ самомъ концѣ первой части неожиданное появленіе у Обломова стараго его товарища и друга дѣтства, Андрея Штольца, приводитъ Илью Ильича въ восторгъ.

Часть вторая. Штольцъ, сынъ нѣмца, женатаго на русской, выросъ и воспитался въ деревнѣ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ. Съ восьми лѣтъ его засадили учиться. Мальчикъ отличался большой рѣзвостью и отецъ поощрялъ въ немъ эту черту. Когда Андрюша подросъ, отецъ сажалъ его съ собой въ телѣжку, давалъ вожжи и велѣлъ везти на фабрику, на поля, въ городъ, къ купцамъ и т. п. Четырнадцати лѣтъ мальчикъ частенько отправлялся одинъ съ порученіями отъ отца и всегда ихъ хорошо исполнялъ. Учился мальчикъ блестяще, и отецъ за особую плату сдѣлалъ его репетиторомъ въ своемъ маленькомъ пансіонѣ. Старикъ Штольцъ учился въ университетѣ и рѣшилъ, что и сынъ долженъ получить высшее образованіе.

Штольцъ ровесникъ Обломову; и ему уже за тридцать лѣтъ. Онъ служилъ, вышелъ въ отставку, занялся своими дѣлами, нажилъ домъ и деньги. Онъ шелъ твердо, бодро; жилъ по бюджету, стараясь тратить каждый день, какъ каждый рубль, съ ежеминутнымъ, никогда не дремлющимъ контролемъ сдержаннаго времени, труда, силъ души и сердца. У него не было идоловъ, зато онъ сохранилъ силу души, крѣпость тѣла. Къ разъ намѣченной цѣли онъ шелъ отважно престутая черезъ всѣ преграды, и лишь тогда отказывался отъ задачи, когда на пути его возникала какая-нибудь непреодолимая стѣна. Штольцъ былъ сильно привязанъ къ Обломову.

Пріѣздъ Штольца обрадовалъ Обломова, который поспѣшилъ съ нимъ подѣлиться своими двумя ,,несчастіями", но Штольцъ въ нихъ не видитъ ничего особеннаго и совѣтуетъ другу, самому уѣхать въ деревню. ,,Какой-то плутъ этотъ староста! — сказалъ онъ. — Распустилъ мужиковъ да и жалуется!" Смущеніе же Обломова, по случаю отказа отъ квартиры, его только удивляетъ. ,,Вотъ избаловался-то человѣкъ: съ квартиры тяжело съѣхать!" — съ удивленіемъ произнесъ Штольцъ. Онъ, какъ человѣкъ умный, отлично видитъ, что Илья Ильичъ опускается, ничего не дѣлаетъ, не читаетъ, ничѣмъ

не интересуется. „Надо же выйти изъ этого сна". — „Пробо
валъ прежде, не удалось, а теперь... зачѣмъ?", говоритъ
Обломовъ.

Однако, Штольцу, послѣ большихъ усилій, удается вы
вести своего друга изъ апатіи, хотя на время. Черезъ двѣ не
дѣли Штольцъ уже уѣхалъ въ Англію, взявъ съ Обломова
слово пріѣхать въ Парижъ. Илья Ильичъ приготовилъ пас
портъ, собралъ вещи, но не уѣхалъ ни черезъ мѣсяцъ, ни че
резъ три. Теперь образъ жизни его сильно измѣнился. Вста
етъ онъ въ семь часовъ, читаетъ, носитъ куда-то книги. На
лицѣ ни сна, ни усталости, ни скуки; въ глазахъ блескъ, что
то въ родѣ отваги или самоувѣренности. Халатъ въ опалъ
и Обломовъ сидитъ съ книгой или пишетъ въ домашнемъ паль
то. Одѣвается онъ изящно и чисто. Онъ веселъ, напѣваетъ..
Отчего же это?... Дѣло въ томъ, что Штольцъ познакомилъ
Обломова съ Ольгой Ильинской и ея теткой. Въ первое ихъ
посѣщеніе, тамъ были гости: Обломову было тяжело и, по обы
кновенію, неловко. Штольцъ подсѣлъ къ Ольгѣ; черезъ пол
часа она слушала его съ любопытствомъ, и съ удвоеннымъ
любопытствомъ переносила глаза на Обломова. „Что онъ
такое говорятъ обо мнѣ?"—думалъ онъ, косясь въ безпокойствѣ
на нихъ. Съ этой минуты настойчивый взглядъ Ольги не вы
ходилъ изъ головы Обломова. И халатъ показался ему про
тивенъ, и Захаръ глупъ и невыносимъ, и пыль съ паутиной
нестерпима.

Однажды вечеромъ, когда Штольцъ съ Обломовымъ
были въ гостяхъ у Ильинскихъ, Ольга спѣла нѣсколько ар
и романсовъ. Отъ словъ, отъ звуковъ, отъ чистаго, сильнаго
дѣвическаго голоса билось сердце, дрожали нервы, глаз
искрились и заплывали слезами. Пѣніе произвело сильно
впечатлѣніе на Обломова и онъ съ того-же вечера не на шутк
заинтересовался молодой дѣвушкой. Илья Ильичъ понемног
привыкаетъ бывать у Ильинскихъ ежедневно. Разъ, посл
пѣнія, Ольга замѣтила силу свою надъ Обломовымъ. „По
смотрите въ зеркало — сказала она, съ улыбкой указывая ем
его же лицо въ зеркалѣ: — глаза блестятъ, Боже мой, слез
въ нихъ! Какъ глубоко вы чувствуете музыку!... — Нѣтъ

я чувствую не музыку... а... любовь!" — тихо сказалъ Обломовъ, схватилъ шапку и убѣжалъ.

Илья Ильичъ избѣгалъ Ольгу, а между тѣмъ его какой-то силой тянуло къ любимой дѣвушкѣ. Случайная встрѣча въ паркѣ снова сблизила молодыхъ людей и Илья Ильичъ началъ догадываться, что Ольга отвѣчаетъ ему взаимностью. Однако червь сомнѣнія не давалъ ему покоя. — „Нѣтъ этого быть не можетъ! — вслухъ произнесъ онъ, вставъ съ дивана и ходя по комнатѣ. — Любить меня, смѣшного, съ сонным взглядомъ, съ дряблыми щеками"... Она все смѣется надо мной..."

Подъ вліяніемъ чувства, Ольга быстро развивалась. Обломовъ на другой, на третій день едва узналъ ее. Она почувствовала въ себѣ женщину, и смотрѣла теперь на него просто, только безъ прежняго любопытства, безъ ласки, а такъ, какъ другія. „Нѣтъ, это тяжело и скучно!"—рѣшилъ Обломовъ, и сталъ подумывать о переѣздѣ на Выборгскую Сторону, а пока пересталъ бывать у Ильинскихъ. „А вѣдь барышня-то просила васъ придти въ этотъ... какъ его... охъ! въ паркъ" — доложилъ, спустя нѣсколько дней, Захаръ. Обломовъ, моментально одѣлся, избѣгалъ весь паркъ, всюду искалъ — нѣтъ Ольги. Онъ пошелъ по той аллеѣ, гдѣ было объясненіе, и засталъ ее самъ, на скамьѣ. Разговоръ сначала не клеился. Обломовъ нахмурился и сонно смотрѣлъ вокругъ. Все-таки къ концу свиданія облако непроницаемости слетѣло съ нея. Взглядъ ея былъ горящъ и понятенъ.—„Стало быть, я могу надѣяться"... Вдругъ, радостно вспыхнувъ, сказалъ онъ. — „Всего! Но..." Она замолчала. Онъ вдругъ воскресъ. И она, въ свою очередь, не узнала Обломова: туманное, сонное лицо мгновенно преобразилось, глаза открылись; заиграли краски на щекахъ; задвигались мысли; въ глазахъ сверкали желанія и воля. Она поняла по нѣмой игрѣ лица, что у Обломова мгновенно явилась цѣль жизни, что для него возможно, пожалуй, возрожденіе. „Жизнь, жизнь опять отворяется мнѣ, — говорилъ онъ, какъ въ бреду: — вотъ она, въ вашихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ этой вѣткѣ въ Casta divre... все здѣсь..." Она покачала головой. — „Нѣтъ, не все...половина". — Лучшая?" — „Пожалуй", сказала она. „Гдѣ же другая? Что послѣ этого еще?"—

„Ищите". — „Зачѣмъ?" — „Чтобы не потерять первой" — досказала она, подала ему руку и они пошли домой.

Съ этого объясненія Ольга сдѣлалась ровна, покойна с теткой въ обществѣ, но жила и чувствовала жизнь тольк съ Обломовымъ. Въ отношеніяхъ къ нему она перешла к деспотическому проявленію воли, отважно напоминала ем цѣль жизни, обязанности и строго требовала движенія безпрестанно вызывала наружу его умъ, то запутывая его в тонкій, жизненный, знакомый ей вопросъ, то сама шла къ не му съ вопросомъ о чемъ-нибудь неясномъ, недоступномъ ей

Между тѣмъ въ душу Обломова стало прокрадываться сомнѣніе. Отрава дѣйствовала сильно и быстро. Онъ пробѣ жалъ мысленно всю свою жизнь: въ сотый разъ раскаяні и позднее сожалѣніе о минувшемъ подступало къ сердцу. Он представилъ себѣ, чтобы онъ былъ теперь, если бы шелъ бо дро впередъ, какъ бы жилъ полнѣе и многостороннѣе, еслиб былъ дѣятеленъ, и перешелъ къ вопросу, что онъ тепер и какъ могла, какъ можетъ полюбить его Ольга и за что? Ем кажется вдругъ, что Ольга полюбила его по ошибкѣ вмѣст другого, котораго ждала ея душа. Подъ вліяніемъ этих мыслей и чувствъ, онъ, скрѣпя сердце, пишетъ Ольгѣ пись мо. „Въ этой глубокой тоскѣ, немного утѣшаюсь тѣмъ — писалъ онъ въ концѣ своего посланія — что этотъ коротень кій эпизодъ нашей жизни мнѣ оставитъ навсегда такое чисто благоуханное воспоминаніе, что одного его довольно будетъ чтобъ не погрузиться въ прежній сонъ души, а вамъ, не при неся вреда, послужитъ руководствомъ въ будущей, нор мальной жизни". Ольгѣ же онъ совѣтуетъ воспользоватьс этимъ случаемъ для будущей, неошибочной „нормально любви" и заканчиваетъ письмо словами: „прощайте, улетайт скорѣе, какъ испуганная птичка улетаетъ съ вѣтки, гдѣ сѣл ошибкой, также легко, бодро и весело, какъ она, съ той вѣтки на которую сѣла невзначай!"

Однако, откровенное посланіе Обломова производитъ со вершенно не тѣ послѣдствія, для которыхъ Илья Ильич его назначилъ; оно еще болѣе усиливаетъ привязанност къ нему Ольги. Правда, въ первый моментъ она сильно огор чилась, и много плакала, но затѣмъ нашла, что письмо был

необходимо. ,,А потому — съ разстановкой начала она—что вы не спали ночь, писали все для меня; я тоже эгоистка! Это, во первыхъ... Потомъ...въ письмѣ вашемъ играетъ мысль, чувство... вы жили эту ночь и утро не по своему, а какъ хотѣлъ, чтобы вы жили, вашъ другъ и я — это во-вторыхъ: наконецъ, въ третьихъ, потому, что въ письмѣ этомъ, какъ въ зеркалѣ, видна ваша нѣжность, ваша осторожность, забота обо мнѣ, боязнь за мое счастье, ваша чистая совѣсть... все, что указалъ мнѣ въ васъ Андрей Ивановичъ и что я полюбила, за что забываю вашу лѣнь... апатію... Вы высказались тамъ невольно; вы не эгоистъ, Илья Ильичъ, вы написали совсѣмъ не для того, чтобы разстаться — этого вы не хотѣли, а потому, что боялись обмануть меня... это говорила честность, иначе бы письмо оскорбило меня, и я не заплакала бы отъ гордости! Видите, я знаю, за что я люблю васъ и не боюсь ошибки: я въ васъ не ошибаюсь...''

Въ концѣ второй части Обломовъ проситъ руки Ольги. Она даетъ ему свое согласіе.

Часть третья. Обломовъ сіялъ, идучи домой. Такъ онъ и вошелъ къ себѣ въ комнату; вдругъ сіяніе исчезло: въ его креслѣ сидѣлъ Тарантьевъ. Какъ бы спровадить его, хоть бы это стоило нѣкоторыхъ издержекъ — вотъ единственная мысль, которая занимала Обломова. Тарантьевъ же, по своему обыкновенію, сталъ требовать съ Обломова деньги за квартиру, нанятую для него у кумы; когда же Обломовъ заявилъ, что на дняхъ уѣдетъ и передаетъ квартиру другому, Тарантьевъ выпросилъ у него три рубля на извозчика, рубль на обѣдъ и хотѣлъ было забрать его шляпу. Обломовъ, молча, снялъ съ головы его свою шляпу и повѣсилъ на прежнее мѣсто, потомъ скрестилъ на груди руки и ждалъ, чтобы Тарантьевъ ушелъ.

Оставшись одинъ, Обломовъ много мечталъ о женитьбѣ. Ему хотѣлось подѣлиться своимъ счастьемъ со всѣми, съ цѣлымъ свѣтомъ. Ольга съ улыбкой выслушала его мечты; но только онъ вскочилъ, чтобъ бѣжать объявить теткѣ, у ней какъ сжались брови, что онъ струсилъ. ,,Никому ни слова!... Еще не пора!''...—Ну, я и хотѣлъ сдѣлать первый шагъ, идти къ

теткѣ"...—„Это послѣдній шагъ".—„Какой же первый?"—„Первый... идти въ палату; вѣдь надо какую-то бумагу писать?"

На другой день Илья Ильичъ отправился въ городъ, сначала въ палату, и ѣхалъ нехотя, зѣвая. Не зная хорошенько, гдѣ палата, онъ заѣхалъ къ пріятелю Ивану Герасимовичу. Тотъ обрадовался Обломову и безъ завтрака не захотѣлъ пустить. Завтракъ и совѣщаніе кончились въ три часа, въ палату идти было поздно, а завтра оказалась суббота — присутствія нѣтъ, пришлось отложить до понедѣльника. Далѣе, Обломовъ отправился на Выборгскую сторону, чтобы отказаться отъ квартиры, но и здѣсь его встрѣтила неудача. Безтолковая хозяйка, кума Тарантьева, никакъ не могла понять, что хочетъ сказать ей Обломовъ и все просила подождать прихода братца, который, очевидно, занимался ея дѣлами. „Я больше не хочу ждать, рѣшительно заявилъ Илья Ильичъ и сѣлъ въ коляску, обѣщая на-дняхъ снова заѣхать".

Въ концѣ августа пошли дожди и мало-по-малу дачи опустѣли. Обломовъ по дѣламъ не ѣхалъ въ городъ, и въ одно утро мимо его оконъ понесли и повезли мебель Ильинскихъ. Оставаться на дачѣ одному, когда опустѣлъ паркъ и роща, когда закрылись ставни оконъ Ольги, казалось ему рѣшительно невозможнымъ. Онъ велѣлъ Захару и Анисьѣ ѣхать на Выборгскую сторону, гдѣ рѣшился остановиться до пріисканія новой квартиры, а самъ уѣхалъ въ городъ, отобѣдалъ наскоро, въ трактирѣ, а вечеръ провелъ у Ольги. Три дня сряду ѣздилъ онъ въ городъ къ Ольгѣ и обѣдалъ у нихъ подъ предлогомъ, что у него тамъ еще не устроено, что на этой недѣлѣ онъ съѣдетъ съ квартиры. Когда же онъ гулялъ съ Ольгой, попадались знакомые, кланялись, нѣкоторые останавливались поговорить. „Ахъ, ты Боже мой, какая мука!"— говорилъ онъ весь въ поту отъ страха и неловкаго положенія.

Между тѣмъ, въ воскресенье хозяйка дома угостила Илью Ильича пирогомъ, „не хуже нашихъ обломовскихъ" водкой на смородинномъ листу. Чѣмъ-то знакомымъ пахнуло на Илью Ильича... Однако, когда-нибудь надо было переговорить съ „братцемъ" относительно желанія съѣхать съ квартиры. Ловкій дѣлецъ и чиновникъ, ссылаясь на подписи Обло-

мова въ контрактѣ, неустойку вывелъ въ тычячу триста пять-десятъ четыре рубля двадцать восемь копѣекъ. Обломовъ обомлѣлъ: у него въ бумажникѣ было всего триста рублей, а куда дѣлъ присланныя изъ деревни деньги онъ не зналъ. „Гдѣ я возьму денегъ?", до холоднаго пота думалъ онъ. „Когда пришлютъ изъ деревни и сколько?" Ольгѣ же онъ сказалъ, что переговорилъ съ братомъ хозяйки, и прибавилъ отъ себя, что есть надежда на этой недѣлѣ передать квартиру.

Пошелъ разъ онъ глядѣть квартиры, заглянулъ въ два дома, но цѣны квартиръ привели его въ ужасъ. Ольга же постоянно заставляла Обломова бывать въ обществѣ, въ театрѣ и все это стоило денегъ. Мало-по-малу накопляются обстоятельства, которыя по немногу разрушаютъ его душевное спокойствіе. Изъ деревни нѣтъ благопріятныхъ вѣстей, денегъ не высылаютъ; его непріятно озадачиваютъ толки знакомыхъ Ольги, а еще болѣе толки дворни о предстоящей свадьбѣ. Онъ началъ плохо спать, мало ѣсть, угрюмо глядѣть на жизнь. Илья Ильичъ сильно испугался, вникнувъ въ практическую сторону вопроса о свадьбѣ и убѣдившись, что шагъ этотъ есть практическимъ, офиціальнымъ шагомъ къ существенной и серьезной дѣйствительности и къ ряду строгихъ обязанностей. Между тѣмъ жизнь на Выборгской сторонѣ складывалась все спокойнѣе. Недремлющее око хозяйки постоянно наблюдало за стряпней Анисьи, — обѣды стали вкуснѣе, подавались чище; иногда попросятъ попробовать хозяйскаго пирога. „Тихо, хорошо въ этой сторонѣ, только скучно!" — думалъ Обломовъ, собираясь куда-нибудь ѣхать съ Ольгой.

Однажды, Илья Ильичъ получилъ отъ Ольги письмо: „Не хочу ждать среды, — писала она; — мнѣ такъ скучно не видѣться подолгу съ вами, что я завтра непремѣнно жду васъ въ три часа въ Лѣтнемъ Саду". Опять поднялась-было тревога со дна души, опять онъ началъ метаться отъ безпокойства, но успокоилъ себя тѣмъ, что, вѣроятно, она пріѣдетъ съ теткой. „И въ самый обѣдъ: нашла время!" — думалъ онъ, направляясь не безъ лѣни, къ Лѣтнему Саду. Однако, ожиданія Обломова не оправдались; Ольга была одна. Обломовъ нахмурился: „Я вотъ только тревожусь, какъ ты одна..." Оказы-

вается, Ольга придумала и привела въ исполненіе цѣлый планъ, чтобы повидаться наединѣ съ женихомъ. Обломова же рѣшимость Ольги приводитъ въ ужасъ. „Я хочу, — говорилъ онъ, — чтобы ты и въ глазахъ свѣта была чиста и безукоризненна, какова ты на самомъ дѣлѣ..." „Это правда,— вздрогнувъ, сказала она. — „Слушай же, — прибавила рѣшительно:—скажемъ все ma tante, и пусть она завтра благословитъ насъ..." Обломовъ остолбенѣлъ. „Погоди Ольга, къ чему такъ торопиться?..."—сказалъ онъ, забывая, какъ двѣ недѣли тому назадъ торопилъ ее. Теперь только одна мысль, что онъ женихъ, приводила его въ трепетъ. Онъ рѣшилъ, что до полученія положительныхъ извѣстій изъ деревни онъ будетъ видѣться съ Ольгой только по воскреснымъ днямъ при свидѣтеляхъ.

Онъ снова пересталъ бриться, пересталъ почти бывать у Ильинскихъ, но получилъ письмо съ вопросомъ, что случилось, что его давно не было. Онъ отвѣтилъ, что простудился и долженъ просидѣть дома нѣсколько дней. „Нѣтъ, пусть замолкнутъ толки, пусть постороннія лица, посѣщающія домъ Ольги, забудутъ немного его и увидятъ ужъ опять каждый день тамъ тогда, когда они объявлены будутъ женихомъ и невѣстой." Пользуясь разводомъ мостовъ на Невѣ, онъ не былъ у невѣсты съ недѣлю. Зато онъ сталъ заниматься чаще съ дѣтьми хозяйки, а съ нею самою бесѣдовать, лишь только завидитъ ее въ полуотворенную дверь.

Отсутствіе Обломова сильно безпокоило Ольгу. „Онъ боленъ; онъ одинъ; онъ не можетъ даже писать..."—съ тоскою думала она и рѣшилась сама отправиться къ жениху.

Однажды утромъ къ Обломову явилась горничная Ольги, съ просьбою выслать куда-нибудь Захара, такъ какъ черезъ полчаса будетъ барышня. Выпроводивъ свою прислугу, Обломовъ съ нетерпѣніемъ сталъ ждать невѣсту. Она была одна. Горничная ожидала ее въ каретѣ, неподалеку отъ воротъ. „Тыздоровъ? Не лежишь? Что съ тобою?"—строго начала распрашивать его Ольга,. Узнавъ же, что онъ боялся толковъ, сплетней, она удивилась. „Боялся тревожить меня толками лакеевъ, а не боялся мнѣ сдѣлать тревогу! Я перестаю понимать тебя. Что ты дѣлалъ двѣ недѣли?" И тутъ она убѣждается,

что Обломовъ обманываетъ ее, что онъ снова опускается. „Послушай, Илья—сказала она:—я вѣрю твоей любви и своей силѣ надъ тобою. Зачѣмъ же ты пугаешь меня своею нерѣшительностью, доводишь до сомнѣній? Я цѣль твоя, говоришь ты, и идешь къ ней такъ робко, медленно; а тебѣ еще далеко идти; ты долженъ стать выше меня. Я жду этого отъ тебя! Я видѣла счастливыхъ людей, какъ они любятъ, — прибавила она со вздохомъ; — у нихъ все кипитъ, и покой ихъ не похожъ на твой; они не опускаютъ головы; глаза у нихъ открыты; они едва спятъ, они дѣйствуютъ? А ты... нѣтъ, не похоже, что-бъ любовь, что-бъ я была твоей цѣлью..."

Непріятныя извѣстія изъ Обломовки ускорили развязку дѣла. Сосѣдъ, его повѣренный, писалъ, что лучше всего ему самому пріѣхать въ деревню и еще лучше поселиться въ имѣньи. „Имѣніе хорошее, но сильно запущено. Прежде всего надо аккуратнѣе распредѣлить барщину и оброкъ; безъ хозяина этого сдѣлать нельзя: мужики избалованы, старосты новаго не слушаютъ, а старый плутоватъ, за нимъ надо смотрѣть. Количество дохода опредѣлить нельзя. При нынѣшнемъ безпорядкѣ едва ли вы получите больше трехъ тысячъ, и то при себѣ. Домъ вашъ очень плохъ, — кончалъ онъ письмо. Я велѣлъ скотницѣ, старому кучеру и двумъ старымъ дѣвкамъ выбраться оттуда въ избу: далѣе опасно бы было оставаться".

Обломовъ отлично понималъ, что безъ денегъ невозможно скоро жениться; придется подождать по крайней мѣрѣ годъ. Онъ застоналъ болѣзненно и повалился было на постель, но вдругъ опомнился и всталъ. Ему сдѣлалось стыдно своего малодушія: вѣдь Ольга взывала къ нему, какъ къ мужчинѣ, довѣрялась его силамъ. Она ждетъ, какъ онъ пойдетъ впередъ и дойдетъ до той высоты, откуда протянетъ ей руку и поведетъ за собою, покажетъ ей путь! Обломовъ подумалъ, подумалъ и, наконецъ, рѣшилъ посовѣтоваться объ имѣніи съ братцемъ хозяйки. Иванъ Матвѣевичъ, видя совершенную безпомощность Обломова въ жизни, рекомендуетъ ему своего сослуживца, Исая Ѳомича Затертаго, въ качествѣ управляющаго, такъ какъ самъ думаетъ поживиться на счетъ беспечнаго барина.

Въ объясненіи съ Ольгой, Илья Ильичъ даетъ ей понять,

что свадьбу надо отложить на годъ или на два, пока „всѣ дѣла устроятся, повѣренный распорядится стройкой и привезетъ ему денегъ...“ Теперь Ольга окончательно убѣждается, что нѣтъ силъ вдохнуть въ Илью энергію и измѣнить его характеръ и что соединить свою судьбу съ его судьбою, значило бы самой зачахнуть и его сдѣлать несчастнымъ. Ольгѣ стоитъ много душевной борьбы и слезъ высказать, что она разочаровалась въ надеждѣ увидѣть Илью возрожденнымъ, съ горестью называетъ себя мечтательницей и фантазеркой и беретъ назадъ свое согласіе выйти за Обломова.

Мечты Ильи Ильича о счастьи разрушились. Онъ не выдержалъ приговора Ольги и поплатился нервной горячкой.

Часть четвертая. Годъ прошелъ со времени болѣзни Ильи Ильича. Повѣренный Затертый отправился въ деревню и прислалъ вырученныя за хлѣбъ деньги сполна и былъ изъ нихъ удовлетворенъ прогонами, суточными деньгами и вознагражденіемъ за трудъ. Обломовъ теперь не видѣлъ крайней надобности ѣхать самъ и былъ съ этой стороны успокоенъ до будущаго года.

Послѣ болѣзни, Илья Ильичъ долго былъ мраченъ, и по цѣлымъ часамъ повергался въ болѣзненную задумчивость, не отвѣчая иногда на вопросы Захара. Потомъ, мало-по-малу, мѣсто живого горя заступило нѣмое равнодушіе, и онъ вступилъ въ прежнюю нормальную свою жизнь. Хозяйка окончательно взяла въ свои руки его хозяйство, и онъ все болѣе и болѣе сближался съ нею.

Весь смыслъ жизни въ этомъ домѣ сосредоточивался во внѣшнихъ ея проявленіяхъ главнымъ образомъ въ ѣдѣ. Въ Ильинъ день, во время торжественнаго обѣда по случаю именинъ Обломова, на дворъ въѣхалъ экипажъ и кто-то спрашивалъ Обломова. При появленіи Штольца, Тарантьевъ, а за нимъ Иванъ Матвѣевичъ исчезли. Андрей Ивановичъ подробно началъ разспрашивать своего друга о его житьѣ-бытьѣ и увидѣлъ, что его обманываютъ. Обломовъ сталъ было возражать, но Штольцъ почти насильно увезъ его къ себѣ, написалъ довѣренность на свое имя, заставилъ подписать, и объявилъ ему, что онъ беретъ Обломовку въ аренду до тѣхъ поръ, пока Обломовъ самъ пріѣдетъ въ деревню и привыкнетъ къ хозяйству.

„Ты будешь получать втрое больше",—сказалъ онъ Обломову.

Такой оборотъ дѣла очень не понравился Ивану Матвѣевичу и Тарантьеву; они поняли, что эксплоатаціи ихъ пришелъ конецъ. Однако, дѣльцы не пали духомъ, они придумали ловкую комбинацію. Напоивъ Илью Ильича, они подсунули ему заемное письмо въ пользу Агафьи Пшеницыной за безчестье. „Онъ не посмотритъ сумму,—разсуждали они, — подпишетъ, какъ тогда контрактъ, а послѣ поди, какъ у маклера будетъ засвидѣтельствовано, допрашивайся! Совѣстно будетъ этакому барину сознаться, что подписалъ въ нетрезвомъ видѣ: законное дѣло!"

Еще до пріѣзда на именины къ Обломову, однажды Штольцъ случайно встрѣтился съ Ильинскими. Ольга поражаетъ его чрезвычайной перемѣной, которая въ короткое время произошла и въ ея образѣ мыслей, и въ самой внѣшности! „Какъ она созрѣла, Боже мой! Какъ развилась эта дѣвочка! Кто же былъ ея учителемъ? Гдѣ она брала уроки жизни? Это дитя Ольга!"—думалъ онъ въ изумленіи, —„она перерастаетъ меня!" Полгода прожили Ильинскіе въ Парижѣ, Штольцъ былъ ежедневнымъ и единственнымъ ихъ собесѣдникомъ и путеводителемъ. Между Штольцемъ и Ольгою прежняя дружба развивается, крѣпнетъ и постепенно переходитъ въ крѣпкое чувство съ его стороны. Когда Андрей Ивановичъ сдѣлалъ Ольгѣ предложеніе, она отказываетъ ему, такъ какъ ей жалко было измѣнить своей любви. Однако Штольцъ, въ отношеніяхъ ея къ Ильѣ Ильичу, не видѣлъ этого чувства и указалъ на слѣдующія слова письма Обломова къ ней: „Ваше настоящее *люблю* не есть настоящая любовь, а будущая. Это только безсознательная потребность любить, которая за недостаткомъ настоящей пищи, вызывается иногда у женщинъ въ ласкахъ къ ребенку, къ другой женщинѣ, даже просто въ слезахъ или въ истерическихъ припадкахъ!... Вы ошиблись, (читалъ Штольцъ ударяя на этомъ словѣ) передъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали. Погодите — онъ придетъ, и тогда вы очнетесь, вамъ будетъ досадно и стыдно за свою ошибку..."— „Выходите за меня замужъ, въ ожиданіи, пока онъ придетъ!"— посовѣтовалъ ей Штольцъ и она согласилась. Черезъ полгода послѣ встрѣчи, они обвѣнчались.

За полтора года послѣ именинъ, когда былъ у него Штольцъ, Илья Ильичъ сильно обрюзгъ, скука въѣлась въ его глаза и выглядывала оттуда, какъ немочь какая-нибудь. Халатъ на Обломовѣ истаскался: давно бы надо новый. Обстановка квартиры пришла въ полную ветхость. Что же это значитъ? А то, что другой годъ доходы съ Обломовки, исправно присылаемые Штольцемъ, поступаютъ на удовлетвореніе претензіи по заемному письму, данному Обломовымъ хозяйкѣ. „Законное дѣло" братца удалось сверхъ ожиданія. Онъ обиралъ Илью Ильича, какъ липку. Сестрѣ же на хозяйство давалъ всего пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, думая взыскать эти деньги изъ доходовъ Обломова третьяго года. Агафья Матвѣевна горевала за Обломова и сильно похудѣла.

Однажды подъѣхалъ экипажъ. „Штольцъ?! — въ тревогѣ говорилъ Обломовъ, озираясь кругомъ, куда бы уйти: — Боже! что онъ скажетъ, какъ увидитъ... Скажите, что я уѣхалъ!" — торопливо прибавилъ онъ и ушелъ къ хозяйкѣ въ комнату. Штольцъ повѣрилъ, только удивился, какъ это Обломова не было дома и черезъ два часа снова пришелъ. „Что съ тобой? Какъ ты перемѣнился, обрюзгъ, блѣденъ! Ты здоровъ?" — „Плохо здоровье, Андрей, говорилъ Обломовъ, обнимая его: — лѣвая нога что-то все нѣмѣетъ". Затѣмъ Илья Ильичъ сталъ разспрашивать объ Ольгѣ. Вышла замужъ. „Давно-ли, счастлива-ли?"—скажи ради Бога. Я чувствую, что ты снимаешь съ меня большую тяжесть! хоть ты увѣрялъ меня, что она простила, но, знаешь... Я не былъ покоенъ! Все грызло меня что-то!" Когда же Штольцъ сказалъ, что Ольга вышла за него, Обломовъ оторопѣлъ. Однако, мало-по-малу испугъ пропалъ въ лицѣ его, уступая мѣсто мирной задумчивости; онъ еще не поднималъ глазъ, но задумчивость его черезъ минуту была уже полна тихой и глубокой радости, и когда онъ медленно взглянулъ на Штольца, во взглядѣ его уже было умиленіе и слезы! „Захаръ! шампанскаго къ обѣду!" — закричалъ на радостяхъ онъ, забывъ, что у него не было ни гроша.

Пріятели сѣли обѣдать. Штольцъ поморщился, видя толстую скатерть, судки для уксуса и масла безъ пробокъ, заткнутые бумажками и не важныя блюда. Явилось красное вино,

Штольцъ налилъ полстакана, попробовалъ, поставилъ на столъ и больше ужъ не пилъ. Не ѣлъ онъ ни баранины, ни варениковъ, а наблюдалъ, съ какимъ аппетитомъ пилъ водку и ѣлъ все это Обломовъ. Илья Ильичъ же, подъ вліяніемъ выпитаго, до небесъ превозносилъ свою хозяйку. „Теперь братъ ея съѣхалъ, жениться вздумалъ, такъ хозяйство, знаешь, ужъ не такое большое, какъ прежде. А бывало, такъ у ней все и кипитъ въ рукахъ! Съ утра до вечера такъ и летаетъ: и на рынокъ, и въ гостиный дворъ... Знаешь, я тебѣ скажу, плохо владѣя языкомъ, заключилъ Обломовъ; — дай мнѣ тысячи двѣ-три, такъ я бы тебя не сталъ подчевать языкомъ и бараниной; цѣлаго бы осетра подалъ, форелей, филе перваго сорта". — „Ты получаешь пять отъ меня! сказалъ вдругъ Штольцъ: Куда же ты ихъ дѣваешь? — „А долгъ?"—вырвалось у Обломова. Штольцъ вскочилъ. Хотя Илья Ильичъ и началъ отрекаться отъ своихъ словъ, но пріятель мигомъ разобралъ дѣло и понялъ, въ какія сѣти попалъ Обломовъ. Взявъ у Агафьи Матвѣевны свидѣтельство, что она никакой денежной претензіи на Обломова не имѣетъ, Штольцъ внезапно явился передъ братцемъ. Это было истиннымъ громовымъ ударомъ для Мухоярова. Помимо этого, Штольцъ отправился къ начальнику учрежденія, гдѣ служилъ Мухояровъ и генералъ приказалъ ему подать въ отставку. Пріятель выручилъ Обломова изъ бѣды.

Въ тотъ день, когда уѣхалъ Штольцъ, вечеромъ къ Обломову явился Тарантьевъ и сталъ ругать „земляка" за братца. Когда же онъ задѣлъ честь хозяйки, Илья Ильичъ вышелъ изъ терпѣнья, ударилъ по лицу и выгналъ вонъ.

Штольцъ съ женою перенесли свой счастливый семейный пріютъ на южный берегъ Крыма и наслаждались тамъ природой и взаимнымъ благополучіемъ. Снаружи у нихъ дѣлалось все какъ у другихъ. Только не было дремоты, уныній, безъ скуки, безъ апатіи проводили они дни. „Какъ я счастливъ!" — говорилъ Штольцъ про себя. „Какъ я счастлива!" — твердила и Ольга тихо, любуясь своею жизнью, и въ минуту такого сознанія иногда впадала въ задумчивость... особенно съ нѣкотораго времени, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ замужества. Свѣтлая картина ея жизни съ мужемъ омрачалась грустными

воспоминаніями о жалкомъ существованіи Обломова, да еще въ душѣ Ольги таилось какое-то смутное чувство грусти, что что въ ихъ жизни есть только личная любовь, личное счастье, а недостаетъ иной, высшей жизненной задачи, въ разрѣшеніи которой можно было бы почерпнуть не эгоистическое благополучіе, а болѣе возвышенное сознаніе того, что служишь общественнымъ идеаламъ, любишь людей, общество, родину.

Между тѣмъ, мелкая, почти растительная жизнь среди семейства Агафьи Матвѣевны, совершенно втягиваетъ Обломова. Онъ обольщенъ заботливостью Пшеницыной, ея мягкимъ нравомъ и дѣйствительно искреннею къ нему привязанностью. Штольцъ по временамъ является къ своему другу, все еще съ надеждой вывести его изъ этой притупляющей среды; но послѣ женитьбы Обломова на Агафьѣ Матвѣевнѣ онъ уже считаетъ своего друга погибшимъ.

Эта часть романа имѣетъ не столь юмористическій сколько трагическій характеръ. „Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ; попробуй оторвать—будетъ смерть",—говорилъ Обломовъ на послѣднюю попытку Штольца увезти его къ себѣ, къ Ольгѣ. Печаленъ конецъ Ильи Ильича. Предсказаніе доктора сбылось; его хватилъ апоплексическій ударъ, черезъ годъ — другой, а потомъ — еще одинъ и послѣдній. „Вѣчный покой, вѣчная тишина и лѣнивое переползаніе изо-дня-въ-день тихо остановили машину жизни".

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Илья Ильичъ Обломовъ.

Илья Ильичъ Обломовъ есть лицо не совсѣмъ новое въ нашей литературѣ; но прежде оно не выставлялось передъ нами такъ просто и естественно, какъ въ романѣ Гончарова. Чтобы не идти слишкомъ далеко въ сторону, примѣтимъ, что родовыя черты обломовскаго типа мы замѣчаемъ еще въ

Онѣгинѣ Пушкина, и затѣмъ нѣсколько разъ встрѣчаемъ ихъ повтореніе въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Оказывается, что это коренной, народный нашъ типъ, котораго не могъ обойти ни одинъ изъ нашихъ выдающихся писателей. Однако, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнялъ свои формы, становился въ другія отношенія къ жизни, получалъ новое значеніе. Подмѣтить эти новыя фазы его существованія, опредѣлить сущность его новаго смысла —это всегда составляло трудную задачу, и талантъ, умѣвшій сдѣлать это, всегда дѣлалъ большой шагъ впередъ въ исторіи нашей литературы. Такой шагъ сдѣлалъ и Гончаровъ своимъ романомъ ,,Обломовъ".

Типъ Обломова, которымъ Гончаровъ обезсмертилъ свое имя, по праву признается однимъ изъ самыхъ глубокихъ по замыслу и удачнымъ по исполненію произведеній нашей художественной литературы. Это одинъ изъ такихъ образовъ, обобщающее дѣйствіе которыхъ простирается далеко за предѣлы того, что образъ Обломова подводитъ итогъ цѣлому ряду типовъ ему предшествовавшихъ, а весь романъ, такъ сказать, завершаетъ эпоху, подводя итогъ крѣпостнической, дореформенной Руси. Во-вторыхъ, обобщаетъ дѣйствіе обломовскаго типа, какъ это доказалъ Обломовъ, простирается на множество натуръ, характеровъ, умовъ. Дѣло въ томъ, что въ художественной фигурѣ Ильи Ильича Обломова, пріурочено къ опредѣленному времени, къ извѣстному общественному строю, заключенъ еще и другой болѣе обобщенный образъ, другой ,,Обломовъ", не пріуроченный къ данному времени и данному порядку вещей, ,,Обломовъ" уже не историческій, не бытовой, а, если можно такъ выразиться, психологическій,— и этотъ послѣдній по настоящій день живъ и здравствуетъ, между тѣмъ какъ первый, конкретный Обломовъ, уже отошелъ въ прошлое и является для насъ историческою фигурою.

Гончаровъ изображаетъ не только Илью Ильича, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ яркую картину ,,обломовщины" бытовой и, во-вторыхъ, психологической, не уничтоженной вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, а существующей и при новыхъ порядкахъ. Послѣдній можетъ служить доказательствомъ, что прошлое оставило послѣ себя наслѣдіе и завѣщаніе.

Въ несложной исторіи жизни, или лучше сказать прозябаніи, ,,добряка-лѣнивца'' Обломова, какъ пишетъ Добролюбовъ, отразилась русская жизнь, въ ней предстаетъ передъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадной строгостью и правильностью; въ ней сказалось новое слово нашего общественнаго развитія; произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины. Слово это — обломовщина; оно служитъ ключемъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни, и оно придаетъ роману Гончарова гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его обличительныя повѣсти. Въ типѣ Обломова и во всей обломовщинѣ мы видимъ нѣчто болѣе, нежели просто удачное созданіе сильнаго таланта, мы находимъ въ немъ произведеніе русской жизни, знаменіе времени. Обломовъ — типъ національный, обломовщина — явленіе специфически русское, и Гончаровъ, создавая эти общественныя ,,понятія'' продолжалъ дѣло Гоголя— изслѣдованіе ,,порчи'' русскаго человѣка, ,,искривленія'' нашей національной физіономіи.

Илья Ильичъ Обломовъ — помѣщикъ и дворянинъ, живущій, однако, постоянно въ Петербургѣ. Характеръ Ильи Ильича выдержанъ прекрасно на всемъ протяженіи романа. Онъ далеко не такъ простъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Главныя черты характера Обломова — почти болѣзненная слабость воли, выражающаяся въ лѣни и апатіи, затѣмъ — отсутствіе живыхъ интересовъ и желаній, боязнь жизни, боязнь всякихъ перемѣнъ вообще. Но на ряду съ этими отрицательными чертами есть въ немъ и крупныя достоинства; душевная чистота и чуткость, добродушіе, сердечность и нѣжность; у Обломова ,,хрустальная душа'', по выраженію Штольца; положительныя черты привлекаютъ къ нему всѣхъ, кто имѣетъ съ нимъ сношенія: Штольца, Захара, Ольгу, Агафью Матвѣевну, даже его прежнихъ сослуживцевъ навѣщающихъ его въ первой части романа. Не даромъ старый Захаръ поминалъ его на послѣдніе гроши и горько плакалъ на его могилѣ; не даромъ про него говорилъ его другъ: ,,многихъ людей встрѣчалъ я съ высокими качествами, но никогда я не встрѣчалъ сердца чище, свѣтлѣе и проще''. Самъ Гончаровъ

говоритъ объ Обломовѣ: ,,кто только случайно заглядывалъ въ эту свѣтлую, дѣтскую душу, тотъ уже не могъ отказать ему во взаимности". Притомъ отъ природы Обломовъ далеко не глупъ, но его умственныя способности дремлютъ, подавленныя лѣнью; есть въ немъ и желаніе добра и сознаніе необходимости сдѣлать что-нибудь для общей пользы, однако всѣ эти хорошіе задатки окончательно парализованы въ немъ апатіей и безволіемъ. Въ молодости, въ студенческіе годы, онъ сгоралъ отъ жажды труда, ,,далекой, но обоятельной цѣли", былъ полонъ желаніемъ ,,блага, доблести, дѣятельности", развивался подъ благотворнымъ вліяніемъ научной мысли — изучалъ право, политическую экономію, осилилъ съ учителемъ математики круги и квадраты, занимался переводами съ англійскаго, мечталъ даже о дальнѣйшемъ ученьи въ германскихъ университетахъ. Онъ упивался поэтами, волновался, плакалъ надъ ними, постоянно повторялъ: ,,вся жизнь есть мысль" и строилъ планы реформъ ея. ,,Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества". Бывало, что онъ исполнялся презрѣніемъ къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу и загорался желаніемъ указать человѣку его язвы". Яснѣе другихъ понималъ онъ всю пустоту свѣтской жизни, гдѣ на первомъ мѣстѣ ,,вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиваніе другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки другъ другу." Когда же Штольцъ указываетъ ему свѣтлыя стороны общественной жизни, онъ съ тоской замѣчаетъ: ,,хороша жизнь! Что намъ искать? интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, эти члены свѣта и общества. Что водитъ ихъ въ жизни?... Войдешь въ залу и не налюбуешься, какъ симметрически разсажены гости, какъ смирно и глубокомысленно сидятъ за картами; нечего сказать — славныя задачи жизни! Собираются на обѣдъ, на вечеръ, какъ въ должность, безъ веселья, холодно, чтобы похвастать говоромъ, салономъ и потомъ подъ рукой осмѣять, подставить

ногу одинъ другому". Ему не понятны люди, имѣющіе всю свою жизнь одно желаніе, ,,сбить съ ногъ другого и на его паденіи построить зданіе своего благосостоянія", готовы по пять лѣтъ сидѣть и вздыхать въ передней, лишь бы до биться своихъ мелкихъ, корыстныхъ цѣлей. Не привлекает его и практическая дѣятельность Штольца, стремящагося к наживѣ. Казалось бы, кому, какъ не этому человѣку, умно му, образованному, съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, жит полною жизнью. А между тѣмъ, ,,что-то помѣшало ему ринуть ся на поприще жизни и летѣть по немъ на всѣхъ парусах ума и воли. Какой-то тайный врагъ наложилъ на него тяже лую руку въ началѣ пути и далеко отбросилъ отъ прямог человѣческаго назначенія... Кто-то будто укралъ и закопал въ собственной его душѣ принесенное ему въ даръ міром и жизнью сокровище. И вотъ лежитъ Обломовъ цѣлые дн на диванѣ въ своей квартирѣ, на Гороховой улицѣ; вообщ лежаніе на диванѣ сдѣлалось его ,,нормальнымъ состояніемъ" Всякая дѣятельность, малѣйшее движеніе утомляетъ его Пробовалъ когда-то Илья Ильичъ служить, но не долго такъ какъ не могъ привыкнуть къ требованіямъ службы къ строгой аккуратности и исполнительности; суетливая слу жебная жизнь, писаніе бумагъ, цѣль которыхъ была для нег не понятна, боязнь надѣлать промаховъ, все это тяготило Обло мова, — и , отправивъ разъ служебную бумагу вмѣсто Астра хани въ Архангельскъ, онъ предпочелъ выйти въ отставку

Съ этого времени онъ зажилъ дома, почти никуда не вы ѣзжая, почти не выходя изъ любимаго покойнаго халат Время это текло въ лѣнивомъ ,,переползаніи изо дня въ день" въ праздномъ ничего-не-дѣланіи или въ пустыхъ мечтаніях о высокихъ подвигахъ, о славѣ. Вслѣдствіе отсутствія серье ныхъ умственныхъ интересовъ, игра воображенія занимал и тѣшила его, но зато всякая работа, требующая вниман и сосредоточія, напримѣръ, чтеніе, утомляло его; поэтому- онъ почти ничего не читалъ, не слѣдилъ за жизнью по газ тамъ; вполнѣ довольствуясь тѣми слухами, которые прин сили къ нему рѣдкіе гости. Недочитанная книга, разверн тая посединѣ, желтѣла и покрывалась пылью, а въ чернил ницѣ, вмѣсто чернилъ были только мухи. Всякій лишн

шагъ, всякое усиліе воли было ему не подъ силу; даже забота о самомъ себѣ, о собственномъ благосостояніи тяготила его, и онъ съ удовольствіемъ навязывалъ ее другому или же полагался на русское ,,авось", на то, что ,,какъ-нибудь все устроится". Когда же необходимо было принять какое-нибудь серьезное рѣшеніе, онъ жаловался, что ,,жизнь всюду трогаетъ". Его идеаломъ была мирная, спокойная жизнь, безъ заботъ и всякихъ перемѣнъ, такъ, чтобы ,,сегодня" было похоже на ,,вчера", а ,,завтра" на ,,сегодня". Все, что нарушало однообразіе его существованія, всякая перемѣна, пугали и удручали его. Письмо старосты, требовавшее его распоряженія, и необходимость съѣзжать съ квартиры казались ему настоящими ,,несчастіями", и онъ успокаивается только тѣмъ, что какъ-нибудь все это устроится.

Причину этой апатіи надо искать отчасти въ внѣшнемъ положеніи Обломова, отчасти — въ образѣ его умственнаго развитія. По своему общественному положенію — онъ баринъ, у котораго имѣется ,,Захаръ и еще триста Захаровъ". Одним словомъ — онъ крѣпостникъ до мозга костей, крѣпостникъ и по привычкѣ и по убѣжденію. Илья Ильичъ, не можетъ представить себя безъ Захара. Ему необходимъ не просто слуга, а именно крѣпостной, съ которымъ его связываютъ узы — барина и раба. Такъ, характеризуя Захара, Гончаровъ говоритъ, что, ,,старинная связь была неистребима между ними". Какъ Обломовъ не умѣлъ ни встать, ни лечь спать, ни быть причесаннымъ и обутымъ, ни отобѣдать безъ помощи Захара, такъ Захаръ не могъ представить себѣ другого барина, кромѣ Ильи Ильича, другой жизни, какъ одѣвать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и въ то же время благоговѣть передъ нимъ.

Вполнѣ понятно, что Обломову нечего было работать ради куска хлѣба, такъ какъ у него были Захары, прямо подчиненные его личности и обязанные кормить его,безъ всякихъ обязанностей съ его стороны. Даже одно предположеніе, что онъ, Обломовъ, баринъ, можетъ быть занятъ чѣмъ-нибудь предѣленнымъ, кажется ему смѣшнымъ и онъ не допускаетъ это. ,,Развѣ я мечусь, развѣ я работаю — толкуетъ онъ слугѣ

во время одного изъ своихъ размышленій вслухъ, — мал
ѣмъ, что-ли? Худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ не дост
етъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть ком
Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слав
Богу! Стану ли я безпокоиться? Изъ за-чего мнѣ?... И ком
это я говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты вс
это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холод
ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себ
не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался
Отсюда ясно, что бездѣйствіе Обломова отчасти проистекае
изъ убѣжденія, что ему, какъ барину, не нужно заниматьс
чтобы поддерживать свое существованіе.

Въ пресловутомъ планѣ устройства имѣнія, которы
Илья Ильичъ ,,разрабатываетъ'' въ мечтахъ о своемъ жит
въ деревнѣ, о мужикахъ онъ думаетъ и фантазируетъ оче
мало, да и то только съ точки зрѣнія интересовъ и удобст
помѣщика. ,,Онъ быстро пробѣжалъ въ умѣ нѣсколько с
ріозныхъ коренныхъ статей объ оброкѣ, о запашкѣ, прид
малъ новую мѣру, построже, противъ лѣни и бродяжничест
крестьянъ и перешелъ къ устройству собственнаго жить
бытья въ деревнѣ''. Думы на послѣднюю тему разыгрываю
ся въ упоительную мечту о томъ, какъ онъ, приведя имѣн
въ порядокъ и женившись, заживетъ помѣщикомъ-хлѣб
соломъ, въ кругу семьи, родныхъ, друзей и жизнь буде
нескончаемымъ, неомрачаемымъ праздникомъ — ,,будетъ вѣ
ное веселье, сладкая ѣда, да сладкая лѣнь''. Отъ всѣхъ эти
мечтаній такъ и разитъ крѣпостничествомъ. Тутъ и ,,праз
ная дворня'' у воротъ, и дѣвки играютъ въ горѣлки, и Захар
произведенный въ ,,мажоръ-домы...''

Что же касается практической стороны жизни, то Обл
мовъ ничего не знаетъ. Онъ даже не представляетъ себѣ я
но, ,,что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что зн
читъ бѣдный мужикъ, что богатый'', онъ не представляе
себѣ, ,,что значитъ четверть ржи или овса, что она стоит
въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ
Да при крѣпостномъ складѣ жизни ему нечего это и знать.
даромъ же въ разговорѣ со Штольцемъ онъ восклицаетъ: ,,К
я, что такое? Поди, спроси у Захара и онъ скажетъ вамъ: ,,б

ринъ". Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за труды возьмите себѣ, что хотите — на то наука!" Итакъ, ,,барину" Обломову не приходится сталкиваться и задумываться надъ невзгодами жизни. Иногда кажется, что Обломовъ хочетъ отдѣлаться отъ работы, старается прикрыть незнаніемъ свою лѣнь. Но это не правда, онъ на самомъ дѣлѣ не въ состояніи принять-ся ни за какое дѣло. Но тутъ невольно рождается вопросъ, почему же не могъ и не хотѣлъ Обломовъ взяться за дѣло? Вѣдь долженъ же онъ былъ найти какую-нибудь цѣль въ жи-ни? Вѣдь не можетъ же культурнаго человѣка вполнѣ удо-влетворить сознаніе, что онъ сытъ, здоровъ и пользуется по-коемъ?

Гончаровъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, рисуя одну изъ сныхъ, сознательныхъ минутъ своего героя, когда передъ го духовнымъ взоромъ выступаетъ его собственное нравствен-ое ничтожество. Мучительно больно становится ему ,,за свою еразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за яжесть, мѣшающую всему". ,,Отчего же это я такой?" съ олью въ сердцѣ спрашиваетъ себя Обломовъ. Еще неуспѣв-шая вполнѣ отвыкнуть отъ работы мысль дѣятельно начи-аетъ искать отвѣта на этотъ вопросъ и находитъ его. ,,Долж-о быть... это... оттого", начинаетъ Обломовъ формулировать готъ, созрѣвшій у него въ головѣ отвѣтъ, но охватившій его онъ не даетъ ему договорить, и какъ это часто бываетъ, гото-ая мысль, сложившаяся на яву въ отвлеченной формѣ, обле-ается во снѣ въ живые образы. Ключъ къ полному понима-ю Обломова кроется въ знаменитомъ его ,,Снѣ", къ разбору ораго мы теперь и приступимъ.

Передъ глазами читателя здоровый, живой, наблюдатель-ый, одаренный пытливымъ умомъ, впечатлительный маль-икъ. Въ немъ очень много дѣтской рѣзвости, живого тем-рамента. Не успѣлъ Ильюша встать съ кровати, начинаетъ алить со своей няней. Его живая натура требуетъ движенія, цетъ выхода скопившейся энергіи. ,,Мы, маменька, сегодня йдемъ гулять?" вырывается вдругъ у него во время утрен-й молитвы и онъ разсѣянно повторяетъ за матерью святыя ова, глядя въ окно, откуда мягкими волнами идетъ въ ком-

нату манящій на волю весенній воздухъ, напоенный арома
томъ сирени. Наконецъ, его пустили на дворъ. Съ радостным
чувствомъ, обѣжалъ онъ родительскій домъ, попытался влѣзт
на огибающую весь домъ висячую галлерею, чтобы взглянут
оттуда на рѣчку, но, во-время остановленный няней, бросил
ся къ крутой лѣстницѣ, ведущей на сѣновалъ, попытался
взобраться на голубятню, попасть на скотный дворъ и т. п
Онъ ,,настоящая юла", какъ зоветъ его едва поспѣвающая за
нимъ няня, ребенокъ, отличающійся большой живостью
натуры.

Однако, не одной рѣзвостью полонъ Ильюша. ,,Онъ ино
гда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на не
все такъ пристально." Въ его дѣтскомъ умѣ возникаютъ раз
личные вопросы, которые хотѣлось бы разрѣшить. ,,Отчег
это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и там
свѣтло?" съ любопытствомъ спрашиваетъ онъ, видя, что от
деревьевъ, отъ голубятни — отъ всего бѣгутъ длинныя тѣни
Забытый всѣми во время послѣобѣденнаго сна, противъ ко
тораго не можетъ устоять и няня, онъ ,,забирался въ глуш
сада, слушалъ какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ гла
зами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то вс
стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этої
тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ
что изъ этого будетъ... съ наслажденіемъ, боясь дохнуть
наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманної
мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ ла
пахъ" и т. п. Все это доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло с
натурой, которая при благопріятныхъ условіяхъ могла б
достигнуть высокаго развитія своихъ душевныхъ силъ.

Но какъ будто сама судьба ополчилась противъ бѣдна
мальчика и отдала его въ жертву такому вліянію воспитані
и окружающей среды, которое систематически подавляло в
немъ хорошіе природные зачатки и, напротивъ, развивал
вредныя для него качества. Это было воспитаніе, являющеес
продуктомъ крѣпостного строя жизни, это была среда, создан
ная тѣмъ же крѣпостнымъ правомъ. Первымъ же правилом
такого воспитанія было вдалбливаніе въ дѣтскую голову мы
сли, что онъ баринъ, что у него есть Захаръ и еще трист

„Захаровъ" для удовлетворенія всѣхъ его нуждъ и выполненія малѣйшихъ прихотей, и что ему вовсе не нужно и даже стыдно дѣлать для себя что-нибудь самому. И потому няня не смотря на семилѣтній возрастъ мальчика; надѣваетъ на него чулки, умываетъ его, расчесываетъ головку. Та же картина и въ 14 лѣтъ съ тою только разницей, что мѣсто няни занимаетъ Захарка, а Ильюша только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то одну, то другую ногу, а чуть-что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захару ногой въ носъ. Понятно, что такое воспитаніе подавляло въ ребенкѣ всякую самодѣятельность, уничтожало врожденную энергію, жажду движенія, труда, которые горячимъ ключемъ били въ немъ. Захочетъ онъ, какъ живой мальчикъ, сдѣлать что-нибудь для себя самъ, какъ отовсюду раздаются голоса, напоминающіе, что это не барское дѣло, что для того существуютъ Васьки, Ваньки, Захарки. „Послѣ онъ нашелъ самъ, что оно и покойнѣе гораздо и самъ выучился покрикивать: „Эй, Васька, Ванька, подайте то, дайте другое! не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!" Никто не озаботился, чтобы, предоставляя ребенку разумную свободу, развить въ немъ драгоцѣннѣйшія качества человѣческой природы—потребность къ дѣятельности умственной и физической. Каждое движеніе, каждый шагъ ребенка опекался и парализовался не въ мѣру нѣжными родителями, не считавшими впрочемъ необходимымъ позаботиться о томъ, чтобы ихъ сынъ находилъ для себя въ окружающемъ здоровую умственную пищу. А что это была за пища, какіе отвѣты получалъ онъ на тѣ вопросы, которые роились въ его головѣ, можно представить себѣ по тому, что услышалъ онъ отъ няни, когда спросилъ, почему въ одномъ мѣстѣ свѣтло, а въ другомъ темно: „Оттого, батюшка, — отвѣчала она, — что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится, а ужо какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ".

Взамѣнъ удовлетворенія надлежащимъ образомъ естественной любознательности ребенка, мать и няня давали волю своей безграничной фантазіи и поселяли его воображеніе разсказами о какой-то невѣдомой странѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки ме-

ду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день деньской только и знаютъ, что гуляютъ и веселятся. И такъ ловко въ этихъ разсказахъ обходилось все, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, такъ сильно вліяли они на впечатлительнаго мальчика, что „воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ рабствѣ до старости". Хоть и знаетъ взрослый Илья Ильичъ, что нѣтъ въ дѣйствительности тѣхъ чудесъ, о которыхъ онъ слыхалъ въ дѣтствѣ, все же „у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ, не заработанномъ платьѣ, поѣсть на счетъ доброй волшебницы", и онъ „безсознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка".

Не давая ничего, что хоть сколько-нибудь способствовало бы развитію природныхъ дарованій ребенка, окружающая его среда своимъ захватывающимъ вліяніемъ подчиняла его себѣ, отравляла его душу и сердце. Свойственная ему чуткость и впечатлительность, которыя, при другихъ условіяхъ, могли бы сильно содѣйствовать его духовному росту, сослужили ему плохую службу, напитавъ его тлетворными впечатлѣніями окружающей среды. Дѣтскій умъ Ильюши наблюдалъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія жизни, они глубоко западали въ его душу и потомъ вмѣстѣ съ нимъ растутъ и зрѣютъ. „Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка, неизгладимо врѣзываются въ душу картины домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни его окружающихъ". Видитъ мальчикъ, что его отецъ цѣлые дни только и знаетъ, что ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ, или же неподвижно сидитъ у окна, глядя въ пространство и отъ скуки дѣлая пустыя замѣчанія проходящей мимо дворнѣ; что никогда не придетъ ему въ голову провѣрить лично, какъ идетъ хозяйство, что даже незначительная работа по дому, какъ исправленіе готовыхъ обрушиться галлерей и крыльца, представляется для него настолько труднымъ дѣломъ, что онъ никакъ не можетъ взяться за него; видитъ онъ, что мать только и дѣлаетъ, что хлопочетъ о ѣдѣ, что цѣлая вереница крѣпостныхъ слугъ, готовыхъ исполнять малѣйшій барскій капризъ, всегда къ

услугамъ его родителей. И невольно дѣтскій умъ его, полный впечатлѣній домашней жизни, прежде чѣмъ ему сталъ доступенъ притокъ иныхъ понятій, хотя бы черезъ книги, рѣшаетъ, что именно такъ и нужно жить, какъ живутъ всѣ окружающіе его. Бѣдному мальчику неоткуда было набраться свѣжихъ животворящихъ впечатлѣній, которыя дали бы его уму здоровую пищу; никто не заботился чтобы его богатая отъ природы натура получила разумный просторъ для своего развитія. Какъ нѣжное тепличное растеніе, росъ онъ медленно и вяло. ,,Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая".

Однако, добрыя природныя качества Ильюши могли бы найти подходящія условія для развитія позднѣе, въ годы ученья и тогда первоначальныя сѣмена въ значительной степени могли бы заглохнуть и даже исчезнуть. Но своеобразный строй обломовской жизни клалъ свою роковую печать на домашнее и школьное ученье. Какъ ни пассивна была жизнь и среда, окружающая Обломова въ дѣтствѣ, какъ ни равнодушно относилась она къ знанію и просвѣщенію, все же ,,времена Простаковыхъ и Скотининыхъ миновались давно". Пословица: ,,ученіе свѣтъ, неученіе — тьма" бродила уже по селамъ и деревнямъ вмѣстѣ съ книгами, развозимыми букинистами". Обломовцы понимали выгоды и преимущества образованія, но понимали ихъ съ чисто внѣшней стороны. Они вѣрили, что тотъ, кто имѣетъ дипломъ, быстро получаетъ чины и кресты, наживаетъ деньги, тогда какъ старые служаки, повидимому, познавшіе всѣ тонкости буквоѣдства и крючкотворства, или оставались въ хвостѣ, или, что еще хуже, — должны были убираться по добру, по здорову. Отсюда дѣлался выводъ, что нужно соблюсти предписанную форму, добыть для Ильюши какой-то аттестатъ, въ которомъ будетъ сказано, что онъ ,,прошелъ всѣ науки и искусства". Для нихъ была непонятна та огромная роль, какую играетъ образованіе въ дѣлѣ развитія духовныхъ силъ человѣка, въ подготовкѣ его къ разумному существованію, удовлетворяя естественные запросы человѣческаго духа. Отсюда вполнѣ понятно, почему время ученія у Штольца не могло уничтожить въ ребенкѣ вліянія семьи, которая находилась слишкомъ б. из-

ко. Даже такой энергичный нѣмецъ, какъ старый Штольцъ, ничего не могъ сдѣлать со своимъ питомцемъ, такъ какъ обломовцы постоянно выдумывали новые поводы къ тому, чтобы Ильюша поменьше мучилъ себя наукой. Всѣ были увѣрены, что печеніе блиновъ достаточный поводъ къ тому, чтобы не ѣхать къ учителю, что праздникъ въ четвергъ — непреодолимое препятствіе къ ученію во всю недѣлю, и что поэтому нечего ѣздить взадъ и впередъ на три дня; что послѣ пасхальныхъ праздниковъ на двѣ недѣли не стоитъ ѣздить учиться и т. д. То немногое время, какое находился Ильюша подъ вліяніемъ своего учителя, тоже не могло принести замѣтной пользы, такъ какъ маленькій Штольцъ, привязавшись къ Ильюшѣ, тайкомъ отъ отца половину работы исполнялъ за товарища.

Итакъ, мы видимъ, что дѣтство и отрочество, т. е. то время, когда большею частью вырабатывается характеръ и наклонности человѣка, выясняется его духовный обликъ. Ильюша находился подъ вліяніемъ окружающей среды, которое такъ глубоко проникло въ его душу, что не могло уничтожиться ни въ годы студенческой жизни, ни въ послѣдующій зрѣлый періодъ ея. Отъ природы живая, любознательная натура, уже въ значительной степени была объята лѣнью и зарождающейся апатіей „съ которыми подчасъ онъ не въ силахъ былъ бороться. Сказывалось это въ его, порою, чисто формальномъ отношеніи къ изучаемымъ наукамъ, которыя усваивались имъ безъ всякаго интереса. Жажда знаній, юношескій подъемъ силъ, которыя одно время охватили Обломова, продолжались не долго. „Цвѣтъ жизни распустился, но не далъ плодовъ. Обломовъ отрезвился и только изрѣдка, по указанію Штольца, прочитывалъ ту или другую книгу, но не вдругъ, не торопясь, безъ жадности, а лѣниво пробѣгалъ глазами по строкамъ". Поэтому „голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, ничѣмъ не связанныхъ, политико-экономическихъ, математическихъ и другихъ истинъ, задачъ, положеній и т. п. Это была какъ-будто библіотека, состоящая изъ однихъ разрозненныхъ томовъ по разнымъ отраслямъ знанія. Странно дѣйствовало ученіе на Илью Ильича: у него между наукой и жизнью

лежала цѣлая бездна, которую онъ не пытался перейти. Жизнь у него была сама по себѣ, а наука сама по себѣ".

Однако, Илья Ильичъ не остался въ Обломовкѣ наслаждаться прелестями деревенской жизни. Университетская жизнь все же дала пищу врожденной потребности къ дѣятельности и спасла его на время отъ окончательной гибели. Онъ былъ полонъ еще разныхъ широкихъ стремленій и надеждъ, чего то ждалъ отъ себя и отъ жизни, мечталъ о роли, которую онъ будетъ играть на служебномъ поприщѣ и въ обществѣ, мечталъ о будущемъ семейномъ счастьѣ. Все это побудило его покинуть родное гнѣздо и отправиться за поисками счастья въ Петербургъ.

Но первое уже столкновеніе съ дѣйствительною жизнью, которая потребовала отъ него труда и энергіи, ошеломило его, и онъ десять лѣтъ все собираясь что-нибудь дѣлать, кончилъ тѣмъ, что потерпѣвъ пораженіе, вслѣдствіе своего нерадѣнія на служебномъ поприщѣ, оставилъ всѣ мечты о повышеніяхъ, чинахъ, орденахъ и вышелъ въ отставку. Бывалъ онъ въ обществѣ — и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ знакомства и сталъ по цѣлымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сближаясь съ женщинами, онъ себя спрашивалъ, чего ему отъ нихъ ожидать и добиваться. Не рѣшивъ и этого вопроса, онъ сталъ избѣгать женщинъ... Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку съ полнымъ сознательнымъ презрѣніемъ къ „муравьиной работѣ людей", убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ за чего... „Лежанье у Ильи Ильича не было необходимостью, какъ у больного или какъ у человѣка, который хочетъ спать,—ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было его нормальнымъ состояніемъ".

„Началось съ неумѣнья надѣвать чулки, а кончилось неумѣньемъ жить", замѣчательно мѣтко выразился Штольцъ про Обломова. Какъ человѣкъ умный, Обломовъ самъ сознаетъ свое неумѣнье жить и дѣйствовать, свою неприспособленность, результатомъ которой является смутная, но болѣзненная боязнь жизни. Въ этомъ сознаніи и заключается трагическая черта въ характерѣ Обломова, замѣтно отдаляющая

его отъ другихъ ,,обломовцевъ". Вообще обломовцы были натуры цѣльныя, съ прочнымъ, хотя и не сложнымъ, міросозерцаніемъ, чуждыя всякихъ сомнѣній, всякой внутренней раздвоенности. Въ противоположность имъ, раздвоенность составляетъ неотъемлемую часть характера Обломова; она внесена въ него вліяніемъ Штольца и образованія. Для Ильи Ильича было уже невозможно вести то спокойное и самодовольное существованіе, какимъ довольствовались его дѣды и отцы, такъ какъ въ глубинѣ своей души онъ все же чувствовалъ, что живетъ не такъ, какъ слѣдовало бы и какъ живутъ ,,другіе", какъ, напримѣръ, Штольцъ. У Ильи Ильича есть уже сознаніе необходимости что-нибудь дѣлать, приносить пользу, жить не для одного себя; есть у него и сознаніе своего долга передъ своими крѣпостными, трудами которыхъ онъ живетъ; онъ разрабатываетъ пресловутый ,,планъ" новаго устройства деревенской жизни, гдѣ приняты во вниманіе и интересы крестьянъ, хотя Обломовъ и не думаетъ о возможности и желательности полнаго упраздненія крѣпостного права. До полной выработки этого ,,плана" онъ не считаетъ возможнымъ переселяться въ Обломовку, — но изъ его работы, по обыкновенію, ничего не выходитъ, такъ какъ онъ совершенно не знаетъ сельской жизни, не обладаетъ ни настойчивостью, ни усердіемъ, ни искреннимъ убѣжденіемъ въ цѣлесообразности своего ,,плана".

Обломовъ въ свѣтлые моменты тяжко скорбитъ, мучится въ сознаніи своей непригодности, но перемѣнить своего характера не въ состояніи. Воля его какъ бы парализована, всякое движеніе, дѣйствіе пугаетъ; онъ боится жизни, какъ въ Обломовкѣ боялись оврага, о которомъ ходили всякіе недобрые слухи.

Однако, былъ моментъ, когда казалось, Обломовъ могъ вступить на новую дорогу. Могущественнѣйшее изъ человѣческихъ чувствъ — любовь, на время пробудило его отъ духовной и тѣлесной связки. Онъ познакомился и полюбилъ Ольгу Ильинскую. Чувство это было искренне и глубоко, оно захватило все его существо, заставило, хоть временно, подбодриться, взять себя въ руки. Но старая закваска оказалась сильнѣе и не дала любви возродить Обломова, удер-

жать его отъ постепеннаго моральнаго паденія. Гончаровъ подробно разсказываетъ исторію этой любви, въ которой очень ясно сказываются всѣ стороны характера Ильи Ильича: и нѣжность, и глубина чувствъ, и даже способность къ самопожертвованію (письмо къ Ольгѣ), но вмѣстѣ съ тѣмъ также и его нерѣшительность и слабоволіе. Подъ вліяніемъ своего чувства къ Ольгѣ, онъ рѣзко мѣняетъ свой образъ жизни: бросаетъ халатъ, не спитъ послѣ обѣда, много гуляетъ, бываетъ въ театрахъ, читаетъ; но когда дѣйствительность начинаетъ предъявлять свои серьезныя требованія, когда отъ поэзіи любви необходимо переходить къ дѣловой прозѣ, когда предстоятъ различные хлопоты по устройству имѣнія и денежныхъ дѣлъ, постройкѣ дома, совершеніи различныхъ формальностей, — Обломовъ окончательно впадаетъ въ свою обычную нерѣшительность и пугается серьезнаго шага. Онъ струсилъ до того, что боялся на глаза ей показаться; прикидывался больнымъ, ссылался на то, что мостъ развели, намекалъ Ольгѣ, что она можетъ себя и его компрометировать и т. п. А все оттого, что Обломовъ въ этой любви вдругъ увидѣлъ не мечтательную сентиментальность, а откровенное, серьезное чувство, призывающее къ рѣшительности, къ дѣлу, къ труду, къ цѣлому ряду обязанностей, т. е. къ тому, что вовсе не входило въ привычки Ильи Ильича. Къ этому еще присоединилось вліяніе обстановки, въ которую онъ попалъ съ переѣздомъ на Выборгскую сторону, которая по складу жизни такъ близко напоминала ему родную Обломовку.

Со страшною болью въ сердцѣ Обломовъ разрываетъ съ любимой дѣвушкой, чтобы заживо похоронить себя, отдать свою душу и жизнь во власть того настроенія, которое является продуктомъ русской дореформенной помѣщичьей жизни на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Убѣдившись въ рѣшительной невозможности нравственнаго преобразованія того человѣка, въ котораго она такъ долго и упорно вѣрила, Ольга объявила ему прямо, что она ошиблась въ немъ и находитъ невозможнымъ соединить съ нимъ свою судьбу. „Я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобы было въ тебѣ, что указалъ Штольцъ, что мы выдумалаи съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты

кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... какъ голубь! Ты спрячешь голову подъ крыло и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь переворковать подъ кровлей!... Да, я не такая! Мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — не знаю. Кто проклялъ тебя, Илья? — спрашивала Ольга съ мучительною болью въ сердцѣ: — что ты сдѣлалъ? ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу..."—„Есть", — прошепталъ Обломовъ въ отвѣтъ чуть слышно: „обломовщина".

Разрывъ съ Ольгою произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Обломова; послѣ этого случая онъ уже былъ неспособенъ къ возрожденію, къ новому подъему, и жизнь его превращается въ какую-то агонію, медленное угасаніе. Теперь ужъ онъ постепенно укладывался въ простой и широкій гробъ остального своего существованія, сдѣланный собственными руками, какъ старцы пустыни, которые, отворотясь отъ міра, копаютъ себѣ могилу. Послѣдняя попытка Штольца вернуть Илью Ильича къ живой жизни, вытянуть его изъ болота не имѣетъ никакого успѣха. Обломовъ съ грустью говоритъ: „Что ты хочешь дѣлать со мной? Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я разстался навсегда; ты не спасешь, не составишь двѣ разорванныя половины. Я припросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: попробуй оторвать—будетъ смерть". Эти слова доказываютъ, что Обломовъ вполнѣ сознательно осмотритъ на свое положеніе и не имѣетъ уже никакой надежды выйти изъ него, хотя отлично понимаетъ всю его ненормальность.

Для полноты характеристики Обломова, необходимо указать главнѣйшія свѣтлыя черты его природы. Эти черты обнаруживаются въ Обломовѣ, правда, изрѣдка, на минуту, послѣ продолжительно вялыхъ и сонныхъ застоевъ его жизни; но въ эти минуты фигура Обломова освѣщается большимъ и прекраснымъ свѣтомъ. Если бы въ его характерѣ не было другихъ чертъ, кромѣ лѣни, апатіи, слабоволія, умственной спячки, то онъ конечно, не могъ бы заинтересовать собою читателя, а также не заинтересовалась бы имъ Ольга, не могъ бы послужить героемъ обширнаго романа.

Съ другой стороны, почему въ душѣ читателя этотъ страдалецъ лѣни оставляетъ впечатлѣніе глубокой грусти,

а не досады или негодованія? Да, потому что отрицательныя стороны его характера уравновѣшиваются не менѣе важными положительными, могущими возбудить нашу симпатію. Привлекательныя стороны природы Обломова могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: прекрасное сердце, т. е. способность отзываться искреннимъ участіемъ на всякое человѣческое горе, непоколебимая вѣра въ дружбу, любовь, въ людскую честь, въ добро. Чтобы ярче оттѣнить положительныя, симпатичныя стороны своего героя, Гончаровъ ввелъ въ романъ нѣсколько эпизодическихъ лицъ. Это Волковъ, пустой свѣтскій человѣкъ, съ претензіей на франтовство, ищущій въ жизни однихъ удовольствій, чуждый какихъ-либо серьезныхъ интересовъ, живущій шумно и подвижно, но человѣкъ безъ малѣйшаго внутренняго содержанія; далѣе, Судьбинскій, чиновникъ-карьеристъ, весь ушедшій въ мелкіе интересы служебнаго міра и бумажнаго дѣлопроизводства, а ко всему остальному въ мірѣ онъ „слѣпъ и глухъ", по словамъ Обломова. Алексѣевъ, „человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ неопредѣленной физіономіей", у котораго абсолютно нѣтъ ничего своего; ни своего вкуса, ни своихъ желаній, ни симпатій: онъ то, что Тургеневъ называлъ, „складною душою". Алексѣевъ, очевидно, выведенъ для того, тобы путемъ сравненія показать, что Обломовъ, не смотря на всю свою безхарактерность, вовсе не отличается безличностью, что у него есть своя, опредѣленная нравственная физіономія. Сопоставленіе же съ этими эпизодическими личностями показываетъ, что Илья Ильичъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стоялъ выше окружающихъ людей.

Штольцъ въ разговорѣ съ Ольгой такъ отозвался о своемъ другѣ: „*Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь.* Пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ на выворотъ — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Его сердце не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться. Узнавъ разъ, его разлюбить нельзя".

Изъ этого качества сердца Обломова происходитъ ег
необыкновенная чуткость къ малѣйшей фальши повсюду
хотя бы въ самой красивой на видъ жизни, хотя бы въ само
поэзіи. Къ жизни въ такъ называемомъ свѣтѣ, которую ем
рекомендуетъ Штольцъ, Обломова ничто не привлекаетъ
Въ откровенномъ горячемъ разговорѣ со своимъ другом
Обломовъ смѣло и отчетливо изобличаетъ безсердечіе боль
шинства членовъ этого общества, ихъ болѣзненную суетли
вость, погоню — не за истиной или добромъ, а за минутным
успѣхомъ, и, наконецъ, изобличаетъ вѣчную ихъ завистливост
и тоску отъ успѣха товарища. Эти, очевидно, преувеличенны
характеристики свѣта свидѣтельствуютъ о рѣшительном
перевѣсѣ въ Обломовѣ благороднаго сердца надъ прочим
душевными силами. Изъ этого же самаго качества сердц
происходитъ и взглядъ Обломова на истинное назначеніе по
эзіи и литературы. Когда нѣкто Пѣнкинъ, мелкій литератор
сатирическо-обличительнаго направленія, сталъ ему рекомен
довать одну ,,великолѣпную обличительную поэму", то он
отвѣтилъ, что не станетъ читать этихъ ,,обличительныхъ по
эмъ", потому что авторы ихъ только тѣшатъ свое мелкое са
молюбіе, а жизни не понимаютъ, сочувствія къ несчастьям
людей не имѣютъ. Оттого то въ ихъ разсказѣ слышны не ,,не
видимыя слезы", какъ говоритъ Гоголь, а одинъ только види
мый, грубый смѣхъ. ,,Нѣтъ, говоритъ Обломовъ, изобраз
человѣческія глупости и пороки, да и человѣка тутъ же н
забудь. Гдѣ же человѣчность-то? Вы одной головой хотит
писать? Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ
оно оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему че
ловѣку, чтобы поднять его, или горько плачьте надъ нимъ
если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ нем
самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой — тогд
я стану васъ читать и склоню передъ вами голову... Изо
бражаютъ они пороки человѣческіе; а человѣка-то забыва
ютъ, или не умѣютъ изобразить! Какое же тутъ искус
ство? Гдѣ же тутъ поэзія? — извергнуть, говорятъ, нужн
порочнаго человѣка изъ гражданской среды! Это значит
забыть, что въ этомъ негодномъ сосудѣ присутствовало выс
шее начало; что онъ испорченный человѣкъ, но все человѣк

ке, т. е. вы сами. Извергнуть! а какъ вы извергнете его изъ руга человѣчества, изъ лона природы, изъ милосердія Бо-кія?"

Незнаніе дѣйствительной жизни, при смутномъ желаніи дѣлать что-нибудь полезное сближало Обломова съ идеали-гами 40-хъ годовъ. Подобно „лишнимъ людямъ" (Тургене-а) онъ иногда проникался сознаніемъ своего безсилія. Гон-аровъ предполагалъ, что со временемъ обломовщина исчез-етъ. Посѣщая въ послѣдній разъ Илью Ильича, Штольцъ ходитъ отъ него съ такими мыслями: „Погибъ ты, Илья! ечего тебѣ говорить, что твоя Обломовка не въ глуши боль-е, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца... о года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужи-и твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ по-итится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ школы, гра-ота, а дальше... Прощай, старая Обломовка, ты отжила ой вѣкъ."

Но Штольцъ, устами котораго въ этомъ случаѣ, очеви-о, говоритъ Гончаровъ, ошибался! „Дѣло вѣковъ поправ-ется не легко" и авторъ слишкомъ рано поставилъ крестъ дъ обломовщиною. Еще критикъ Добролюбовъ остроумно мѣтилъ, что Обломовка — наша прямая родина, и что въ ждомъ изъ насъ сидитъ не мало обломовщины. Замѣчаніе о въ значительной мѣрѣ примѣнимо и къ послѣдующей сской жизни вплоть до нашихъ дней, когда довольно часто иходится встрѣчаться съ барской изнѣженностью, боязнью уда, отсутствіемъ энергіи и предпріимчивости, кротостью, нью и апатіей, исключающими всякую возможность борьбы лучшее будущее.

Андрей Ивановичъ Штольцъ.

Штольцъ, по собственному признанію Гончарова, выве-ъ, какъ антитеза Обломову. Произнеся свой строгій при-оръ надъ своимъ героемъ и апатіей русскаго общества, тъ противопоставилъ ему Штольца, въ которомъ онъ ви-ъ желательное близкое будущее Россіи. „Вотъ глаза от-лись отъ дремоты, послышались бойкіе шаги, живые го-

лоса... Сколько Штольцевъ появится подъ русскими и
нами!"

Важнѣйшіе признаки обломовщины оттѣняются фигур
Штольца. Задуманное и изображенное въ противоположно
Обломову, это лицо, какъ художественный образъ, оставля
впечатлѣніе апріорности и, пожалуй, искусственности
строенія. При всемъ томъ, однако, мы не можемъ сказать, б
то Штольцъ не удался Гончарову. Штольцъ, во всяко
случаѣ, не выдуманъ. То, что въ немъ признается неясны
было въ ту эпоху неясно въ самой жизни, и какъ этою, та
и другими сторонами Штольцъ представляется намъ фи
рою, далеко не лишенною типичности для второй полови
50-хъ годовъ и начала 60-хъ.

Другъ и сверстникъ Обломова, Штольцъ — отрицат
и непримиримый противникъ обломовщины. Онъ отрица
ее во всѣхъ ея видахъ. Идеалъ барской жизни въ дерев
о которомъ мечтаетъ Обломовъ, представляется Штольцу
вершенно нелѣпымъ. ,,Это не жизнь! — говоритъ онъ въ
вѣтъ на разглагольствованія замечтавшагося Ильи Ильич
это какая-то... обломовщина". Когда Обломовъ хочетъ до
зать ему, что всѣ люди стремятся къ покою, что это свойств
но природѣ человѣческой, Штольцъ отвѣчаетъ: ,,И утоп
то у тебя обломовская". Обломовскому культу покоя и к
тизма онъ противопоставляетъ трудъ и непрерывное стрем
ніе впередъ. Илья Ильичъ готовъ согласиться съ тѣмъ,
можно работать, трудиться, ,,мучиться", по его опредѣлен
но только съ тою цѣлью, чтобы ,,обезпечить себя навсе
и удалиться потомъ на покой — отдохнуть." ,,Деревенская
ломовщина!"—восклицаетъ Штольцъ. ,,Или достигнуть с
жебнаго значенія и положенія въ обществѣ, — продолжа
развивать свою мысль Обломовъ, — и потомъ въ почтенн
бездѣйствіи наслаждаться заслуженнымъ отдыхомъ..."
,,Петербургская обломовщина?" — говоритъ Штольцъ.

Вотъ именно въ противоположность этому, столь хар
терному для обломовцевъ, стремленію къ ,,отдыху", ,,поко
почетному или непочетному ,,бездѣйствію", Штольцъ нас
ваетъ на необходимости труда — ради труда, безъ всяк
видовъ на ,,отдыхъ". На вопросъ же Ильи Ильича: ,,для

же мучиться весь вѣкъ?" онъ отвѣчаетъ „для самого труда, больше ни для чего. Трудъ — образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни, по крайней мѣрѣ, моей". Однако эти слова не доказывают, что для Штольца безразлично, какимъ бы дѣломъ ни заниматься, что его нисколько не интересуетъ вопросъ о цѣли и значеніи труда. Онъ не будетъ толочь воду въ ступѣ... Мы хорошо знаемъ, что онъ „пріобрѣтаетъ", составляетъ себѣ состояніе, ведетъ свои дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учится, развивается, слѣдитъ за всѣмъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, наконецъ, много путешествуетъ, какъ по Россіи, такъ и за границей. „Я едва два раза былъ за границей, — говоритъ онъ Обломову, — послѣ нашей премудрости, смиренно сидѣлъ на студенческихъ скамьяхъ въ Боннѣ, въ Іенѣ, въ Эрлангенѣ, потомъ выучилъ Европу, какъ собственное имѣніе... Я видѣлъ Россію вдоль и поперекъ. Тружусь..." Онъ увѣрялъ, что никогда не перестанетъ трудиться, хотя бы учетверилъ свои капиталы.

Штольцъ — просвѣщенный дѣлецъ. И каждому понятно, что своему „труду", какъ и самъ Гончаровъ, приписываетъ прогрессивное общественное значеніе. Мало того, его пропов'ѣдь „труда" не лишена моральнаго оттѣнка. Это было въ духѣ времени. Отживающей обломовщинѣ, какъ результату крѣпостничества, противопоставляли необходимость предпріимчивости, дѣловитости, иниціативы, и эти силы представлялись въ видѣ культурной и даже моральной силы, призванной обновить и возродить Россію. Теперь уже нельзя было сочетать дѣловитости, предпріимчивости и наживы съ обскурантизмомъ и политическою отсталостью, какъ это дѣлалъ Гоголь. Новый Костанжогло являлся либераломъ, прогрессистомъ. Штольцъ при случаѣ говоритъ о фабрикахъ, о путяхъ сообщенія, о пристаняхъ, о сбытѣ товаровъ. Но онъ также трактуетъ о школахъ, а именно — о народныхъ, о просвѣщеніи. Его программа: раскрѣпощеніе, экономическое развитіе страны, промышленный прогрессъ, просвѣтительная дѣятельность. Вспомнимъ хотя бы тѣ думы, которымъ предается Штольцъ, когда онъ навсегда разстается съ Обломовымъ, сказавшемъ при прощаніи: „Не забудь моего Андрея" (сына отъ Пшеницыной). — „Нѣтъ, не забуду я твоего Андрея...

Погибъ ты, Илья: нечего тебѣ говорить, что твоя Обломов
не въ глуши больше; что до нея дошла очередь, что на н
пали лучи солнца! Не скажу тебѣ, что года черезъ четыре о
будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работа
насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пр
стани... А потомъ... школы... грамота... а дальше... Нѣт
перепугаешься ты зари новаго счастья, больно будетъ непр
вычнымъ глазамъ. Но поведу твоего Андрея, куда ты не мо
итти... и съ нимъ будемъ приводить въ дѣло наши юнош
скія мечты".

Какъ психологическій типъ, однако, Штольцъ рѣз
отличается отъ людей 40-хъ годовъ. Онъ — человѣкъ полож
тельный, натура уравновѣшенная, чуждая излишествъ, дѣ
тельная, жизнерадостная. По складу ума онъ — позитивист
„Мечтѣ, загадочному, таинственному не было мѣста въ е
душѣ. То, что не подвергалось анализу, опыту, практическ
истинѣ, было въ глазахъ его оптическій обманъ... У него
было и того дилетантизма, который любитъ порыска
въ области чудеснаго, или подонкихотствовать на полѣ дог
докъ и открытій за тысячу лѣтъ впередъ..." Очевидно, это н
вый типъ, выступившій на смѣну идеалистовъ, дилетанто
и метафизиковъ 40-хъ годовъ. Новый типъ оказался бол
здоровымъ, цѣльнымъ, болѣе жизненнымъ. Въ немъ отмѣче
развитіе задерживающей и регулирующей воли — въ прот
положность ея слабости у многихъ представителей старша
поколѣнія. Объясняется это у Штольца — наслѣдственност
со стороны отца и спартанскимъ строгимъ воспитаніем
Весь душевный міръ Штольца постоянно находится подъ ко
тролемъ его воли: „кажется, и печалями и радостями о
управлялъ, какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ... О
стремится къ тому, чтобы не было „ничего лишняго" въ е
душѣ, „въ нравственныхъ отправленіяхъ его жизни", — „о
искалъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потр
ностями духа". Его задачею было — поменьше мудрить и в
работать себѣ „простой, т. е. прямой, настоящій взглядъ
жизнь"; зная всю трудность этой задачи („мудрено и труд
жить просто!" говорилъ онъ), онъ боялся, „воображенія и в
кой мечты" и зорко слѣдилъ за собою, за каждымъ шаго

своимъ. Между прочимъ слѣдилъ онъ и за сердцемъ, вопросъ любви къ женщинѣ занимаетъ свое мѣсто въ его душевной экономіи: ,,онъ и среди увлеченія чувствовалъ землю подъ ногами и довольно силы въ себѣ, чтобы, въ случаѣ крайности, ,,рвануться и быть свободнымъ''. Онъ не вѣритъ въ поэзію страстей, не восхищается ихъ бурными проявленіями и разрушительными слѣдами, онъ хочетъ видѣть ,,идеалъ бытія и стремленій человѣка въ строгомъ пониманіи и отправленіи жизни.''

Таковъ Штольцъ... Гончаровъ, какъ видно, очень цѣнилъ такія качества ума и характера и думалъ фигурою Штольца отвѣтить на вопросъ, поставленный Гоголемъ: какіе люди нужны Россіи? Ему казалось, что великое слово ,,впередъ!'', о которомъ мечталъ Гоголь, будетъ сказано сперва Штольцами, русскими по національности, полу-иностранцами по крови, и ужъ вслѣдъ за ними явятся соотвѣственные дѣятели чисторусскаго происхожденія. Припомнимъ слѣдующее мѣсто: ,Чтобы сложиться такому характеру, можетъ быть, нужны были и такіе смѣшанные элементы, изъ какихъ сложился Штольцъ. Дѣятели издавна отливались у насъ въ пять-шесть стереотипныхъ формъ, лѣниво, вполглаза глядя вокругъ, прикладывали руку къ общественной машинѣ и съ премотой двигали ее по обычной колеѣ, ставя ногу въ оставленный предшественникомъ слѣдъ. Но вотъ глаза очнулись отъ премоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!''

Упованія, возлагавшіяся Гончаровымъ на дѣятелей этого типа, какъ извѣстно, не оправдались. Россіи, понятно, нужны были дѣятели съ такимъ запасомъ энергіи, какой мы видимъ у Штольца, но одной энергіи мало, — нужно еще, чтобы она была направлена на выработку общественнаго самопознанія, на общественное дѣло, на проложеніе новыхъ путей внутренняго развитія Россіи. У Штольца же, она направлена была больше на личныя цѣли, на урегулированіе его собственной душевной силы.

Критикъ Добролюбовъ отнесся къ Штольцу отрицательно. Онъ писалъ ,,...что онъ (Штольцъ) дѣлаетъ, и какъ онъ хитряется дѣлать что-нибудь порядочное тамъ, гдѣ другіе

ничего не могутъ сдѣлать — это для насъ остается тайной
Онъ мигомъ устроилъ Обломовку для Ильи Ильича: —
какъ? этого мы не знаемъ. Онъ мигомъ уничтожилъ фальши
вый вексель Ильи Ильича:—какъ? это мы знаемъ. Поѣхал
къ начальнику Ивана Матвѣевича, которому Обломовъ дал
вексель, поговорилъ съ нимъ дружески. Ивана Матвѣевич
призвали въ присутствіе — и не только, что вексель велѣл
возвратить, но даже изъ службы выходить приказали. И по
дѣломъ ему, разумѣется; но, судя по этому случаю, Штольц
не доросъ еще до идеала общественнаго русскаго дѣятеля"

Штольцъ — не вождь, не герой. Онъ не пролагаетъ но
выхъ путей. Онъ только идетъ за временемъ и является пред
ставителемъ эпохи, когда отживала старая обломовщин
и на смѣну крѣпостного строя возникалъ новый порядок
вещей. Гончаровъ, конечно, идеализируетъ Штольца. Устра
няя эту идеализацію, мы все таки скажемъ, что въ тяжелу
эпоху конца 50-хъ годовъ, когда, по выраженію Добролюбо
ва, нужно было „расчищать лѣсъ", чтобы выйти на большу
дорогу и убѣжать отъ обломовщины", Штольцы свою лепт
вносили въ это дѣло, хотя бы ужъ тѣмъ, что не сидѣли н
мѣстѣ, не спали, не кисли, а суетились, просвѣщались, тор
мошили Обломовыхъ, радовались наступленію новой эр
отрицали крѣпостное право. По сравненію же съ окружаю
щею его тьмою и пустотою, съ глубокими залежами обскура
тизма, тогда еще почти не тронутаго — Штольцъ должен
быть признанъ явленіемъ, въ свое время прогрессивнымъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну черту, которою Штольц
рѣзко отличается отъ новыхъ людей Добролюбовскаго типа
Это болѣе, чѣмъ добродушное отношеніе Штольца къ той са
мой обломовщинѣ, которую онъ такъ послѣдовательно отри
цалъ. Добролюбовъ, какъ извѣстно, не щадитъ ея и произно
ситъ надъ нею „судъ безпощадный". Для него она — почт
порокъ, во всякомъ случаѣ — уродство, и человѣкъ, зараже
ный обломовщиной не заслуживаетъ ни сожалѣнія, ни сни
хожденія. Въ его глазахъ обломовцы — люди никуда н
годные, а обломовщина — наше національное несчастіе и пр
клятіе. Для Штольца она — только болѣзнь и онъ относит
къ обломовцамъ съ состраданіемъ, онъ ихъ жалѣетъ, как

больныхъ, безпомощныхъ, слабыхъ духомъ и волею, но, по существу, хорошихъ, чистыхъ и честныхъ людей, достойныхъ лучшей участи.

Ольга Ильинская.

Ольга Ильинская, героиня романа, является очень симпатичнымъ типомъ женщины. Необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли, она поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться даже въ ея поэтической правдѣ и сказать: „такихъ дѣвушекъ не бываетъ". Однако, слѣдуя за нею во все продолженіе романа, мы видимъ, что она постоянно вѣрна себѣ и своему развитію, что она представляетъ не сентенцію автора, а живое лицо, только такое, какое не такъ часто встрѣчается. Она — тотъ высокій идеалъ, который привлекаетъ къ себѣ читателя гармоническимъ развитіемъ душевныхъ силъ. Ея возвышенно-благороднымъ качествамъ соотвѣтствуетъ также и внѣшность.

Рисуя Ольгу, Гончаровъ не считаетъ ее рѣдкой красавицей, но прибавляетъ, что, если-бъ пришлось превратить ее въ статую, то она, безъ сомнѣнія, оказалась бы статуей граціи и гармоніи. Ея взглядъ всегда добрый и зоркій. Кто бы ни наблюдалъ ее, кто бы ни бесѣдовалъ съ нею, легко могъ бы замѣтить, что въ ея взглядѣ всегда свѣтится дѣятельная мысль и доброе чувство.

Ольга — бѣлоручка; хозяйствомъ не занимается, вышиваетъ на канвѣ, ѣздитъ съ теткой по магазинамъ, въ спектакли, принимаетъ гостей и выѣзжаетъ сама. Есть у нея имѣніе, которымъ управляетъ какой-то совсѣмъ чуждый ей, старый другъ тетки, баронъ Лангвагенъ; она не интересуется, откуда и какъ достаются деньги на ея прихоти; заставляетъ Обломова брать кресла въ оперѣ, не интересуясь, есть ли у него на это средства. Ольга получила хорошее образованіе. Она любитъ музыку, какъ искусство, знаетъ въ ней толкъ и находитъ наслажденіе; прекрасно поетъ, читаетъ книги, газеты, слѣдитъ за иностранной литературой; ей хочется все знать, все понимать. Природная пытливость ума подъ влія-

ніемъ благопріятныхъ условій (знакомство съ Штольцемъ) переходитъ у Ольги въ настоящую жажду знанія. „Зачѣмъ насъ, женщинъ, не учить?" съ тоскою говоритъ она и всюду ищетъ отвѣта на интересующіе ее вопросы. Она не даетъ покоя Обломову и Штольцу, причемъ послѣдній самъ не можетъ одолѣть всѣхъ книгъ, при помощи которыхъ можно разрѣшить недоумѣнія Ольги.

Незаурядная сила и ясность ума, цѣльность натуры, вѣчное стремленіе впередъ — къ разумной дѣятельности, къ плодотворной „общественной работѣ — вотъ тѣ черты, которыя ставятъ Ольгу выше другихъ, даже лучшихъ, женщинъ ея времени и вмѣстѣ съ тѣмъ является главнымъ основаніемъ того, что въ лицѣ Ольги обломовщина встрѣтила судью и противника гораздо болѣе послѣдовательнаго и рѣшительнаго, чѣмъ Штольцъ. Въ ней болѣе, нежели въ Штольцѣ можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину... Она начинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное возрожденіе... Долго и упорно, съ любовью и нѣжностью работаетъ она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любя въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе, она дѣлаетъ для него все: пренебрегаетъ даже условными приличіями, идетъ къ нему одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутаціи.

Но она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ всякую фальшь, проявляющуюся въ его натурѣ, чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и почему это ложь, а не правда. Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, а потомъ увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывши себя, жертвуя собою, и т. п. „Нѣтъ — возражаетъ она, — неправда: еслибъ вы думали только о моемъ счастьѣ и считали необходимою для него разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ". Онъ говоритъ, что боится ея счастья, если она съ теченіемъ времени пойметъ, что ошиблась въ немъ, разлюбитъ его и полюбитъ другого. Она спрашиваетъ въ отвѣтъ

на это: „гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо, а послѣ я полюблю другого и, значитъ мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ безпокоитесь." Эта простота и ясность мышленія заключаетъ въ себѣ зачатки новой жизни, не той, въ которой выросло современное ей общество.... Она продолжаетъ свои отношенія къ Обломову, не смотря на всѣ постороннія непріятноси, насмѣшки, и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ неизлѣчимой слабости воли въ немъ. Когда же она поняла, что несмотря на всѣ ея усилія, Обломовъ не можетъ ей дать ничего, кромѣ воркованья около семейнаго очага, не окажетъ ей другого, болѣе содержательнаго пути жизни, она первая же со страшною болью, но вполнѣ сознательно окончательно порвала съ нимъ. Въ роковую минуту разлуки, Ольга говоритъ ему: „Мнѣ больно, мнѣ такъ больно. Но я не раскаиваюсь. За гордость я наказана. Я слишкомъ понадѣялась на свои силы. Я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня, а ты уже давно умеръ". „Ты кротокъ, честенъ, Илья— говоритъ она при послѣднемъ свиданіи съ нимъ, — ты нѣженъ, какъ голубь... ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей. Да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — не знаю." И она оставляетъ Обломова, она стремится къ чему-то своему, хотя и не знаетъ его хорошенько.

Исторія этой привязанности станетъ намъ понятнѣе, когда мы вспомнимъ, что это Штольцъ далъ ей задачу будить Обломова, не давать ему спать. Ей сперва льстила роль спасительницы. „Она мигомъ взвѣсила свою власть надъ нимъ, ей нравилась эта роль путеводительной звѣзды, луча свѣта, который она разольетъ надъ стоячимъ озеромъ и отравится въ немъ, — и она разнообразно торжествовала свое первенство въ этомъ поединкѣ". Вотъ источникъ этой непосредственной, сердечной любви, но головной, разсудочной, какъ и позднѣйшая любовь къ Штольцу, поражавшему ее всегда именно своимъ умомъ. На первый взглядъ, казалось бы, что жизнь съ Штольцемъ должна была удовлетворить ее, такъ какъ эта жизнь—идеалъ супружескихъ отношеній, гдѣ мужъ и жена живутъ душа въ душу, но и она не вполнѣ удовлетворяетъ Ольгу, несмотря на то, что мысль ея постоянно заня-

та пріобрѣтаніемъ знаній и внимательно слѣдитъ за разнообразной практической дѣятельностью мужа, его коммерческими, заводскими и всякаго рода другими предпріятіями.

Натура изящно женственная, она вмѣстѣ съ тѣмъ одарена мужскимъ умомъ и мужскимъ стремленіемъ къ дѣлу, работѣ, борьбѣ. Спокойная, тихая, счастливая жизнь пугаетъ ее, какъ призракъ обломовщины, какъ болотная тина, грозящая затянуть и поглотить человѣка. Всего менѣе могла бы выйти изъ нея самодовольная мать, женщина-насѣдка, жена-хозяйка. Это понялъ и оцѣнилъ въ ней Штольцъ. ,,Вдали ему улыбался новый образъ, не эгоистки Ольги, не страстно любящей жены, не матери-няньки, увядающей потомъ въ безцвѣтной, никому не нужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое. .. Ему грезилась мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнья". Въ жизни ея, когда на горизонтѣ семейнаго счастья, казалось, не было одного облака, которое могло-бы предвѣщать что-либо печальное, все чаще и чаще наступаютъ какія-то задумчивыя остановки" — смущеніе, въ головѣ родятся неясные, но тяжелые вопросы: ,,Куда же итти? Куда? Дальше нѣтъ дороги! Ужели нѣтъ? Ужели тутъ все... все..." невольно вырвалось у Ольги, но сдѣлать какой-нибудь выводъ она не рѣшалась, чего-то не договаривала: ,,Все тянетъ меня куда-то еще",—говоритъ она, въ концѣ концовъ, своему мужу: ,,я дѣлаюсь ничѣмъ недовольна". Штольцъ не вполнѣ понялъ свою жену и душевное состояніе ея объяснилъ, какъ отголосокъ общечеловѣческаго недуга, одна капля котораго попала на Ольгу; это по его словамъ ,,грусть души вопрошающей жизнь о ея тайнѣ. Передъ нею же необходимо покорно преклонилъ голову, запастись терпѣніемъ, твердостью и итти неустанно своимъ путемъ".

— Что же дѣлать? падать и тосковать?—спросила она.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ: — вооружиться твердостью и спокойствіемъ. Мы не титаны съ тобой—продолжалъ онъ, обнимая ее: — мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, и счастье и...

— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?—спрашивала она.

— Что-жъ? примемъ ее, какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, когда нѣтъ опоры. А у насъ...

Очевидно, что Штольцу не удалось наполнить всей бездны души Ольги, и она не успокоилась на одномъ пониманіи дѣйствительности и знакомства со всякими науками. Штольцъ, хоть и погружалъ жену въ науку, и въ свои коммерческія и заводскія дѣла, упустилъ однако изъ виду, что все, что занимало его самого, онъ могъ лично приложить къ дѣлу, а она оставалась только съ однимъ знаніемъ да пониманіемъ, безъ всякой практической, самостоятельной дѣятельности. Томленіе же Ольги есть безсознательный призывъ живой, энергичной, гуманной натуры къ болѣе широкой жизни, къ труду не ради одной наживы. Въ ней нѣтъ ничего буржуазнаго. „Чѣмъ счастье ея полнѣе, тѣмъ она становится задумчивѣе и даже ... боязливѣе. Она стала строго замѣчать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, ея остановки, на минутахъ счастья". — Не трудно угадать, что когда-нибудь, въ одну изъ такихъ „остановокъ жизни", глаза Ольги откроются, и она вдругъ пойметъ, что ея мужъ, въ сущности далеко не соотвѣтствуетъ ея идеалу. У такихъ людей, какъ Штольцъ, оборотная, пошлая сторона души маскируется ихъ „дѣятельностью", подвижностью, предпріимчивостью, суетой и шумомъ; зато тѣмъ ярче можетъ выступить она — на досугѣ, въ тѣ счастливые минуты „тишины" и „остановокъ жизни... И кажется, Ольга потому и боится этихъ минутъ, что смутно предчувствуетъ разочарованіе, которое онѣ принесутъ ей. Ольга любитъ не слѣпо а сознательно. Къ ней не приложима поговорка: „не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ". — Признавъ разъ въ избранномъ человѣкѣ постоянство и право на себя, она вѣрила въ него и потому любила, а переставала вѣрить — переставала и любить, какъ случилось съ Обломовымъ". Такъ и Штольца полюбила она „не слѣпо, а съ сознаніемъ" и „чѣмъ сознательнѣе" она вѣровала въ него, тѣмъ

труднѣе было ему держаться на одной высотѣ, быть героемъ не ума ея и сердца только, но и воображенія. И, конечно, онъ не удержится на высотѣ". Онъ могъ бы, пожалуй, остатся ,,героемъ ея воображенія" въ глухое, обломовское время, на безлюдіи; но времена перемѣнились, — явилась возможность нѣкоторой общественной работы, борьба манила, новый идеалъ дѣятеля уже складывался въ сознаніи лучшихъ людей, и эти лучшіе люди уже выступали на арену, разоблачая не значительность ,,дѣятельности" и буржуазно-либеральную идеологію Штольца. И Ольга ,,готовилась, ждала..." ,,Она росла все выше и выше". Предугадывая ея дальнѣйшую жизнь, мы скажемъ, что она, раньше или позже, разочаруется въ Штольцѣ, убѣдится въ ничтожности его ,,дѣятельности" и въ недостаточности его ,,программы". И куда бы судьба ни забросила ее, въ какомъ бы забытомъ уголкѣ ни пришлось ей жить, — она повсюду сохранитъ на всю жизнь завѣты своей молодости, ясность ума, свѣжесть чувства и живую отзывчивость на всѣ вопросы и злобы дня.

Въ противоположность Штольцу, въ Ольгѣ нѣтъ ничего искусственнаго, апріорнаго. Это живое лицо, прямо взято изъ жизни. Въ художественномъ отношеніи, въ поэтическомъ обобщеніи — оно явилось психологическимъ типомъ, объединяющимъ лучшія стороны образованной женщины, сильной умомъ, волею и внутреннею свободою,—женщины, имѣющей всѣ данныя, чтобы явить собою идеалъ любезнаго общественнаго дѣятеля.

ЗАХАРЪ.

Захаръ, главный камердинеръ Обломова — представитель крѣпостныхъ дворовыхъ людей, слугъ-домочадцевъ, напоминающій намъ образъ слуги по ,,Домострою". Онъ представляетъ собою неотъемлемую собственность своихъ господъ, какъ и всякое другое движимое имущество, подобные типы могли сложиться на почвѣ крѣпостного права, когда за честность и преданность они дѣлались какъ бы членами семьи. Сначала обыкновенно такіе слуги бывали дядьками молодого поколѣнья, а когда приглашались преподаватели иностранцы или ре-

бенка отдавали учиться на сторону, становились камердинерами и находились при своихъ воспитанникахъ неотлучно. Въ лицѣ Захара изображенъ типъ крѣпостного слуги, который легко переноситъ ярмо своего рабства, такъ какъ онъ прожилъ всю жизнь въ патріархальной семьѣ своихъ господъ, гдѣ, очевидно, омерзительныя стороны крѣпостничества не проявлялись рѣзко, гдѣ возможны были добрыя, задушевныя отношенія между господами и крестьянами. Онъ обрисованъ чертами, взятыми изъ самой жизни; по нимъ легко можно узнать нашу незатѣйливую помѣщичью жизнь. Захаръ относится къ своему господину съ какимъ-то благоговѣніемъ и преданностью, что, по его мнѣнію, не составляетъ особеннаго достоинства, а есть самое обыкновенное явленіе, его доля и прямая обязанность.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что онъ уже не былъ прямымъ потомкомъ тѣхъ русскихъ рыцарей лакейской безъ страха и упрека, исполненныхъ преданностью къ господамъ до самозабвенія, которые отличались всѣми добродѣтелями и не имѣли никакихъ пороковъ. Онъ принадлежалъ двумъ эпохамъ и обѣ положили на него свою печать. Отъ одной перешла къ нему, по наслѣдству безграничная преданность къ дому Обломовыхъ, а отъ другой, позднѣйшей, утонченность и развращеніе нравовъ. Страстно преданный барину, онъ однако, рѣдкій день, въ чемъ-нибудь не солжетъ ему. Слуга стараго времени, удерживалъ, бывало, барина отъ расточительности и невоздержанія, а Захаръ самъ любитъ выпить съ пріятелями на барскій счетъ; прежній слуга отличался чистотою своихъ нравовъ, а этотъ все бѣгалъ къ кумѣ подозрительнаго свойства. Тотъ крѣпче всякаго сундука сбережетъ барскія деньги, а Захаръ наровитъ усчитать у барина при какой-нибудь издержкѣ, гривенникъ, и непремѣнно присвоить себѣ лежащую на столѣ мѣдную монету, а сдачи не даетъ, если баринъ забудетъ потребовать.

Кромѣ того Захаръ и сплетникъ. Въ кухнѣ, въ лавочкѣ, на сходахъ у воротъ, онъ каждый день жалуется, что житья нѣтъ, что этакого дурного барина еще и не слыхано: и капризенъ-то онъ, и скупъ, и сердитъ, и что не угодишь ему ни въ чемъ. Это Захаръ дѣлаетъ не изъ злости и не изъ желанія

повредить барину, а такъ, по привычкѣ, доставшейся ему по наслѣдству отъ дѣда и отца — обругать барина при всякомъ удобномъ случаѣ. Захаръ неопрятенъ. Онъ брѣется рѣдко и хоть моетъ руки и лицо, но, кажется, больше дѣлаетъ видъ, что моетъ; да ихъ никакимъ мыломъ не отмоешь, до того впилась въ нихъ грязь. Онъ очень неловокъ: станетъ ли отворять ворота или двери, отворяетъ одну половинку, другая затворяется, побѣжитъ къ той, эта затворяется. Если онъ несетъ черезъ комнату кучу посуды, или другихъ вещей, то съ перваго же шага верхнія вещи начинаютъ падать на полъ. Сначала полетитъ одна; онъ сдѣлаетъ позднее движеніе, чтобы помѣшать ей упасть, и уронитъ еще двѣ. Онъ глядитъ, разиня ротъ, отъ удивленія на падающія вещи, а не на тѣ, которыя остаются въ рукахъ, и оттого держитъ подносъ косо, а вещи продолжаютъ падать, — и такъ, иногда онъ принесетъ на другой конецъ комнаты одну рюмку или тарелку, а иногда съ бранью и проклятьями, броситъ самъ и послѣднее, что осталось въ рукахъ.

Проходя по комнатѣ, онъ задѣнетъ то ногой, то бокомъ, за столъ, за стулъ, не всегда попадетъ прямо въ отворенную половину двери, а ударится плечемъ о другую, и обругаетъ при этомъ обѣ половины, или хозяина дома, или плотника, который ихъ дѣлалъ. Неудивительно поэтому, что въ кабинетѣ Обломова переломаны или перебиты почти всѣ вещи, особенно мелкія, требующія осторожнаго обращенія съ ними. Все это происходило, конечно, оттого, что онъ получилъ воспитаніе и пріобрѣлъ манеры не въ темнотѣ и полумракѣ роскошныхъ кабинетовъ и будуаровъ, гдѣ Богъ знаетъ чего не наставлено, а въ деревнѣ, на просторѣ и вольномъ воздухѣ. Тамъ онъ привыкъ служить не стѣсняя своихъ движеній ничѣмъ около массивныхъ вещей.

Захаръ начерталъ себѣ разъ навсегда опредѣленный кругъ дѣятельности, за который добровольно никогда не преступалъ. Онъ утромъ ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги и то только платье, которое баринъ спрашивалъ. Потомъ онъ мелъ — не всякій день однако-жъ — середину комнаты, не добираясь до угловъ, и обтиралъ пыль только съ того стола, на которомъ ничего не стояло, чтобы не снимать вещей. Затѣмъ онъ счи-

талъ себя въ правѣ дремать на лежанкѣ, или болтать съ Анисьей въ кухнѣ и съ дворней у воротъ, ни о чемъ не заботясь. Если ему приказывали сдѣлать что-нибудь сверхъ того, онъ исполнялъ приказаніе не охотно, послѣ споровъ и убѣжденій въ безполезности приказанія, или невозможности исполнить его.

Несмотря на все то, т. е. что Захаръ любилъ выпить, посплетничать, бралъ у Обломова пятаки, ломалъ и билъ разныя вещи и лѣнился, все-таки выходило, что онъ глубоко преданный своему барину слуга. Онъ не задумался бы сгорѣть или утонуть за него, не считая это подвигомъ, достойнымъ удивленія или какихъ-нибудь наградъ. Теорій у него на этотъ предметъ не было никакихъ. Ему никогда не приходило въ голову подвергнуть анализу свои чувства и отношенія къ Ильѣ Ильичу; онъ не самъ выдумалъ ихъ; они перешли отъ отца, дѣда, братьевъ, дворни, среди которой онъ родился и воспитался, и обратились въ плоть и кровь. Но зато, если бы понадобилось, напримѣръ, просидѣть всю ночь подлѣ постели барина, не смыкая глазъ, и отъ этого бы зависѣло здоровье, или даже жизнь барина, Захаръ непремѣнно бы заснулъ.

Наружно онъ не высказывалъ не только подобострастія къ барину, но даже былъ грубоватъ, фамильяренъ въ обхожденіи съ нимъ, сердился на него, не шутя, за всякую мелочь, и даже, какъ сказано, злословилъ о немъ у воротъ; но все-таки этимъ только на время заслонялось, а отнюдь не умалялось кровное, родственное чувство преданности его, не къ Ильѣ Ильичу собственно, а ко всему, что носитъ имя Обломова, что близко, мило, дорого ему. Малѣйшаго повода было довольно, чтобы вызвать сознаніе превосходства натуры Обломова надъ своей и заставить его смотрѣть съ благоговѣніемъ на барина, иногда даже удариться, отъ умиленія въ слезы. Боже сохрани, чтобъ онъ поставилъ другого какого-нибудь барина, не только выше, но на равнѣ со своимъ, Захаръ на всѣхъ другихъ господъ и гостей, приходившихъ къ Обломову, смотрѣлъ нѣсколько свысока и служилъ имъ, подавалъ чай и проч., съ какимъ-то снисхожденіемъ, какъ будто давалъ имъ чувствовать честь, которою они пользуются, находясь у его барина. Если нужно было постращать дворника, управ-

ляющаго домомъ, даже самого хозяина, онъ стращалъ всегда бариномъ. ,,Вотъ постой, я скажу барину, — будетъ ужо тебѣ!" Сильнѣе авторитета онъ и не подозрѣвалъ на свѣтѣ. Но наружныя сношенія Обломова съ Захаромъ были всегда какъ то враждебны. Они, живя вдвоемъ, надоѣли другъ другу. Короткое, ежедневное сближеніе человѣка съ человѣкомъ не обходится ни тому, ни другому даромъ: много надо и съ той и съ другой стороны, жизненнаго опыта, логики, сердечной теплоты, чтобы, наслаждаясь только достоинствами, не колоть и не колоться взаимными недостатками.

До женитьбы Захара на кухаркѣ Анисьѣ, каждый изъ нихъ занимался своею частью и не входилъ въ чужую, т. е. Анисья знала рынокъ и кухню и участвовала въ убиранiи комнатъ только разъ въ году, когда мыла полы. Но послѣ свадьбы доступъ въ барскiе покои ей сдѣлался свободнѣе. Она помогала Захару и въ комнатахъ сдѣлалось чище. Лишь только они съ Анисьей принялись хозяйничать въ барскихъ комнатахъ вмѣстѣ, Захаръ, что ни сдѣлаетъ, окажется глупостью. Каждый шагъ его все не то, и не такъ. Сначала онъ не понималъ хорошенько въ чемъ дѣло, но затѣмъ стало ясно, что Анисья умнѣе его. Гордость его страдала и онъ мрачно обращался съ женой. Когда же, однако, случалось, что Илья Ильичъ спрашивалъ какую-нибудь вещь, а вещи не оказывалось, или она оказывалась разбитою, и вообще, когда случался безпорядокъ въ домѣ и надъ головой Захара собиралась гроза, сопровождаемая ,,жалкими словами", Захаръ мигалъ Анисьѣ, кивалъ головой на кабинетъ барина и, указывая туда большимъ пальцемъ, повелительнымъ шопотомъ говорилъ: ,,Поди ты къ барину: что ему тамъ нужно?"

Несмотря на наружную угрюмость и дикость, Захаръ былъ довольно мягкаго сердца. Онъ любилъ даже проводить время съ ребятишками. На дворѣ, у воротъ, его часто видѣли съ кучей дѣтей. Онъ ихъ миритъ, дразнитъ, устраиваетъ игры, или просто сидитъ съ ними, взявъ одного на одно колѣно, другого на другое, а сзади его обовьетъ еще какой-нибудь шалунъ руками, или треплетъ его въ бакенбарды.

Въ типѣ Захара сразу бросаются въ глаза непривлекательныя черты слуги позднѣйшаго времени. Его уже коснулась

городская жизнь, но только своими привлекательными сторонами. Онъ напоминаетъ собою одного изъ тѣхъ дворовыхъ, которые послѣ освобожденія крестьянъ, начали служить за деньги. Свобода, къ которой они часто не были подготовлены, часто развивала въ нихъ дурныя черты, пока въ ихъ среду не проникло смягчающее и облагораживающее вліяніе новой, свободной отъ цѣпей крѣпостничества, эпохи.

Михаилъ Андреевичъ Тарантьевъ.

Тарантьевъ — землякъ Обломова. Бѣглый взглядъ на этого человѣка рождалъ представленіе о чемъ-то грубомъ и неопрятномъ.

Одѣвался онъ довольно грязно, рѣдко брился. Но ему, повидимому, было все равно: онъ не смущался своей одежды и носилъее съ какимъ-то циническимъ достоинствомъ. Тарантьевъ смотрѣлъ на все угрюмо, полупрезрительно, съ явнымъ недружелюбіемъ ко всему окружающему, готовый бранить все и всѣхъ на свѣтѣ, какъ-будто обиженный несправедливостью, или непризнанный въ какомъ-то достоинствѣ. Движенія его были смѣлы и размашисты; говорилъ онъ громко, бойко и почти всегда сердито. Онъ никогда не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ и въ карманъ за словомъ не ходилъ и вообще постоянно грубъ въ обращеніи со всѣми, неисключая и пріятелей, какъ-будто давалъ чувствовать, что, заговаривая, съ человѣкомъ, даже обирая его или ужиная у него, онъ дѣлаетъ ему большую честь.

Тарантьевъ былъ человѣкъ ума бойкаго и хитраго; никто лучше его не разсудитъ какого-нибудь общаго житейскаго вопроса, или юридическаго запутаннаго дѣла, онъ сейчасъ построитъ теорію дѣйствій въ томъ или другомъ случаѣ и очень тонко подведетъ доказательства. Между тѣмъ, самъ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, опредѣлился въ какую-то канцелярію писцомъ, такъ въ этой должности и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Ни ему самому и никому другому не приходило въ голову, чтобы онъ пошелъ выше. Дѣло въ томъ, что Тарантьевъ мастеръ былъ только говорить; на словахъ онъ рѣшалъ все ясно и легко, особенно, что касалось другихъ; но какъ только нужно было двинуть пальцемъ, тронуться съ

мѣста — словомъ, примѣнить созданную теорію къ дѣлу и дать ему практичный ходъ, тутъ его не хватало—ему вдругъ и тяжело дѣлалось и нездоровилось, то неловко, то другое дѣло случится, за которое онъ тоже примется, а если примется, такъ не дай Богъ, что выйдетъ. Точно ребенокъ: тамъ не доглядитъ, тутъ не знаетъ какихъ-нибудь пустяковъ, тамъ опоздалъ, и кончилъ тѣмъ, что бросилъ дѣло на половинѣ, или примется за него съ конца и такъ все изгадитъ, что и поправить никакъ нельзя, да еще онъ же потомъ и браниться станетъ. Тарантьевъ остался только теоретикомъ на всю жизнь, а между тѣмъ онъ носилъ и сознавалъ въ себѣ дремлющую силу, запертую въ немъ враждебными обстоятельствами навсегда, безъ надежды на проявленіе. Можетъ быть отъ этого сознанія безполезной силы въ себѣ, Тарантьевъ былъ грубъ въ обращеніи, недоброжелателенъ, постоянно сердитъ и бранчивъ.

Онъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на свои настоящія занятія: на переписаніе бумагъ, на подшиваніе дѣлъ и т. п. Ему вдали улыбалась только одна послѣдняя надежда: перейти служить по военнымъ откупамъ. На этой дорогѣ онъ видѣлъ единственную выгодную замѣну поприща, завѣщаннаго отцомъ и недостигнутаго. А въ ожиданіи этого, готовая и созданная его отцомъ теорія дѣятельности и жизни, теорія взятокъ и лукавства, миновавъ главное и достойное ея поприще въ провинціи, примѣнилась ко всѣмъ мелочамъ его ничтожнаго существованія въ Петербургѣ, вкралась во всѣ его пріятельскія отношенія за недостаткомъ официальныхъ. Онъ былъ взяточникъ въ душѣ, по теоріи, ухитрялся брать взятки, за неимѣніемъ дѣлъ и просителей, съ сослуживцевъ, съ пріятелей, Богъ знаетъ какъ и за что — заставлялъ, гдѣ и кого только могъ, то хитростью, то назойливостью, угощать себя, требовалъ отъ всѣхъ незаслуженнаго уваженія, былъ придирчивъ.

Однако когда его назойливость и попрошайство встрѣчаютъ твердое противодѣйствіе, онъ теряется. Такъ, ненавидя всей душою Штольца, онъ не упускалъ случая его ругнуть, но зато выставить въ лучшемъ свѣтѣ своего пріятеля, Мухоярова. „Это, братъ, — говорилъ онъ Обломову — золотой че-

ловѣкъ, не чета какому-нибудь выскочкѣ-нѣмцу. Коренной, русскій служака, тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидитъ, всѣмъ присутствіемъ вертитъ, и деньжонка есть, а извощика не наймётъ; фракъ не лучше моего. Самъ тише воды, ниже травы, говоритъ, чуть слышно, по чужимъ краямъ не шляется, какъ твой этотъ"...

А когда Обломовъ велитъ ему молчать и не критиковать Штольца, онъ обижается и собирается уходить, но вдругъ замѣчаетъ шляпу Обломова, лежащую на этажеркѣ:

— Ты не носишь шляпу, вонъ у тебя фуражка, — сказалъ онъ, взявъ шляпу Обломова и примѣряя ее:—дай-ка, братъ на лѣто.

Обломовъ, молча, снялъ съ его головы шляпу и поставилъ на прежнее мѣсто, потомъ скрестилъ на груди руки и ждалъ, что-бъ Тарантьевъ ушелъ.

— Ну, чертъ съ тобой — говорилъ Тарантьевъ, неловко пролѣзая въ дверь.—Ты, братъ, нынче, что-то... того...

Иванъ Матвѣевичъ Мухояровъ.

Иванъ Матвѣевичъ Мухояровъ служилъ въ одномъ изъ департаментовъ, но помимо службы занимался различными дѣлишками. Такъ, напримѣръ, въ компаніи съ Тарантьевымъ и какимъ-то Затертымъ, онъ предварительно напоилъ Обломова, взялъ съ него заемное письмо, а самъ съ своей стороны взялъ заемное письмо отъ сестры на ту же сумму, такъ какъ обломовское письмо было написано на ее имя.

— „Да, кумъ, пока не перевелись слухи на Руси, что подписываютъ бумаги, не читая, нашему брату можно жить," — повѣствуетъ онъ Тарантьеву, по случаю составленія контракта съ Обломовымъ на наемъ помѣщенія у его сестры. — „А то пропадай, плохо стало. Послышишь отъ стариковъ, такъ не то. Въ двадцать пять лѣтъ службы какой я капиталъ составилъ. Можно прожить на Выборгской сторонѣ, не показывая носа на свѣтъ Божій: кусокъ будетъ хорошій, не жалуюсь, хлѣба не переѣшь. А что-бъ тамъ квартиры на Литейной, ковры, да жениться на богатой, дѣтей въ знать выводить — прошло времячко. И рожа-то слышь, не такая и пальцы, вишь, красны, зачѣмъ водку пьешь... А какъ ее не пить-то. Попробуй, хуже лакея, говорятъ: нынче и лакей этакихъ сапогъ не но-

ситъ и рубашку каждый день мѣняетъ. Воспитаніе не такое, все молокососы перебили: ломаются, читаютъ, да говорятъ по-французски."

Однимъ словомъ онъ смотритъ на службу, какъ на широкое поле для приложенія своихъ способностей ко взяточничеству и крючкотворству. Мухояровъ въ союзѣ, съ Тараньевымъ устроилъ Затертаго въ имѣніи Обломова въ качествѣ управляющаго и, благодаря такой комбинаціи, воспользовался большею частью доходовъ съ имѣнія. Когда же объ этомъ дѣлѣ узналъ Штольцъ и горячо принялся за освобожденіе своего друга изъ сѣтей мошенниковъ, это было истиннымъ громовымъ ударомъ для Ивана Матвѣевича. Онъ не задумался впутать въ дѣло и Тарантьева.

Однако, этотъ жуликоватый человѣкъ не окончательно потерялъ совѣсть и, когда Тарантьевъ предлагаетъ воспользоваться заемнымъ письмомъ сестры и отобрать у нея послѣдній домишко, Мухояровъ говоритъ: „Что съ нея взять. Домъ, что ли, съ огородишкомъ. И тысячу не дадутъ: онъ весь разваливается. Да что я, нехристь, что-ли какой. По міру ее пустить съ ребятишками".

Общественное и художественное значеніе романа „Обломовъ".

Поэзія всегда и вездѣ украшаетъ окружающую поэта дѣйствительность. У всякой культурной націи существуютъ свои идеалы, задачи, къ осуществленію которыхъ она стремится, свои страданія, несчастія, неудачи, которыя перетерпѣваетъ нація на протяженіи своей исторической жизни. Поэтъ прислушивается къ біенію жизни родной страны, и въ образахъ и картинахъ выражаетъ то, что часто, быть можетъ, еще не ясно волнуетъ сердца и умы его согражданъ.

Въ окружающей насъ жизни нѣтъ застоя, все движется и идетъ впередъ, каждый новый моментъ есть моментъ рожденія и смерти.

Старое умираетъ, нарождается новое; такъ и въ жизни народа. Мы не можемъ указать въ жизни нашей страны тако-

го момента, когда бы русскій народъ не стремился къ осуществленію какихъ-нибудь идеаловъ, культурныхъ задачъ и назначеній. На основаніи раньше сказаннаго трудно понять, какова была роль поэзіи въ этомъ наступательномъ движеніи русскаго народа. Поэзія всегда шла въ авангардъ этого движенія. Она чутко прислушивалась ко всему тому, что волновало русскій народъ, и ясно и точно формулировала его порывы и стремленія и сплошь и рядомъ указывала ему пути къ осуществленію ихъ.

Вотъ гдѣ скрывается загадка того уваженія и любви, съ которой мы относились къ нашей родной поэзіи. Если же поэтъ не отражаетъ жизни своего народа, если онъ находится подъ вліяніемъ чуждыхъ народу идей, то все, или почти все, значеніе его поэзіи теряется.

Такова поэзія Державина, Ломоносова, Хераскова, отчасти Жуковскаго, да и самъ Пушкинъ не былъ бы, великимъ національнымъ поэтомъ, если бы не освободился отъ вліянія Байрона и оставилъ бы послѣ себя только произведенія въ родѣ: ,,Кавказкій плѣнникъ", ,,Бахчисарайскій фонтанъ", ,,Цыгане"

Если все раньше сказанное вѣрно, если поэзія дѣйствительно украшаетъ окружающую ее жизнь, то это примѣнимо, конечно, и къ такому выдающемуся художнику, какимъ былъ Гончаровъ и въ частности къ его лучшему произведенію — ,,Обломовъ".

Этотъ романъ представляетъ изъ себя глубокую картину деревенской помѣщичьей жизни въ провинціальной глуши первой половины прошлаго столѣтія. Какъ живые стоятъ передъ нами обыватели Обломовки. Гончаровъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ соединять въ одно цѣлое разнообразные черты характера людей своего времени, или, проще сказать, отлично представлять дѣйствительность. Въ Ильѣ Ильичѣ соединены черты русскихъ помѣщиковъ того времени: слабость дѣятельной воли, аппатичность, склонность къ созерцательной жизни, лѣность на ряду съ добродушіемъ, сердечностью, напряженностью, правдивостью. И всѣ эти черты замѣчательно гармонично воплощены въ одномъ человѣкѣ; Илья Ильичъ живой человѣкъ, въ его словахъ, поступ-

кахъ, мысляхъ и мечтахъ нѣтъ противорѣчій, такъ какъ типъ этотъ замѣчательно выдержанъ и всегда вѣренъ самому себѣ. Гончаровъ проявилъ здѣсь рѣдкое знаніе души человѣческой. Когда мы внимательно читаемъ этотъ романъ, когда принимаемъ во вниманіе воспитаніе Обломова, вліяніе на него обломовцевъ, черты характера, унаслѣдованныя имъ отъ предковъ, разлагающее вліяніе крѣпостного права, то мы обязательно приходимъ къ заключенію, что такой типъ существовалъ и долженъ былъ существовать въ то время въ Россіи, такъ какъ подобныя условія могутъ и должны создавать только людей, подобныхъ Ильѣ Ильичу.

Гончаровъ воплотилъ въ своемъ героѣ столько чертъ, свойственныхъ русскому помѣщику того времени, которыя явились и широко раскинулись какъ слѣдствіе крѣпостного уклада русской жизни, что не удивительно, что слова „Обломовъ", „Обломовщина" сдѣлались нарицательными именами, и долго еще, вѣроятно, не выйдутъ изъ нашего лексикона...

Мы говорили уже, что значеніе романа велико, такъ какъ Гончаровъ, будучи великимъ художникомъ, правдиво, обстоятельно и типично изобразилъ намъ жизнь русской деревни, но есть еще одна черта въ способѣ изображенія Гончаровымъ дѣйствительности, которая особенно подкупаетъ въ его пользу, заставляетъ насъ вѣрить ему — это его объективность, его эпически-спокойный, ровный тонъ повѣствованія. Когда поэтъ негодуетъ, когда подобно Лермонтову, онъ бросалъ въ глаза обществу „желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью", то въ душу нашу невольно закрадывается подозрѣніе дѣйствительно ли общество, къ которому обращается поэтъ, было таково, какимъ онъ его изображаетъ, не являются ли причиной его негодованія чисто личныя побужденія и неудачи. Но когда авторъ на всемъ протяженіи своего произведенія такъ объективенъ и спокоенъ, какъ Гончаровъ, когда онъ повѣствуетъ „добру и злу внимая равнодушно", то, очевидно, что не вѣрить ему мы не имѣемъ никакого основанія. Всѣ перечисленныя художественныя достоинства романа даютъ намъ право утверждать, что романъ является правдивой, полной и всесторонней картиной русской жизни, изображаемой имъ эпохи. Мы не можемъ изображать здѣсь этой жизни, такъ какъ

для этого пришлось бы передавать все содержаніе романа; мы только постараемся сказать еще нѣсколько словъ объ общественномъ значеніи романа, основываясь на содержаніи романа, какъ достовѣрномъ матеріалѣ.

Обломовъ, не смотря на то, что былъ матеріально обезпеченъ, не лишенъ ума, извѣстнаго образованія, физически здоровъ, чувствовалъ себя очень плохо: жизнь проходила мимо него и превращалась для него въ медленное угасаніе, когда онъ укладывался „постепенно въ простой и широкій гробъ... сдѣланный собственными руками". Но ни добрыя желанія сдѣлать что-нибуъь въ пользу общую, ни любовь Ольги, ни увѣщеванія Штольца, не могли заставить его покинуть свой халатъ и разстаться съ диваномъ, на которомъ онъ проводилъ свою жизнь въ безотрадныхъ мечтаніяхъ. Какая же злая судьба повисла надъ этимъ, по существу, добрымъ человѣкомъ, сдѣлала его никому не нужнымъ членомъ общества, живущимъ въ тягость себѣ и другимъ? Причиной этому было крѣпостное право. Илья Ильичъ уже въ дѣтствѣ привыкалъ къ мысли, что трудъ есть наказаніе Божіе, и зачѣмъ ему было трудиться, когда онъ являлся обладателемъ „Захара и еще трехсотъ Захаровъ", которые должны на него и для него работать. „Началось съ неумѣнья надѣвать чулки, а кончилось неумѣньемъ жить", по выраженію Штольца. Поскольку жизнь человѣка можетъ быть разумна и содержательна, если она наполнена разумнымъ и содержательнымъ трудомъ, постольку жизнь человѣка, который не умѣетъ и не можетъ трудиться и не понимаетъ значенія и цѣнности труда, не можетъ быть разумной и содержательной. Такимъ образомъ литература въ лицѣ Гончарова показала всю пагубность крѣпостного права для дворянства. Очевидно, что крѣпостное право было страшнымъ зломъ не только для крестьянъ, но было пагубно и для дворянства. Русская поэзія въ лицѣ Тургенева, Григоровича, Гончарова ясно показала все зло крѣпостного уклада въ русской жизни и тѣмъ сослужила родинѣ великую и незабвенную службу.

„Фрегатъ Паллада".

Общія замѣчанія.

Выпустивъ въ свѣтъ свое первое крупное произведеніе, Гончаровъ, какъ уже было упомянуто въ біографіи, принялся немедленно за второе произведеніе, т. е. за романъ, подъ названіемъ „Обломовъ". Обдумывая и вынашивая въ душѣ это новое свое дѣтище, Гончаровъ, однако не оставлялъ завѣтной мечты побывать въ чужихъ краяхъ и приглядѣться къ жизни различныхъ племенъ и народовъ.

Быть можетъ, въ этомъ страстномъ желаніи не послѣднюю роль сыграли воспоминанія о старикѣ Якубовѣ и его нескончаемые разсказы о морскихъ путешествіяхъ и приключеніяхъ. Съ мыслью о путешествіи въ далекіе края Гончаровъ, слѣдовательно, освоился еще въ дѣтствѣ; потомъ мысль эта окрѣпла и развилась подъ вліяніемъ прочитанныхъ описаній приключеній знаменитыхъ путешественниковъ. На время только эта мысль и желаніе были заглушены посѣщеніемъ университета и первыми служебными шагами, но какъ только къ совершенію давно завѣтнаго намѣренія представилась нѣкоторая возможность, Гончаровъ вспомнилъ о томъ и весь встрепенулся.

Гончарову предложили отправиться въ дальнее плаваніе на кораблѣ, носившемъ названіе „Фрегатъ Паллада" въ качествѣ офиціальнаго секретаря при адмиралѣ Путятинѣ, которому поручено было посѣтить берега отдаленной и мало извѣстной тогда еще европейцамъ Японіи и заключить съ послѣдней торговый договоръ, а также выяснить дипломатическимъ путемъ положеніе русской и японской границы на островѣ Сахалинѣ. Гончарову вмѣнено было въ обязанность высыланіе въ Петербургъ офиціальныхъ рапортовъ.

Работы, повидимому, предстояло много, но у Гончарова, помимо того, все же оставалось достаточно свободнаго времени, чтобы наблюдать все происходившее вокругъ него и заносить свои непосредственныя наблюденія въ записную книжку, а потомъ, на основаніи собраннаго матеріала составлять интересныя во многихъ отношеніяхъ описанія уже не

официальнымъ, холоднымъ языкомъ, а съ художественной обработкой, съ тонкимъ и мѣткимъ остроуміемъ, въ которомъ на каждомъ шагу сквозитъ трезвый умъ образованнаго человѣка.

Описанія путешествій, подобныя ,,Фрегату Палладѣ" встрѣчались въ русской литературѣ уже и раньше. Такъ, напримѣръ, еще въ концѣ XVIII вѣка вышли знаменитыя ,,Письма русскаго путешественника" Карамзина а въ половинѣ XIX в., незадолго до появленія ,,Фрегата Паллады", ,,Письма объ Испаніи" Боткина, ,,Путевыя письма изъ Италіи" Ковалевскаго и нѣкоторыя другія; но всѣ они въ художественномъ отношеніи стоятъ значительно ниже произведенія Гончарова, а самое главное, — въ нихъ нѣтъ той пластичности, той яркости красокъ, что у послѣдняго; у Гончарова во всѣхъ описаніяхъ чувствуется русская душа; онъ какъ будто наблюдаетъ посторонній, незнакомый міръ, съ русскаго уголка земли, чѣмъ, собственно говоря, и былъ фрегатъ, находился ли онъ на водахъ Нѣмецкаго моря, или Индѣйскаго океана, или стоялъ на рейдѣ какого-нибудь японскаго порта. Гончаровъ, во все время путешествія, остается русскимъ человѣкомъ, смотритъ и оцѣниваетъ явленія иностранной жизни, климата и природы съ токчи зрѣнія, ствойственной русскому человѣку, даже сравниваетъ ихъ съ явленіями изъ русской жизни, но и этого мало: наблюдая внѣшній чужой міръ, Гончаровъ не упускаетъ изъ виду и того, что дѣлается вокругъ него на русскомъ уголкѣ земли т. е. на фрегатѣ. Передъ его глазами развертывается полная интереса картина жизни русскаго моряка, начиная съ адмирала и капитана фрегата и кончая послѣднимъ матросомъ. Гончаровъ постепенно создаетъ предъ читателемъ цѣлый рядъ типовъ, русскихъ моряковъ, рисуетъ ихъ міровоззрѣніе, привычки, взаимныя отношенія, взгляды на иностранцевъ и т. п. Словомъ, и въ этомъ отношеніи книга Гончарова явилась своего рода новинкой и при томъ интересной и поучительной.

Безъ преувеличенія можемъ сказать, что ,,Фрегатъ Паллада" и по содержанію и по изложенію является однимъ изъ лучшихъ произведеній русской описательной литературы; оно доступно въ одинаковой мѣрѣ и взрослымъ людямъ

и дѣтямъ; оно занимательно и поучительно для всѣхъ и съ то
ченіемъ времени несомнѣнно найдетъ доступъ въ народъ и бу
детъ читаться въ его средѣ съ такимъ же увлеченіемъ, как
теперь читается въ гостиныхъ и классныхъ комнатахъ. Ху
дожественность, естественность и недюжинный умъ навсе
гда останутся притягивающими элементами въ этомъ произ
веденіи. Въ самомъ дѣлѣ, умному и образованному русском
человѣку дореформеннаго строя Россіи чуть ли не впервы
пришлось повидать безъ малаго весь свѣтъ и всюду, на раз
личныхъ меридіанахъ и параллеляхъ примѣнить точк
зрѣнія, выработанную русской жизнью и полунаціональным
полузаграничнымъ образованіемъ и воспитаніемъ.

Весь секретъ притягательности очерковъ путешестві
Гончарова и состоитъ въ томъ, что въ каждой ихъ строчкѣ ви
дна душа автора, а она, оставаясь чисто-русской, получила
благодаря тогдашней системѣ воспитанія и образованія, нѣ
которую шлифовку, но не на подобіе того, какъ это случи
лось въ баснѣ Крылова „Червонецъ"; лучшія качества ду
ши Гончарова не стерлись, благодаря западному воспитанію
и особенно образованію, напротивъ, — получили особенную
яркость и выразительность. Спокойный, ровный тонъ „Фре
гата Паллады" выдержанъ до самого конца. Гончаровъ вполн
безпристрастно передаетъ свои наблюденія и впечатлѣнія
и это и будетъ составлять объективизмъ очерковъ, но въ т
же время авторъ разсказываетъ только о томъ, что может
интересовать и занимать его умъ и душу, съ чисто-русским
направленіемъ, и разсказываетъ именно такъ, какъ переда
валъ бы это всякій русскій, примѣняя ко всему свою рус
скую точку зрѣнія.

Содержаніе „Фрегата Паллады".

Очерки путешествія, вышедшіе въ свѣтъ подъ указан
нымъ названіемъ, состоятъ изъ двухъ томовъ, къ коимъ, спуст
двадцать лѣтъ, авторъ добавилъ еще статью, вышедшую, из

печати уже отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Черезъ двадцать лѣтъ". Статья эта представляетъ рядъ воспоминаній, написанныхъ, какъ показываетъ уже ея само названіе, значительно позже путешествія; она является какъ бы лирическимъ добавленіемъ, заключеніемъ, созданнымъ уже совершенно при другихъ условіяхъ.

Въ первой главѣ очерковъ, озаглавленной: „Отъ Кронштадта до мыса Лизанъ", авторъ описываетъ свое отплытіе изъ Петербурга, прощаніе съ родиной, новыя знакомства съ моряками, первыя впечатлѣнія морской жизни, передаетъ цѣлый рядъ своихъ размышленій по поводу различныхъ предметовъ и явленій, набрасываетъ легкіе силуэты моряковъ, но все это онъ дѣлаетъ вскользь и не систематично: очевидно, новая среда, условія жизни, обиліе впечатлѣній, смѣняющихся совершенно неожиданно и съ чрезвычайною быстротой, — дѣлали въ первое время Гончарова безпомощнымъ; онъ до нѣкоторой степени растерялся, не могъ справиться съ обильнымъ матеріаломъ, несмотря на всю свою флегматичность, выдержку и умѣніе приспособляться ко всякимъ условіямъ жизни и неожиданностямъ. Самъ авторъ въ этой же главѣ признается въ своей первоначальной растерянности и безпомощности. Правда, это состояніе у Гончарова продолжалось очень короткое время; къ прибытію къ берегамъ Англіи, т. е. спустя приблизительно полтора мѣсяца, Гончаровъ уже совершенно успѣлъ освоиться съ новыми условіями жизни и войти, какъ свой человѣкъ, въ тѣсную и дружную семью моряковъ; онъ уже успѣлъ привыкнуть къ морской жизни.

Гончаровъ разсказываетъ, какъ онъ было сперва пришелъ въ ужасъ, что подъ каютъ-компаніей, гдѣ приходилось обѣдать и проводить значительную часть дня, находился пороховой погребъ съ восьмьюстами пудовъ взрывчатаго вещества. Вскорѣ, однако, онъ отлично привыкъ къ этой мысли и преспокойно засыпалъ на диванѣ въ каютъ-компаніи, а уже въ Англіи, когда временно пришлось сдавать запасы пороха на храненіе, а потомъ принимать обратно, — Гончаровъ уже сердился и ропталъ, что изъ предосторожности всѣ огни на брегатѣ потушены и никому не позволяютъ курить. Безпеч-

ность и неосторожность, свойственная вообще каждому ру
скому человѣку, очевидно, не была чужда и Гончарову.

Послѣ вступленія, слѣдуетъ цѣлый рядъ писемъ, пом
ченныхъ различными датами. Первое письмо помѣчено 20 но
бря (2 декабря) 1852 года, послѣднее написано уже изъ Брита
скаго канала въ январѣ слѣдующаго, 1853 года.

Въ нихъ тоже незамѣтно большой систематичности изл
женія; авторъ разсказываетъ о самыхъ разнообразныхъ предм
тахъ, но самыми характерными мѣстами этихъ писемъ являю
ся замѣтки объ англичанахъ и англичанкахъ, описаніе Лонд
на, гдѣ Гончарову случилось быть свидѣтелемъ похорон
знаменитаго Веллингтона; далѣе, обращаетъ на себя вниман
полное мелкихъ наблюденій описаніе житья на англійском
суднѣ Кемпероунѣ, описаніе вечера наканунѣ Рождества Хр
стова и, наконецъ, параллельная характеристика англичани
и русскаго. Вся первая глава заканчивается описаніемъ в
хода фрегата въ открытое море. ,,Сегодня, 11-го января, утр
ясное, море стихаетъ. Виденъ Эддистенскій маякъ и гладкі
безотрадный утесъ Лизанъ. Прощайте, прощайте! Мы у п
рога въ океанъ. Когда услышите вой вѣтра съ запада, помн
те, что это только слабое эхо того зефира, который треплет
насъ, а задуетъ съ востока, отъ васъ, пошлите мнѣ поклон
дойдетъ. Но уже присталъ къ борту боттъ, на который сталк
ваютъ лоцмана. Спѣшу запечатать письмо. Еще послѣдн
прости! Увидимся ли? Въ путешествіи или ,,походѣ", ка
называютъ мои товарищи, пока еще самое лучшее для меня
надежда воротиться".

Вторая глава перваго тома очерковъ озаглавлена авт
ромъ слѣдующимъ образомъ: ,,Атлантическій океанъ и остро
Мадера". Въ первомъ письмѣ Гончаровъ описываетъ случи
шееся въ промежутокъ времени отъ 6-го до 18-го января, т.
это письмо является дополненіемъ къ концу первой глав
и продолженіемъ ея. Все письмо состоитъ преимуществен
изъ описаній морской жизни фрегата во время плаванія. Вн
маніе читателя привлекаетъ особенно то мѣсто письма, г
Гончаровъ описываетъ впервые сильный морской шквал
и свои впечатлѣнія отъ него. Развертываются также въ дал
нѣйшемъ типы моряковъ: вѣстового — Ѳаддеева и ,,дѣда

Первая половина главы имѣетъ нѣсколько грустный характеръ; она наполнена сѣтованіями автора на непогоду, холодъ, сожалѣніями, что онъ отправился путешествовать, желаніемъ вернуться поскорѣе на родину.

Но начиная съ письма, помѣченнаго 18-го января, характеръ рѣзко мѣняется. Гончаровъ начинаетъ это второе письмо такъ:

„Какъ прекрасна жизнь, между прочимъ, и потому, что человѣкъ можетъ путешествовать! Cogito ergo sum — путешествую, слѣдовательно наслаждаюсь, перевелъ я на этотъ разъ знаменитое изрѣченіе, поднимаясь въ носилкахъ по горѣ и упиваясь необыкновеннымъ воздухомъ, не зная, на что смотрѣть: на виноградники, на виллы, или на синее небо, или на океанъ. Мнѣ казалось, что я съ этого утра только и началъ путешествовать, что судьба нарочно послала намъ розныя, скучныя и тяжелыя испытанія, крѣпкій, семь дней свирѣпствовавшій холодный вѣтеръ и сѣрое небо, чтобы живое тронуть мягкостью воздуха, теплымъ блескомъ солнца, нѣжнымъ колоритомъ красокъ и всей этой гармоніей волшебнаго острова, которая связываетъ здѣсь небо съ моремъ, море съ землей — и все вмѣстѣ съ душой человѣка“.

Вся вторая половина главы почти исключительно посвящена описанію острова Мадеры, но напрасно читатель сталъ искать въ ней различныхъ данныхъ: объ управленіи города, числѣ жителей, о количествѣ выдѣлываемаго вина, о торговлѣ и т.п. Ничего этого нѣтъ, а есть непосредственная передача того, что Гончаровъ видѣлъ и испытывалъ на островѣ подходя къ нему на лодкѣ въ теченіе 10 или 12 часовъ. Вся эта вторая половина состоитъ изъ нескончаемаго ряда быстро мѣняющихся картинъ, подобно тому, какъ онѣ смѣнялись предъ глазами Гончарова, когда онъ поднимался на гору или спускался съ нея, смотрѣлъ на островъ на близкомъ разстояніи или издали.

Вторая глава заканчивается краткимъ описаніемъ отплытія фрегата отъ береговъ Мадеры.

Третья глава озаглавлена: „Плаваніе въ Атлантическихъ тропикахъ“; она начинается письмомъ, отправленнымъ къ Г. Бенедиктову, Въ письмѣ этомъ Гончаровъ, со свойственной ему художественностью и наблюдательностью продолжаетъ описывать картинки морской жизни и мелькающіе ландшафты.

Съ особенной мѣткостью онъ описываетъ нордъ-остовы
пассажъ, говоря, что по-русски этотъ вѣтеръ слѣдовало бы н
звать ,,вѣчнымъ вѣтромъ", такъ какъ онъ ,,отъ вѣка дуе
одинаково, поднимая умѣренную зыбь, которая не мѣшае
ни читать, ни писать, ни думать, ни мечтать".

Картинки изъ чужеземной природы чередуются съ воспо
минаніями о родинѣ, такъ что и въ этомъ письмѣ на ряду с
описаніями Атлантическаго океана встрѣчаются сравнен
съ Петербургомъ, Финскимъ заливомъ и описаніями родно
края, написанныя уже прямо по памяти. Между этими оп
саніями особеннаго вліянія заслуживаетъ тропическая зим
тропическая ночь, купанье въ морѣ, передача впечатлѣні
произведеннаго штилевою полосой и тщательнымъ изображ
ніемъ образа жизни на фрегатѣ.

Письмо и вся глава заканчивается непосредственны
обращеніемъ къ В. Г. Бенедиктову.

,,Берите же, любезный другъ, свою лиру, свою палитр
свой роскошный, какъ эти небеса, языкъ, языкъ боговъ, к
торымъ только и можно говорить о здѣшней природѣ и сп
шите сюда, — а я винюсь въ своемъ безсиліи и умолкаю!"

Между тѣмъ, фрегатъ ,,Паллада" неуклонно стремил
впередъ и прибылъ къ мысу Доброй Надежды. Четвертая гл
ва и озаглавлена поэтому авторомъ: ,,На мысѣ Доброй Н
дежды".

Первое письмо этой главы помѣчено еще въ Атлантич
скомъ океанѣ и описываетъ промежутокъ времени меж
10 марта и 12 апрѣлемъ 1853 года. Очевидно, эта глава схв
тываетъ около цѣлаго мѣсяца плаванія и отличается разн
образіемъ содержанія. Передъ читателемъ дѣйствитель
то лица и характеры англійскихъ и голландскихъ колонистов
то малайцевъ, готтентотовъ и негровъ; описанія эти перем
тены съ изображеніемъ видовъ Столовой горы, Львиной гор
Чертова пика и т. п. Въ этой обширной главѣ Гончаровъ д
етъ подробное описаніе Капштадта и даже всей Капской к
лоніи, куда онъ вмѣстѣ съ офицерами и проводниками ѣзди
осматривать страну и жителей. Гончаровъ даетъ даже цѣл
историческій очеркъ Капской колоніи и войнъ съ кафра
европейцевъ. Встрѣчаются даже и цифровыя данныя. Авто

выражаетъ свое изумленіе по поводу успѣховъ европейской культуры среди дикаго населенія, удивляется трудоспособности и энергіи англичанъ и голландцевъ. Свои предположенія Гончаровъ подтверждаетъ фактами и цифрами. Онъ разсматриваетъ политику англійскаго правительства относительно Капской колоніи, оцѣниваетъ ее по заслугамъ, но находитъ много и отрицательныхъ сторонъ. Въ первый разъ образованному и умному русскому человѣку пришлось стать очевидцемъ чужихъ порядковъ, наблюдая ихъ непосредственно на мѣстѣ дѣйствія, и онъ сразу, благодаря своему трезвому уму, понялъ, что хорошо и что плохо въ этихъ порядкахъ и открыто высказалъ свое мнѣніе.

Интересное мѣсто въ этой главѣ представляетъ описаніе англійской тюрьмы, которую Гончарову удалось посѣтить. Въ ней находилась полная коллекція племенъ, населявшихъ колонію, не исключая англичанъ и голландцевъ. Смотритель тюрьмы любезно показывалъ русскимъ посѣтителямъ свое заведеніе и давалъ надлежащія объясненія. День былъ праздничный, потому всѣ преступники были въ сборѣ, въ обыкновенное же время, они находятся на различныхъ общественныхъ работахъ: чинятъ мосты, проводятъ дороги и т. п. Особенно поразили Гончарова въ этой тюрьмѣ образцовый порядокъ и чистота.

Послѣ продолжительнаго сравнительно путешествія по Капской колоніи Гончаровъ со своими спутниками возвратился къ Саймонстоуну, гдѣ на рейдѣ стоялъ уже совсѣмъ готовый къ отплытію фрегатъ. На слѣдующій день фрегатъ поднялъ якорь и вышелъ въ открытое море.

Пятая глава начинается описаніемъ впечатлѣнія при вступленіи въ Индійскій океанъ; она тѣсно примыкаетъ къ предыдущей, являясь продолженіемъ прерваннаго долгимъ пребываніемъ въ Капскихъ водахъ путешествія Гончарова. Индійскій океанъ встрѣтилъ фрегатъ жестокимъ штормомъ. т. е. какъ разъ такой, какой. Моряки убѣдили Гончарова подняться на палубу и полюбоваться на настоящую морскую бурю съ грозой и молніей.

Гончаровъ послушался и поднялся, но буря произвела на него самое отрицательное впечатлѣніе, и онъ съ трудомъ

сошелъ внизъ весь мокрый, повторяя сердито: „Безобразіе, безпорядокъ!" Штормъ, однако, скоро прошелъ, море успокоилось и началось дальнѣйшее плаваніе по океану, во время котораго русскимъ морякамъ пришлось встрѣтить праздникъ воскресенія Христова въ открытомъ океанѣ.

Первою стоянкой фрегата въ водахъ Индійскаго океана былъ Анжерскій рейдъ, откуда уже близко было и въ Батавію; незадолго до прибытія на эту стоянку, Гончарову пришлось быть свидѣтелемъ грознаго морского явленія, извѣстнаго подъ названіемъ смерча. Вотъ какъ описываетъ онъ это явленіе:

„Однажды я, въ изнеможеніи, сѣлъ въ капитанской каютѣ на диванъ и нечаянно заснулъ. Слышу крикъ, просыпаюсь — свѣтло. Спрашиваю, который часъ: шестой, говорятъ. — „Зарядить пушку ядромъ!" кричитъ вахтенный. Что это, кого тамъ? подумалъ я. Въ это время пришли съ вахты сказать, что виденъ пароходъ, не пароходъ, а Богъ знаетъ что. Я бросился наверхъ, вскочилъ на пушку, смотрю: близко, въ полуверстѣ, мчится на насъ — въ самомъ дѣлѣ „Богъ знаетъ что": черный, крутящійся столпъ съ дымомъ, похожій, пожалуй, и на пароходъ; но съ неба, изъ облака, тянется къ нему какая-то темная, узкая полоса будто рукавъ; все ближе, ближе. — „Готова ли пушка?" закричалъ вахтенный. — „Готова!" отвѣчали снизу. Но явленіе начало блѣднѣть, разлагаться, и вскорѣ, саженяхъ въ ста пятидесяти отъ насъ, пропало безъ всякаго слѣда. Извѣстно, что смерчи или водяные столпы разбиваются ядрами съ кораблей, иначе они, налетѣвъ на судно, могутъ сломать рангоутъ, или изорвать паруса. Отъ ядра они разлетаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ. Мы еще видѣли послѣ раза два такія явленія, но они близко не подходили къ намъ".

Тридцатидневное плаваніе по Индійскому океану закончилось, какъ уже было сказано, остановкой на Анжерскомъ рейдѣ острова Явы, но на другой же день фрегатъ снялся съ якоря и пустился въ дальнѣйшее плаваніе къ берегамъ Сингапура.

Шестая глава озаглавлена авторомъ коротко: „Сингапуръ". Въ ней описывается промежутокъ времени между 2 мая и 2 іюня, т. е. съ момента прибытія на рейдъ Сингапура до момета отплытія.

Глава начинается выраженіемъ восторженнаго удивленія по поводу пребыванія на водахъ экватора. „Гдѣ я, о, гдѣ я, друзья мои —говоритъ Гончаровъ,—куда бросила меня судьба отъ нашихъ бере

и елей, отъ снѣговъ и льдовъ, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта? Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца, на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощаднаго — знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ ржи, видитъ плантаціи сахара и риса; вѣчно-зеленая сосна смѣнилась неизмѣнно зеленымъ бананомъ, кокосомъ; клюква и мерешка уступили мѣсто ананасамъ и мангу. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пряныхъ кореньевъ, слоновъ, тигровъ, змѣй, въ странѣ бритыхъ и бородатыхъ людей, изъ которыхъ одни не вѣдаютъ шапокъ, другіе носятъ кучу ткани на головѣ...”

Изъ другихъ мѣстъ этой главы особенно привлекаетъ вниманіе читателя чудное описаніе экваторіальной ночи, затѣмъ описанія и сравненія, индійца, китайца и малайца и легкія характеристики англійскихъ и американскихъ колонистовъ. Вслѣдъ за этимъ Гончаровъ даетъ довольно подробное изображеніе того, что довелось ему видѣть во время прогулки по Сингапуру и путешествія по его окрестностямъ. Особенно живы описанія трехъ кварталовъ города: европейскаго, китайскаго и малайскаго: прекрасны картинки куренія китайцами опіума а также видъ кумирни послѣдователей религіи Будды.

Въ этой же главѣ Гончаровъ разсматриваетъ значеніе Сингапура, сравниваетъ его съ древней Венеціей и высказываетъ нѣсколько глубокихъ взглядовъ о будущности Сингапура, которые впослѣдствіи и оправдались. Сравнивая Сингапуръ съ Венеціей, Гончаровъ дѣлаетъ харатеристику средневѣковой республики и проводитъ характерную черту различія между роскошью и комфортомъ. По мнѣнію автора Венеціанская республика удовлетворила потребностямъ первой т. е. роскоши, а совершенный Сингапуръ потребностямъ втораго, т. е. комфорта.

Въ слѣдующей, седьмой главѣ Гончаровъ описываетъ островъ Гонконгъ. Сперва авторъ описываетъ общій видъ и панораму острова, рейдъ и городъ, который носитъ названіе Викторія. Описанію города: его кварталовъ, европейскаго и китайскаго, Гончаровъ посвящаетъ довольно много мѣста; особенно привлекъ въ городѣ вниманіе автора европейскій клубъ, который, по его мнѣнію, образцовый дворецъ въ своемъ родѣ. Въ общемъ, глава эта сравнительно бѣдна описаніями

въ концѣ Гончаровъ описываетъ посѣщеніе фрегата христіанскими миссіонерами-католиками съ епископомъ во главѣ. Кончаетъ Гончаровъ главу описаніемъ торговаго заведенія съ верфью Джердина и Матисона и англійскаго форта съ грозно торчащими пушками.

Послѣднее письмо перваго тома озаглавлено слѣдующимъ образомъ: „Островъ Бонинъ-Сима". Въ ней описывается переѣздъ фрегата изъ водъ Индійскаго океана въ Тихій и сопровождавшій его страшный штормъ, какого еще не бывало отъ мыса Доброй Надежды. Главное мѣсто въ этой главѣ занимаетъ изображеніе внутренней жизни фрегата. Описанію самого острова отведено мало мѣста, только подъ конецъ главы Гончаровъ даетъ интересное изображеніе пикника русскихъ моряковъ на берегу далекаго острова подъ листьями кокосовыхъ пальмъ!

На рейдѣ острова Бонинъ-Сима фрегатъ простоялъ до 4-го августа, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Наконецъ, въ этотъ день тронулись въ дальнѣйшее плаваніе. Гончаровъ слѣдующими грустными словами кончаетъ послѣднюю главу перваго тома:

„4-го августа. Тихій вѣтеръ, ходу шесть узловъ. Жарко въ природѣ, холодно въ душѣ; кругомъ все море, да море..."

Второй томъ очерковъ состоитъ изъ IX главъ. Въ первой изображается переходъ отъ острова Бонинъ-Сима до береговъ Японіи. т. е. до стоянки на рейдѣ въ Нагасаки. Гончаровъ замѣчаетъ, что путь этотъ, составляющій 850 морскихъ миль, — не путешествіе, а прогулка; — онъ былъ совершенъ фрегатомъ въ 8 дней, и наконецъ 10-го августа фрегатъ Паллада остановился на внѣшнемъ рейдѣ Нагасаки. Вся первая эта глава носитъ названіе: „Русскіе въ Японіи", и, дѣйствительно, въ ней изображается исключительно только пребываніе въ этой странѣ, которое продолжалось приблизительно цѣлыхъ три мѣсяца. За это время Гончарову удалось много видѣть и подмѣтить въ Японіи, хоть дальше Нагасакскаго рейда и самаго города японцы иностранныхъ гостей не пустили.

Сперва Гончаровъ даетъ общую панораму города и бухты, потомъ переходитъ къ частностямъ, описываетъ первые визиты японцевъ на фрегатѣ и впечатлѣніе, произведенное

ими, затѣмъ длинные и скучные переговоры съ японскими властями по поводу прибытія фрегата, доставки провизіи, мѣста стоянки и другихъ формальностей. Гончаровъ, со свойственной ему наблюдательностью, описываетъ наружность японскихъ чиновниковъ, переводчиковъ и гребцовъ, ихъ костюмъ, физіономію, манеру говорить, кланяться, ѣсть, пить и др. Автору удавалось даже подмѣтить индивидуальныя черточки того или другого японскаго посѣтителя: до того онъ уже изощрилъ свою наблюдательность. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ онъ, одинъ изъ многочисленныхъ визитовъ японскихъ чиновниковъ:

„9-го октября, послѣ обѣда, сказали, что ѣдутъ гокейнсы... Гокейнсовъ повели въ капитанскую каюту. Я былъ тамъ.—„А! Ойе Собраски! Кичиве!" встрѣтилъ я ихъ, весело подавая руки; но они, молча, едва отвѣчая на поклонъ, брали руку. Что это значитъ? Они, такіе ласковые и учтивые, а Собраски: онъ шутникъ и хохотунъ, а тутъ... Да что это у всѣхъ такая торжественная мина; никто не улыбается? „Боленъ, что ли Собраски?" спросилъ я. Нѣтъ... Что-жъ онъ такой скучный, да и всѣ? Отвѣта не было. Только Кичиве постоянно показывалъ верхніе зубы и суетился, по обыкновенію: то побѣжитъ впередъ баніосовъ, то воротится и крякнетъ, и нехотя, улыбается. И Эйноске тутъ. У этого черты лица правильныя, взглядъ смѣлый, не то, что у тѣхъ. Изъ разговоровъ, изъ обнаруживаемой по-временамъ зависти, съ какою глядятъ на насъ и на все европейское Эйноске, Своза, Нарабайоси II-ой видно, что они чувствуютъ и сознаютъ свое положеніе, грустятъ и представляютъ нѣмую, покорную оппозицію, это jeunne japon".

Гончаровъ, очевидно, за добрыхъ пятьдесятъ лѣтъ до неожиданнаго сюрприза Европѣ со стороны Японіи сумѣлъ прочитать на безстрастныхъ лицахъ ея обитателей черты нѣкотораго недовольства своею современной жизнью и стремленіе къ европейской культурѣ, что впослѣдствіи, какъ извѣстно, разрослось въ Японіи до степени двухъ враждующихъ партій, на которыя подѣлилось населеніе страны: на партію сторонниковъ европейской культуры и всевозможныхъ и безотлагательныхъ реформъ и на партію консервативную, желающую, во чтобы то ни стало, сохранить старыя формы жизни и видящую весь корень зла въ знакомствѣ съ европейцами. Верхъ въ этой борьбѣ взяла первая. Время и историческія событія блистательно доказали японцамъ, кто изъ нихъ былъ правъ.

Интереснымъ мѣстомъ въ этой первой главѣ является также и описаніе пріема русскимъ адмираломъ на фрегатѣ японскаго губернатора, а также пріема, оказаннаго послѣднимъ въ своемъ домѣ русскимъ гостямъ.

Глава заканчивается описаніемъ отплытія фрегата изъ Нагасакской бухты. Вотъ оно:

„Часа въ три мы снялись съ якоря, пробывъ ровно три мѣсяца въ Нагасаки: 10-го августа пришли и 11-го ноября ушли. Я легъ было спать, но топотъ людей, укладка якорной цѣпи, разбудили меня. Я вышелъ въ ту минуту, когда мы выходили на первый рейдъ, къ Ковальскимъ, такъ называемымъ, воротамъ. Недавно я еще катался тутъ. Вонъ и бухта, которую мы осматривали, вонъ Паппенбергъ, всѣ знакомыя рытвины и ложбины на дальнихъ высокихъ горахъ, вотъ Каменосима, Ивосима, вонъ, налѣво, синѣетъ мысъ Немо, а вотъ и просторъ, безпредѣльность моря".

Вторая глава носитъ названіе: „Шанхай". Въ ней описывается въ краткихъ словахъ переходъ изъ Нагасаки къ островамъ Saddle Islands, лежащимъ въ сорока миляхъ отъ устья рѣки Янсекіяна, откуда уже не далеко до Шанхая. Въ устьѣ рѣки въ то время китайскія власти не позволяли еще входить европейскимъ кораблямъ, хоть европейцевъ уже и пускали внутрь страны. Побывать въ Шанхаѣ Гончарову пришлось не сразу послѣ остановки фрегата: надо было соблюдать значительныя предосторожности, такъ какъ въ Китаѣ происходилъ мятежъ и войска инсургентовъ держали въ осадѣ Шанхай. Однако, поѣздка на купеческой шкунѣ въ этотъ городъ обошлась вполнѣ благополучно. Войдя въ устьѣ Янсекіяна, Гончаровъ все время наблюдалъ панораму береговъ, замѣчая, что чѣмъ ближе становилось къ городу, тѣмъ оживленнѣе становилась рѣка. Ее безпрестанно бороздили китайскія разноцвѣтныя лодки съ парусами и безъ нихъ. Наконецъ, прибыли и въ самый Шанхай, остановились въ пристани и съѣхали на берегъ.

Гончарову прежде всего бросились въ глаза китайскія и европейскія суда, стоявшія на якорѣ. Какъ и вездѣ, его привлекала больше всего внѣшность города и жителей, какъ строятся дома, какой они имѣютъ видъ, какъ одѣваются, хо-

дятъ, разговариваютъ, ѣдятъ китайцы; изъ этой области ничто не ускользало отъ его вниманія. Прибывъ въ Шанхай, Гончаровъ обратилъ вниманіе на зданія европейскихъ консульствъ, на таможню, улицы, базары, харчевни, магазины съ европейскими и китайскими товарами, на мѣстныя святыни, даже видѣлъ мелькомъ лагерь инсургентовъ подъ городомъ и окрестныя поля и нивы. Описанія эти перемежаются съ чисто-бытовыми картинками, какъ, напримѣръ, образцомъ того, какъ обращаются англичане съ китайцами, какъ послѣдніе совершаютъ погребальные обряды. По дорогѣ, между прочимъ, авторъ высказываетъ свои соображенія о торговомъ значеніи Шанхая и роли англичанъ. Въ безпрерывныхъ прогулкахъ по Шанхаю русскіе моряки и Гончаровъ провели время до 15-го декабря, когда имъ быстро и неожиданно пришлось возвращаться на фрегатъ. Обратнаго путешествія по Янсекіяну Гончаровъ не описываетъ. Заканчивается глава описаніемъ отвѣтнаго обѣда у адмирала для японцевъ и моментомъ покиданія фрегатомъ Нагасакской бухты, который наступилъ 24 января 1854 года.

Четвертая глава носитъ названіе „Ликейскіе острова.“ Она начинается описаніемъ порта Нана-Кіянъ, гдѣ фрегатъ 31 января сталъ на якорѣ. Гончаровъ и тутъ, по своему обыкновенію, изображаетъ только то, что видитъ лично. Онъ даетъ описаніе общей панорамы Ликейскихъ острововъ, говоритъ слегка и о жителяхъ, причемъ впадаетъ нѣсколько въ лирическій тонъ, описываетъ художественно столицу Чуди и путешествіе въ нее, но, главнымъ образомъ, останавливается на воспроизведеніи пейзажевъ мѣстности. Есть въ этой главѣ и коротенькій историческо-географическій очеркъ и нѣсколько постороннихъ замѣчаній. „Но, — кончаетъ Гончаровъ главу — довольно Ликейскихъ острововъ и о Ликейскихъ островахъ, довольно и для меня и для васъ! Если захотите узнать подробнѣе долготу, широту мѣста, пространство, число острововъ, не полѣнитесь сами взглянуть на карту, а о нравахъ жителей, объ обычаяхъ, о произведеніяхъ, объ исторіи — прочтите у Бичи, у Бельчера. Помните условіе: я пишу только письма къ вамъ о томъ, что вижу самъ и что переживаю изо дня въ день“.

Пятая глава, носящая заглавіе „Манилла", начинается описаніемъ того, какъ 9 февраля, рано утромъ, фрегатъ покинулъ Нанакіянскій рейдъ Ликейскихъ острововъ и направился по направленію къ острову Маниллѣ, одному изъ числа Филиппинскихъ острововъ, куда и прибылъ 16-го числа того же мѣсяца. Эта глава замѣчательна многими интересными описаніями. Манилльскій заливъ, маленькіе островки, разбросанные по немъ, самъ рейдъ, — все было предметомъ вниманія для Гончарова. Далѣе слѣдуютъ описанія самаго города, его предмѣстья, улицъ, лавокъ, отелей, крѣпости и всего, что попадалось автору на глаза. Жители Маниллы: тагалы, китайцы, метисы, испанцы не ускользнули отъ вниманія Гончарова, равно какъ солдаты туземные, миссіонеры и пр. Окрестности города Маниллы, плантаціи различныхъ техническихъ растеній, а главное табаку, особенно привлекли вниманіе Гончарова; онъ даже посѣтилъ обширную сигарную фабрику, гдѣ работали туземцы, посѣтилъ и канатную фабрику, производящую канаты и веревки не изъ пеньки, какъ это обыкновенно бываетъ, а изъ волоконъ особой породы деревьевъ. Авторъ даже даетъ краткое описаніе производства этого продукта и указываетъ главное мѣсто сбыта. Особенный интересъ въ главѣ представляетъ то мѣсто, гдѣ авторъ описываетъ испанскихъ и французскихъ миссіонеровъ-проповѣдниковъ и богомольцевъ, соборъ христіанскій и монастырь. Въ высшей степени интересно описываетъ авторъ пѣтушиные бои, очень распространенные на Маниллѣ. Кончается глава географическими, историческими и статистическими замѣтками объ островѣ Маниллѣ и вообще о Филиппинахъ.

Слѣдующая, VI по счету, глава представляетъ длинный и трудный переходъ фрегата отъ береговъ Маниллы къ берегамъ Сибири. Это уже возвращеніе въ родной край, хоть и расположенный за десять слишкомъ тысячъ верстъ отъ мѣста, откуда началось плаваніе. Изъ Маниллы фрегатъ вышелъ 27 февраля и по дорогѣ случилось съ нимъ несчастье. Отъ сильнаго напора вѣтра треснула въ немъ мачта, и итти далѣе на сѣверъ, гдѣ господствуютъ еще болѣе сильные вѣтры, стало невозможно. Фрегатъ долженъ былъ зайти въ бухту неболь-

шого острова Батанъ, откуда, однако, вскорѣ вышелъ въ открытое море. Въ значительное время этого перехода, автора очерковъ одолѣвала хандра, къ чему присоединились еще утомленіе отъ продолжительнаго путешествія, вслѣдствіе чего испортилось настроеніе, и это, конечно, не могло не отразиться на письмахъ. У Гончарова, естественно, усиливалось желаніе воротиться поскорѣе домой, къ знакомымъ мѣстамъ и людямъ. Предметовъ для наблюденія Гончарова путешествіе по прежнему представляло много, но все, что мелькало у него передъ глазами, уже почти перестало его интересовать: онъ утомился наблюдать и записывать, переваривать впечатлѣнія и давать ихъ читателямъ въ видѣ художественныхъ описаній и картинъ. Къ тому же и погода въ значительной степени поддерживала хандру и утомленіе. Въ большую часть этого періода путешествія свирѣпствовали бураны, носились холодные туманы и тучи, шелъ мелкій и холодный дождь. Только около береговъ Кореи погода нѣсколько измѣнилась къ лучшему и къ Гончарову воротилось его обычное настроеніе духа. Тутъ онъ опять сталъ интересоваться внѣшнимъ міромъ: корейцами, ихъ нравами, обычаями и т. п. Авторъ сравниваетъ ихъ съ китайцами и японцами и приходитъ къ выводу, что эти три народа и малайцы принадлежатъ къ одному семейству народовъ, „если не по происхожденію, какъ увѣряютъ нѣкоторые, производя, напримѣръ японцевъ отъ кульрильцевъ, то по воспитанію, этому второму рожденію, по культурѣ, потомъ по нравамъ, обычаямъ, отчасти по языку, вѣрѣ, одеждѣ и такъ далѣе". Гончаровъ даетъ даже историческо-географическій очеркъ исторіи Кореи, но чаще и съ большимъ интересомъ возвращается Гончаровъ къ обществу моряковъ, описываетъ мелкія сцены изъ ихъ жизни. Тоска по родинѣ овладѣла Гончаровымъ все сильнѣе и сильнѣе. „Вчера, 17 мая — пишетъ Гончаровъ — какая встрѣча: обѣдаемъ, говорятъ шкуна какая-то видна. Велѣно поднять флагъ и выпалить изъ пушки. Она подняла нашъ флагъ. Браво! Шкуна „Востокъ" идетъ къ намъ съ вѣстями изъ Европы, съ письмами... Все ожило. Черезъ часъ мы читали газеты, знали все, что случилось въ Европѣ по мартъ. Пошли толки, разсужденія, ожиданія. Нашимъ судамъ велѣно идти къ русскимъ бе-

регамъ. Что-то будетъ? Скорѣе бы добраться; всего двѣсти пятьдесятъ миль осталось до мѣста, гдѣ предположено искать дальнѣйшихъ приказаній.

„Холодно, скучно, какъ у насъ на сѣверѣ, все сжимается, когда и человѣкъ уходитъ къ себѣ, надолго отказываясь отъ воспріимчивости внѣшнихъ впечатлѣній и дѣлается грустенъ поневолѣ. Но это передъ зимой, а тутъ и весной то же самое. Нѣтъ ничего, чтобы предвѣщало въ природѣ возобновленіе жизни, со всею ея прелестью... Пора, пора..." Гончаровъ не оканчиваетъ этого послѣдняго предложенія, но читателю и безъ того ясно, что онъ хотѣлъ сказать, какое настроеніе овладѣло душой автора при видѣ русскаго корабля, привезшаго вести съ далекой родины, подъ вліяніемъ чего и вырвалось изъ подъ пера его тоскливое: „Пора, пора..."

Начало седьмой главы, носящей заглавіе: „Обратный путь черезъ Сибирь", помѣчено уже августомъ мѣсяцемъ. Сперва Гончаровъ описываетъ плаваніе по Охотскому морю. Первая стоянка пришлась въ устьѣ рѣки Амура, въ виду его крутыхъ и зеленыхъ береговъ. Здѣсь Гончарову и нѣкоторымъ его спутникамъ предстояло пересѣсть съ фрегата на шкуну „Востокъ" и уже на этомъ суднѣ итти дальше до Аяна, перваго пристанища на берегахъ Сибири. Плаваніе было чрезвычайно опасно и медленно. Шкуна, то и дѣло, становилась на мели, образуемой наносными песками изъ рѣкъ. Все время свирѣпствовали въ Охотскомъ морѣ бураны; особенно опасенъ и затруднителенъ былъ проходъ между Азіей и берегами острова Сахалина по причинѣ мелководія и узости пролива; наконецъ, благополучно миновавъ всѣ опасности и затрудненія, прибыли въ Аянскій портъ. Гончаровъ не безъ удовольствія пишетъ:

„Отдай якорь!"—раздалось уже въ послѣдній разъ, и сердце замерло, и отъ радости, что ступаешь на твердую землю, чтобы уже съ нею не разставаться, и отъ сожалѣнія, что прощаешься съ моремъ, что-бъ къ нему не возвращаться болѣе.

Конецъ благополучному бѣгу,
Спускайте, други, паруса!

воскликнулъ бы я, отъ избытка радости, если бы, въ самомъ дѣлѣ, это былъ конецъ бѣгу. Но десять тысячъ верстъ остается до той

красной кровли, гдѣ будешь имѣть право сказать: „я дома!" Какая огромная Итака и каково нашимъ Улиссамъ добираться до своихъ Пенелопъ! Десять тысячъ верстъ: чего-чего на нихъ нѣтъ! Тутъ цѣлые океаны снѣговъ, болотъ, сухихъ пучинъ и стремнинъ, свои сорокоградусные тропики, вѣчная зелень сосенъ, дикари всѣхъ родовъ, звѣри, начиная отъ черныхъ и бѣлыхъ медвѣдей до клоповъ и блохъ включительно, снѣжные ураганы, вмѣсто качки—тряска, вмѣсто морской скуки—сухопутная, всѣ климаты и всѣ времена года, какъ и въ кругосвѣтномъ плаваніи... Проберешься ли цѣло и невредимо среди всѣхъ этихъ искушеній? Оттого мы задумчиво и нерѣшительно смотрѣли на берегъ и не торопились покидать гостепріимную шкуну".

Всѣ препятствія и неудобства долгаго пути чрезъ Сибирь Гончаровъ описываетъ съ свойственнымъ ему спокойствіемъ и наблюдательностью.

Послѣднее письмо, помѣщенное Гончаровымъ въ этой главѣ, написано 9-го сентября со станціи Иргалахской, гдѣ ему пришлось переночевать.

Восьмая глава названа: „Изъ Якутска". По характеру содержанія она представляетъ рядъ картинокъ изъ жизни сибирскихъ инородцевъ, русскихъ поселенцевъ и чиновниковъ. Встрѣчаются и описанія природы, но уже нѣсколько рѣже, чѣмъ въ первыхъ главахъ. Вниманіе читателя, между прочимъ, привлекаетъ описаніе Лены и переправы черезъ нее и общій видъ города Якутска; послѣднее довольно бѣдно яркими красками, какъ и самъ городъ въ дѣйствительности. Въ немъ не оказалось даже гостиницы. Бытовыхъ сценъ и картинъ зато множество. Гончаровъ описываетъ русскихъ православнымъ миссіонеровъ и ихъ пропагандистическую дѣятельность среди дикихъ инородцевъ, разсказываетъ о переводѣ св. Писанія на якутскій языкъ и о значеніи этого факта, далѣе описываетъ самыхъ инородцевъ: якутовъ, тунгузовъ, карагуловъ, чукчей и т. п. Авторъ, описывая эти времена, сравниваетъ ихъ между собой и приходитъ къ выводу, что якуты наиболѣе смышленный народъ изъ всѣхъ инородцевъ и наиболѣе способенъ усвоить себѣ европейскую культуру. Тутъ же онъ, между прочимъ, дѣлаетъ философскую замѣтку о пользѣ и вредѣ просвѣщенія среди дикихъ племенъ. Языкъ и стиль Гончарова въ этой главѣ пріобрѣтаютъ своеобразность: онъ употребляетъ много провинціализмовъ, желая поддѣлаться подъ

языкъ тамошнихъ жителей, что, повидимому, ему мѣста
и удается.

Оставилъ Гончаровъ Якутскъ 25 ноября при сильномъ м
розѣ. Описаніемъ выѣзда и прощаніемъ съ якутскими знаком
ми заканчивается эта глава.

Послѣдняя глава второго тома представляетъ собою н
что лихорадочное по содержанію и по тону изложенія. Очев
дно, Гончаровымъ овладѣвало все сильнѣе и сильнѣе нетерпѣ
добраться домой; съ другой стороны усиливался и мороз
который достигъ 40°. Вино, щи, словомъ, всю пищу, приход
лось везти въ видѣ кусковъ льда и отогрѣвать на станціях
Все это, разумѣется, не могло сдѣлать путешествіе пріятны
и развлекать автора. Онъ дѣлаетъ сравнительно уже кор
тенькія замѣчанія о видѣнномъ, отрывистыми предложеніям
какъ будто вскользь. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ:

„Къ Иркутску все живѣе; много попадается возовъ: се
большія, многолюдныя; станціонные дома чище. Крестьянск
избы очень хорошія, во многихъ мѣстахъ съ иголочки". Бол
ше въ этомъ описаніи ничего и нѣтъ; оно приведено здѣ
цѣликомъ, но и въ этомъ коротенькомъ описаніи видна нѣк
торая торопливость, краткость и отрывистость фразъ.

Путешествіе до Иркутска Гончаровъ совершилъ исключ
тельно на лошадяхъ, но всюду торопился и погонялъ ямщ
ковъ. Торопливость эта, помимо нетерпѣнія увидѣть поск
рѣе родныхъ и знакомыхъ, была вызвана еще и состояніем
здоровья Гончарова, которому сильные морозы причинял
много страданія.

Описаніе своего путешествія не доведено авторомъ до с
мого конца, т. е. до Петербурга, хоть путешествіе отъ Ирку
ска, перевалъ черезъ Уральскія горы, а затѣмъ дорога по Евр
пейской Россіи да еще въ то время, т. е. на лошадяхъ, пре
ставляло не мало интереснаго матеріала для наблюденія и впо
нѣ достойнаго пера Гончарова. Типы русскихъ дворян
помѣщиковъ почти ничѣмъ не отличались отъ Манилова, С
бакевича, Ноздрева, Плюшкина и т. п., а типы чиновников
остались тѣ же. Вѣдь путешествіе свое Гончаровъ совершал
еще до севастопольскаго разгрома, а новая струя свѣжа
и здороваго воздуха, какъ извѣстно, хлынула въ Россію имен

послѣ него. Можно смѣло предположить, что во многихъ провинціальныхъ городахъ, черезъ которые пришлось бы проѣзжать Гончарову, сидѣли городничіе въ родѣ Сквозникъ-Дмухановскаго, да и составъ прочаго чиновничества навѣрное очень близко подходилъ къ Гоголевскому изъ ,,Ревизора". Гончарову, вѣроятно, пришлось бы создать что-то среднее между ..,,Мертвыми душами" и ,,Ревизоромъ" съ одной стороны и ,,Записками охотника" Тургенева съ другой. Но Гончаровъ этого не сдѣлалъ; онъ оборвалъ свои записки, предоставивъ читателю судить о бытѣ и типахъ русскихъ помѣщиковъ, ихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ на основаніи своихъ другихъ произведеній, вышедшихъ въ свѣтъ уже значительно позже очерковъ, какъ напримѣръ ,,Обломовъ" и ,,Обрывъ". Конечно, винить автора очерковъ, а тѣмъ болѣе упрекать его за недоконченное описаніе путешествія, никто не имѣетъ права. Очерки хороши и богаты тѣмъ содержаніемъ, какое въ нихъ есть. Все оно въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ можетъ быть подѣлено на шесть рубрикъ, разумѣется, не одинаковаго размѣра. Къ первой рубрикѣ, не очень большой, относятся тѣ мѣста очерковъ, въ которыхъ Гончаровъ рисуетъ картины русской, а чаще всего чужой природы; описанія эти разбросаны положительно по всѣмъ главамъ и иногда состоятъ всего изъ нѣсколькихъ строчекъ, но они до такой степени художественны и пластичны, что природа рисуется въ нихъ, какъ живая, передъ глазами читателя. Какъ на образецъ описаній этого рода можно указать на слѣдующее:

,,Море... Здѣсь я въ первый разъ понялъ, что значитъ синее море", а до сихъ поръ я зналъ объ этомъ только отъ поэтовъ. Синій цвѣтъ тамъ, у насъ, на сѣверѣ — праздничный нарядъ моря. Тамъ есть у него другіе цвѣта, въ Балтійскомъ напримѣръ, желтый, въ другихъ моряхъ зеленый, такъ называемый эквамариновый. Вотъ, наконецъ, я вижу и синее море какого вы не видали никогда. Это не слегка, сверху окрашенная вода, а густая, яхонтовая масса, одинаково синяя на солнцѣ и въ тѣни. Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сіяніе красокъ на необозримомъ, окружающемъ насъ полѣ водъ" (т. I, глава III, письмо къ В. Г. Бенедиктову).

А вотъ описаніе моря, но уже во время шторма:

Вѣтеръ ревѣлъ: онъ срывалъ вершины волнъ и сѣялъ ихъ океану, какъ сквозь сито; надъ волнами стояли облака водяной п ли. Опять я провѣрилъ тутъ свое прежнее сравненіе и нашелъ вѣрнымъ: да, это толпа дикихъ звѣрей, терзающихъ въ ярости дру друга. Точно нѣсколько львовъ и тигровъ бросаются, вскакивая на дыбы, чтобы впиться одинъ въ другого, и мечутся кверху, а та вдругъ цѣлой толпой шарахнулись внизъ — только пыль столбо стоитъ поверхъ, и судно летитъ туда же за ними, въ бездну, но но сила толкаетъ его опять вверхъ и потомъ становитъ бокомъ. Во шлюпка затрещала на баканцахъ; двое, трое, въ томъ числѣ, кажет и я, быстро двинулись изъ того угла въ другой. Тутъ громадн валъ вдругъ ударилъ въ сѣтки, перескочилъ черезъ бортъ и разли по палубѣ, обливъ ноги матросамъ. Горизонтъ весь въ сѣрой пы Правильнаго волненія почти нѣтъ: вода бурлитъ, какъ кипятокъ; в ны потеряли очертанія“ (т. I, глава VIII).

Эти два различныхъ описанія моря лучше всего говоря о художественномъ талантѣ Гончарова, о его умѣніи наблюда и о характерѣ передачи своихъ впечатлѣній, а вотъ описа тропической ночи на морѣ и предшествующаго ей вече

„Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его: нельзя из рить этого необъятнаго смущенія, которому отдаешься съ трепет покорностью, какъ чувству любви. Гдѣ вы, гдѣ вы, В. Г.? Плыв скорѣе сюда и скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, котор какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, этотъ бле неба въ его фантастическомъ, неописанномъ уборѣ, эти цвѣта, ср которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или зол въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчн непрерывный пожаръ, безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоми ющей землю. Покой неба и моря — не мертвый и сонный покой: покой, какъ-будто удовлетворенной страсти, въ которомъ небо и м отдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любуются взаимно въ объять другъ друга. Солнце уходитъ, какъ осчастливленный любовни оставившій долгій, задумчивый слѣдъ счастья на любимомъ лицѣ.

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ, лежатъ м волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей — все облаковъ. Вотъ, смотрите, громада исполинской крѣпости руши медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится дру тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая ба и опять все тихо отливается въ формѣ горы, острововъ, съ лѣсами куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ таетъ и распадается, а на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то рабль и повисъ на воздушной почвѣ: изъ огромной колесницы сложился станъ исполинской женщины: плечи еще цѣлы, а бока

отпали, и вышла голова верблюда: на нее напираетъ и поглощаетъ все собою рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ.

Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво плывутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты, тонутъ въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобы слиться въ фантастической игрѣ...

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса! Посмотрите; фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ, прошло еще мгновеніе и сквозь нее проступаетъ темно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ: онъ, въ свою очередь, овладѣлъ небомъ. А замки, башни, лѣса, розовые, полевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ тучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы неподвижны, безмолвны, млѣете предъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ, прощальнымъ лучомъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы поружены въ туманѣ поэтической думы: вы не отводите взора...

Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще подумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища — все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко, и, какъ будто, спѣшатъ промежуткомъ отъ солнца до луны: ихъ прибываетъ все больше и больше; онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ сферахъ тверди и—засіялъ вечерній пиръ!... Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чисто прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ и не воспѣта, какъ у насъ, поэтами, слѣдовательно дѣвственна. Это не зрѣлая, блядающая красавица, а бодрая, полная силъ жизни и строгаго цѣломудрія дѣва, какъ сама Діана. Хлынулъ по морю и по небу ея бронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканіе звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра. А океанъ, вы думаете, заснулъ? нѣтъ, онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ развертается пучина пламени съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, объяты сладкими, творческими снами... Впираете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается то золотомъ, то кровью, то изумрудной влагой, Конепусъ, ярче свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы любовью успокаиваетесь отъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ такъ пристально и умно... Наступаетъ за знойнымъ днемъ душно-сладкая, долгая ночь, съ мерцаніемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Боже мой! Да-

ромъ пропадаютъ здѣсь эти ночи: ни серенадъ, ни вздоховъ, ни шо пота любви, ни пѣнія соловьевъ! Только фрегатъ напряженно дви жется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парус или подъ кормой плеснетъ вода — и опять все торжественно и пр красно-тихо!

Смотрите вы на всѣ эти чудеса, міры и огни и, ослѣпленны уничтоженные величіемъ, но богатые и счастливые небывалыми греза ми, стоите, какъ статуя, и шепчете задумчиво: „Нѣтъ, это не сказа ли мнѣ ни карты, ни англичане, ни американцы, ни мои учители; го ворило, но блѣдно и смутно, только одно чуткое, поэтическое чувство оно таинственно манило меня еще ребенкомъ сюда...“ (т. I, глава Ш

Такихъ описаній природы въ очеркахъ встрѣчается мно го; они попадаются почти въ каждой главѣ. Слѣдуетъ ука зать наиболѣе выдающіяся въ художественномъ отношеніи Къ такимъ принадлежатъ: описаніе тропическаго вечер и лѣса, когда фрегатъ стоялъ на Анжерскомъ рейдѣ у китай скихъ береговъ (т. I, гл. V), другое описаніе тропической ноч на островѣ Явѣ (т. I, гл. VI), описаніе тропическаго лѣса (т I, гл. V), описаніе жестокой ночной грозы, когда фрегатъ сто ялъ на рейдѣ въ Нагасаки (т. II, гл. 1) и т. п.

Если первое мѣсто въ очеркахъ Гончарова занимают художественныя описанія природы, то слѣдующее занимают бытовыя сценки и описанія изъ жизни русскихъ моряковъ Примѣромъ ихъ можетъ быть слѣдующая:

„...Къ вечеру собрались всѣ; камбузъ (печь) запылалъ; подал чай, ужинъ — и задымились сигары. Я перезнакомился со всѣми, вотъ съ тѣхъ поръ до сей минуты—какъ дома. Я думалъ, судя п прежнимъ слухамъ, что слово „чай“ у моряковъ есть только аллегорія подъ которую надо разумѣть пуншъ, и ожидалъ, что когда офицер соберутся къ столу, то начнется авральная работа за пуншемъ, заго рится живой разговоръ, а съ нимъ и носы, потомъ кончится дѣл объясненіемъ въ дружбѣ, даже объятіями, словомъ, исполнится вс программа оргіи. Я уже придумалъ, какъ отдѣлаться мнѣ отъ участі въ ней. Но къ удивленію и удовольствію моему на длинномъ стол стоялъ всего одинъ графинъ хереса, изъ котораго человѣка два выпи ли по рюмкѣ, другіе и не замѣтили его. Послѣ, когда предложен было вовсе не подавать вина за ужиномъ, всѣ единодушно согласились Рѣшили излишекъ въ экономіи отъ вина приложить къ суммѣ, опре дѣленной на библіотеку. О ней былъ длинный разговоръ за ужином а о водкѣ ни полслова! Не то разсказывалъ мнѣ одинъ старый мо

рякъ о прежнихъ временахъ!—Бывало смѣнишься съ вахты иззябшій
и перемокшій — да какъ хватишь стакановъ шесть пуншу!“ говорилъ
онъ“ (т. I, гл. I).

Приведенное описаніе общества морскихъ офицеровъ
тлично характеризуетъ ихъ нѣкоторые нравы и склонности;
изъ него видно, что интересы и симпатіи моряковъ стали на
торонѣ библіотеки, а не спиртныхъ напитковъ, видно, что
мственные интересы волновали душу моряковъ, что, однимъ
ловомъ, моряки русскіе представляли собою людей обра-
ованыхъ и интеллигентныхъ.

Со свойственною ему правдивостью, Гончаровъ изобра-
аетъ жизнь и развлеченія матросовъ на фрегатѣ.

Въ высшей степени характерна сценка, рисующая ве-
иколѣпно простыя и дружелюбныя отношенія моряковъ
матросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней вырисовывается типъ
ростодушнаго русскаго крестьянина, попавшаго, волею на-
альства, матросомъ на фрегатъ. Вотъ эта сценка.

„Вечеромъ была всенощная наканунѣ Покрова. Послѣ службы
ходилъ по юту и нечаянно наткнулся на разговоръ мичмана Б. съ
гнальщикомъ Ѳеодоровымъ, тѣмъ самымъ который ошибся и, вмѣсто
вѣрки къ зарѣ, заигралъ повѣстку къ молитвѣ. Этотъ Ѳеодоровъ
личался крайней простотой.—„Смотри въ трубу на луну“, говорилъ
у Б., ходившій по юту: „и какъ скоро увидишь тамъ трехъ, четы-
хъ человѣкъ скажи мнѣ“.—„Слушаюсь-съ“. Онъ сталъ смотрѣть и
лго смотрѣлъ.—„Что же ты ничего не говоришь?“ „Да тамъ всего
лько двое, ваше благородіе“.—„Что жъ они дѣлаютъ?“—„Ничего-съ“.
„Ну, смотри!“—„Что жъ это за люди?“ спросилъ Б. Тотъ молчалъ.
„Говори же!“—„Каинъ и Авель“, отвѣчалъ онъ.—„Вотъ еще замѣть
и двѣ звѣзды и помни, какъ ихъ зовутъ: вотъ эту Венера, а эту
питеръ“.—„Слушаюсь-съ“.—„И если что-нибудь случится съ ними,
неси“.—„Слушаюсь-съ“. И онъ серьезно сталъ смотрѣть въ ту сто-
ну. Черезъ минуту я спросилъ его, въ какихъ мѣстахъ онъ бывалъ
тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Англіи. Онъ молчалъ. — „Говори
!“—„На Надеждѣ“ (мысъ Доброй Надежды). — „А до того?“ — „За-
лъ“.—„Вспомни!“ Онъ молчалъ.—„Гдѣ же?“ Молчалъ. „Ну, припомни
званія разныхъ винъ, такъ доберешься“. Молчаніе.—„Какія же есть
на?“—„Пѣнное“.—„Ну, а французскія?“—„Ренское“.—„А мадера?“—
очно такъ-съ, есть и мадера. Мы и сами тамъ были“, добавилъ
ъ.—„А что же звѣзды?“ вдругъ спросилъ Б. Ѳеодоровъ безпокойно
ынулся: хвать—одной нѣтъ; она уже скрылась за горизонтъ. „Гдѣ
?“—„Только одна осталась“.—„А гдѣ другая?“—„Не могу знать“.—

„А какъ ее зовутъ?“ Молчаніе. — „Ну, какъ?“ — „Мадера“, подумав ответилъ Ѳеодоровъ.—„А другую?“—„Питеръ“, сказалъ онъ. И это бы ло намъ развлеченіемъ за неимѣніемъ другихъ“.

Изображая довольно подробно жизнь моряковъ въ раз личныхъ проявленіяхъ, Гончаровъ создалъ въ то же само время и нѣсколько типовъ живыхъ людей, принадлежащих къ сословію русскихъ моряковъ. Къ числу такихъ типов принадлежитъ П. А. Т-въ, завѣдывавшій хозяйствомъ на фре гатѣ. Это типъ интеллигентнаго, образованнаго офицера любимца и баловня товарищей; онъ совмѣщалъ въ себѣ стран нымъ образомъ двѣ противоположности, возможныя только быть можетъ, въ душѣ русскаго человѣка; онъ съ одной сто роны, былъ служака и формалистъ, съ другой стороны, вслѣд ствіе мягкости своего характера, дѣлалъ разумныя уступк товарищамъ и нарушалъ постановленія морской службы да же въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ надзоръ за прѣсной водой Онъ, напримѣръ, желая угодить Гончарову, самъ совѣтуе ему, чтобы вѣстовой автора очерковъ кралъ потихоньку ем прѣсную воду для умыванія изъ цистернъ, но при этомъ до бродушно обѣщаетъ поймать его и наказать.

Другой типъ русскаго моряка Гончаровъ представил въ лицѣ знаменитаго „дѣда“. Это типъ „морского волка“, ко торые въ большемъ или меньшемъ количествѣ встрѣчаютс среди моряковъ всѣхъ національностей, а особенно сред англичанъ, шведовъ и финляндцевъ. Море для людей, подоб ныхъ „дѣду“, является единственной стихіей, въ которо они чувствуютъ себя удовлетворительно. Корабль для нег — родина; всѣ интересы такихъ людей не выходятъ за борт корабля; имъ суждено всю жизнь провести на кораблѣ въ мо рѣ, среди бурь, волненій и всякаго рода опасностей, и жизн кончить имъ суждено тоже на кораблѣ, въ морѣ. „Дѣдъ“, человѣкъ, пропитанный насквозь холоднымъ морскимъ вѣ тромъ, соленой морской пѣной, смолой и солнцемъ. Онъ прям честенъ, твердъ, какъ сама природа; душа у него чиста и от крыта, какъ море и небо; кажется, онъ созданъ моремъ и не бомъ и потому долженъ кончить жизнь физическую въ мор а душа, освободившись отъ тѣлесной оболочки улетитъ в небо.

Встрѣчаются у Гончарова и типы простыхъ матросовъ. Къ числу ихъ прежде всего слѣдуетъ отнести Ѳаддеева, вѣстового автора, хитраго и веселаго малаго, заброшеннаго волею судьбы на фрегатъ. Это типъ русскаго человѣка, никогда и ни при какихъ условіяхъ не приходящаго въ отчаяніе или уныніе. Даже въ несчастьяхъ и въ физической боли Ѳаддеевъ умѣлъ находить комическія стороны и добродушно выставлять или на смѣхъ, смягчая тѣмъ свои страданія. Ѳаддеевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые спокойно, съ трубкой въ зубахъ, подставляютъ руку или ногу подъ ножъ хирурга и въ то же время шутятъ и подсмѣиваются надъ самимъ собою. Эта веселость происходитъ однако, вовсе не вслѣдствіе легкомысленнаго отношенія къ людямъ и себѣ; у Ѳаддеева, напримѣръ, было твердое понятіе, относительно своихъ обязанностей, и выполнялъ онъ ихъ превосходно, но происходила она вслѣдствіе твердой вѣры въ Волю Божію и въ то, что все, что ни случится, случается къ лучшему; слѣдовательно, роптать и жаловаться не на что и не на кого.

Другой замѣчательный типъ русскаго матроса Гончаровъ набросалъ легкими, но выразительными штрихами въ лицѣ богатыря Дьюпина.

Дьюпинъ, очевидно, представляетъ типъ добродушнаго силача, сознающаго свою страшную силу, но никогда не злоупотребляющаго ею. У него нѣтъ презрѣнія ко врагу, а лишь желаніе уравновѣсить силы противника и свои, чтобы сдѣлать борьбу болѣе справедливой. Дьюпинъ, быть можетъ, и является однимъ изъ тѣхъ лицъ, благодаря которымъ въ народной фантазіи и творчествѣ выработался типъ безсмертнаго Ильи Муромца.

Слѣдующую рубрику описаній въ очеркахъ Гончарова будутъ представлять многочисленныя и разнообразныя изображенія иноземныхъ племенъ, городовъ, порядковъ, обычаевъ и нравовъ. Эти описанія разбросаны по всѣмъ очеркамъ и собрать ихъ въ одно нѣтъ положительно возможности. Укажемъ главнѣйшія и характернѣйшія изъ нихъ. Къ такимъ будетъ принадлежать сравнительная характеристика англичанина и русскаго въ I-ой главѣ I-го тома. Авторъ съ неподражаемымъ искусствомъ изображаетъ дневную жизнь англичанина,

полную кипучей дѣятельностью, искусно подчеркиваетъ положительныя и отрицательныя стороны этой жизни, и тутъ же рисуетъ жизнь русскаго дворянина-помѣщика, исполненную лѣни и бездѣятельности, лишенную всякихъ умственныхъ живыхъ интересовъ.

Къ числу замѣчательныхъ описаній принадлежитъ въ этой же главѣ изображеніе общей физіономіи Лондона съ его неустанной дѣятельностью. Панорамы города Гончаровъ не даетъ, но за то великолѣпно выразилъ суть Лондона, какъ торговаго и промышленнаго города, занимающаго первое мѣсто въ этомъ отношеніи въ цѣломъ мірѣ. Магазины, товары, торговцы, улицы, дома, рестораны, однимъ словомъ, все, что такъ или иначе выражаетъ жизнь англичанина не ускользнуло отъ вниманія умнаго и наблюдательнаго русскаго путешественника. Онъ сравниваетъ часто формы англійской жизни съ русскими, отмѣчаетъ, что хорошо въ ней, а что дурно, что привилось бы на русской почвѣ, а что нѣтъ.

Другимъ характернымъ мѣстомъ въ этой же рубрикѣ будетъ являться то, гдѣ Гончаровъ описываетъ и сравниваетъ между собой три главныхъ расы азіатскаго населенія (т. I глава VI): индійцевъ, китайцевъ и малайцевъ. Авторъ указываетъ характерныя особенности каждой расы и даже старается опредѣлить, кто изъ нихъ болѣе жизнеспособенъ, кто въ будущемъ возьметъ верхъ и поглотитъ другихъ.

Изъ описаній азіатскихъ городовъ особенное вниманіе въ очеркахъ привлекаетъ изображеніе Пекина, при чемъ авторъ и тутъ держится своего любимаго способа изображенія описывать не общую панораму города, а отдѣльныя части улицы, магазины, дома, экипажи, лодки, прохожихъ, кумирни кофейни и т. п. и въ общемъ получается живая и вѣрная дѣйствительности картина жизни въ Пекинѣ, а не Пекина.

Къ характернымъ мѣстамъ этой рубрики будетъ относиться и описаніе дома, двора и внутренняго помѣщенія японца средней зажиточности (т. II, глава I). Гончарова особенно поразила во всемъ у японцевъ ихъ необыкновенная чистота опрятность и аккуратность, а съ внутренней стороны ихъ сообразительность и ловкость. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Гончаровъ о японцахъ:

„Сколько у нихъ (японцевъ) жизни кроется подъ этой апатіей, сколько веселости, игривости! Куча способностей, дарованій — все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, перегорѣли и требуютъ новыхъ освѣжительныхъ началъ. Японцы очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ — напримѣръ, тяжелой, педантической, устарѣлой и не нужной учености, отъ которой люди дурѣютъ. Напротивъ, они все вывѣдываютъ, обо всемъ разспрашиваютъ и все записываютъ. Всѣ почти бывшіе въ Еддо голландскіе путешественники разсказываютъ, что къ нимъ нарочно посылали японскихъ ученыхъ, чтобы заимствовать что-нибудь новое и полезное... Если японцы и придерживаются стараго, то изъ боязни только новаго, хотя и убѣждены, что это новое лучше. Они сами скучаютъ и зѣваютъ, тогда, какъ у китайцевъ, по разсказамъ, этого нѣтъ. Рѣшительно, японцы—французы, а китайцы—нѣмцы здѣшнихъ мѣстъ.

„Но пока имъ не растолковано и особенно не доказано, что имъ хотятъ добра, а не зла, они боятся перемѣнъ, хотя и желаютъ, не довѣряютъ чужимъ и ведутъ себя, какъ дѣти. Они теперь мечутся, мѣряютъ орудія, когда они на нихъ наведены, хотятъ въ одну минуту выучиться строить батареи, лить пушки, ядра и даже стрѣлять".

Вотъ характеристика японцевъ и мнѣніе объ ихъ способностяхъ, выраженное устами умнаго, образованнаго и наблюдательнаго человѣка. Надо замѣтить, что Гончаровъ писалъ это слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда европейская культура едва-едва начала проникать къ японцамъ, и что же? Уже тогда наблюдательность и умъ не обманули Гончарова: онъ правильно уловилъ и понялъ стремленіе японцевъ къ хорошимъ сторонамъ европейской культуры и боязнь ихъ къ ея отрицательнымъ сторонамъ. Спустя полстолѣтія съ небольшимъ мнѣніе Гончарова оправдалось вполнѣ: японцы въ настоящее время стали французами дальнѣйшаго востока: культура и всѣ практическія знанія распространяются по восточной части Азіи отъ японцевъ, а не отъ европейцевъ.

Четвертую рубрику въ очеркахъ Гончарова будутъ занимать описанія отдѣльныхъ явленій природы и интересныхъ происшествій, свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ во время путешествія. Къ числу ихъ будетъ принадлежать знаменитое описаніе смерча въ Индійскомъ океанѣ (т. I, гл. V), описаніе ловли акулы (т. II, глава VI) и другія. Группа эта по своему составу разнообразна, но не велика.

Пятую группу въ очеркахъ будутъ представлять личныя воспоминанія автора о родинѣ, главнымъ образомъ, о Петербургѣ, его окрестностяхъ, Финскомъ заливѣ, русской деревнѣ и т. п. Элементъ этотъ попалъ въ очерки до извѣстной степени случайно. Гончарову иногда становилось скучно во время путешествія и тоскливо; онъ носился мысленно на далекую и милую родину и часто выражалъ это въ своихъ письмахъ. Прямого отношенія къ путешествію эти описанія не имѣютъ, они возникали у автора въ тѣ минуты, когда душа его уносилась далеко-далеко, за предѣлы безграничнаго океана, а на фрегатѣ оставалось одно лишь тѣло, лишенное воли и обычной наблюдательности.

Наконецъ, особенную рубрику, не имѣющую тѣсной связи съ путешествіемъ, составляютъ въ очеркахъ разсужденія Гончарова на отвлеченныя темы по различнымъ поводамъ и причинамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1-ой главѣ перваго тома Гончаровъ даетъ длинное разсужденіе о дружбѣ.

—Что же касается языка очерковъ, то Гончаровъ вводитъ въ него много новыхъ словъ и оборотовъ. Большинство этихъ словъ взяты авторомъ съ языка моряковъ, у которыхъ, какъ у каждаго сословія, существуютъ свои любимыя слова, даже свой языкъ. Какъ на примѣръ отдѣльныхъ словъ у Гончарова можно указать цѣлый рядъ спеціальныхъ морскихъ названій относящихся къ различнымъ частямъ корабля и предметовъ на немъ находящихся: юпъ, каютъ-компанія, трапъ, бизонъ, мачта, гротъ-мачта, бакъ, трюмъ, вымпелъ, кранцъ, шти, штормъ и т. п.

Есть и цѣлыя выраженія въ морскомъ обиходномъ языкѣ, мало понятныя не морякамъ, напримѣръ, травить канатъ т. е. по-немножку выпускать канатъ съ борта въ воду или куда нибудь въ другое мѣсто, отдать якорь, т. е. забросить его въ воду, стоять на мертвыхъ якоряхъ, т. е. крѣпко и неподвижно на такомъ якорѣ, который уже нельзя достать со дна, брасы рифы, т. е. подтягивать паруса и т. п. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что всѣ эти слова и выраженія нисколько не затрудняютъ чтеніе очерковъ. Гончаровъ не щеголяетъ знаніемъ морской терминологіи, они у него употребляются въ надлежащихъ мѣстахъ, такъ, что читатель легко можетъ догадаться

ся, что обозначаетъ то или другое слово, выраженіе. Въ нѣкорыхъ случаяхъ Гончаровъ неизбѣжно долженъ былъ употреблять чисто иностранныя слова для обозначенія такихъ предметовъ, которымъ русскій языкъ не далъ своего названія, такъ какъ не знаетъ ихъ, напримѣръ: баніосы, сіогунъ и т. п. Впрочемъ, смыслъ и этихъ словъ вполнѣ ясенъ при чтеніи очерковъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ Гончаровъ ихъ объясняетъ.

Легкость изложенія, занимательность содержанія, художественность, мѣткость наблюденій и живой, острый умъ автора очерковъ сдѣлали то, что ,,Фрегатъ Паллада" до сихъ поръ не утратилъ своей занимательности и читается всѣми съ большимъ интересомъ.

„ОБРЫВЪ".

Общія замѣчанія.

Романъ ,,Обрывъ", судя по словамъ самого Гончарова въ его воспоминаніяхъ, былъ задуманъ въ 1849 году. ,,Романъ,— говоритъ онъ, — былъ задуманъ въ 1849 году, когда я, послѣ 14-тилѣтняго отсутствія пріѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу. Тутъ толпой хлынули ко мнѣ старыя знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій тогда епархіальный бытъ и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывъ Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства — все это залегло мнѣ въ голову и почти мѣшало окончить ,,Обломова", котораго была написана первая часть, а остальныя гнѣздились въ головѣ".

Въ 1859 г., какъ мы уже раньше говорили, было напечатано самое знаменитое произведеніе Гончарова, романъ ,,Обломовъ", который создалъ ему извѣстность и славу первоклассnаго писателя. Десять лѣтъ спустя, въ 1868 году, появился послѣдній романъ Гончарова ,,Обрывъ". Надо думать, что это было самое любимое дѣтище писателя. Задуманный

почти одновременно съ ,,Обломовымъ", романъ этотъ писался и обрабатывался вдвое дольше, чѣмъ ,,Обломовъ", т. е. почти двадцать лѣтъ и въ своей статьѣ ,,Лучше поздно", Гончаровъ посвящаетъ этому роману большое число страницъ. Однако, любимое и лелѣянное произведеніе не оказалось лучшимъ и ,,Обрывъ" не произвелъ того потрясающаго впечатлѣнія, какъ ,,Обломовъ"; даже случилось нѣчто обратное; публика встрѣтила его холодно, а кое-гдѣ въ иныхъ кружкахъ, отнеслась къ нему даже враждебно. Такъ какъ романъ былъ задуманъ давно и между его началомъ и концомъ протекла цѣлая эпоха полнаго переворота во всѣхъ взглядахъ и даже нравахъ общества, то вполнѣ понятно, что романъ явился какъ бы анахронизмомъ, никого не затрагивающимъ за живое.

Замѣтимъ, что для того, чтобы ввести свое произведеніе хоть сколько-нибудь въ современное теченіе, Гончаровъ долженъ былъ совершенно измѣнить и передѣлать одинъ изъ типовъ, но этимъ онъ, пожалуй, испортилъ все дѣло. Безъ этого измѣненія передъ нами былъ бы романъ въ духѣ сороковыхъ годовъ, лишь нѣсколько запоздалый своимъ появленіемъ въ печати; передѣлка же исказила его содержаніе и фабулу.

Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что въ романѣ мы все таки найдемъ рядъ первостепенныхъ достоинствъ. Хотя въ немъ и нѣтъ ни одного такого грандіознаго по своему захвату типа, какъ Обломовъ, тѣмъ не менѣе даръ обобщенія не покинулъ автора, и въ романѣ встрѣчаются нѣсколько типовъ во всякомъ случаѣ замѣчательныхъ.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

РАЙСКІЙ.

Райскій — яркій представитель эпохи пробужденія русскаго общества, отчасти захваченный мутнымъ потокомъ старой жизни. Онъ еще не въ силахъ вполнѣ отрѣшиться отъ вліяній стараго строя жизни, хотя и не поддается ему въ такой мѣрѣ, какъ Обломовъ.

Въ лицѣ Райскаго изображены люди сороковыхъ годовъ такъ полно, всесторонне и реально, какъ нигдѣ въ литературѣ

Гончаровъ сознавалъ значеніе этого типа и потому болѣе всего распространяется о немъ статья „Лучше поздно". Райскій, по его словамъ, „герой слѣдующей, т. е. переходной эпохи, — это проснувшійся Обломовъ... натура артистическая, онъ воспріимчивъ, впечатлителенъ, съ сильными задатками дарованій, но онъ все-таки сынъ Обломова". „Райскій—талантъ, но приготовительная школа для таланта трудная, требующая всего человѣка, для него, выросшаго еще въ періодъ обломовскаго сна, неодолима, и некогда ему было: новая эпоха застала его взрослымъ. Онъ бросается къ живописи, отъ живописи къ скульптурѣ, пишетъ романъ, не приготовленный технически ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ искусствъ. Новыя идеи кипятъ въ немъ: онъ предчувствуетъ грядущія реформы, сознаетъ правду новаго и порывается ратовать за всѣ тѣ большія и меньшія свободы, приближеніе которыхъ чуялось въ воздухѣ. Но только порывается... Онъ, если не спитъ по обломовски, то едва лишь проснулся — и хотя знаетъ, что дѣлать, но не дѣлаетъ..." Райскому сильный, новый свѣтъ блеснулъ... въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель... Онъ умомъ и совѣстью принялъ новыя животворныя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло.

Райскій происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, который съ теченіемъ времени постепенно обѣднѣлъ. Родителей онъ лишился рано. До поступленія въ школу онъ воспитывался у бабушки Бережковой въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. За воспитаніемъ наблюдалъ опекунъ — его двоюродный дядя. Когда опекунъ привезъ его въ школу и посадилъ его на лавку, во время класса, кажется, первымъ бы дѣломъ новичка было вслушаться, что спрашиваетъ учитель, что отвѣчаютъ ученики, а Райскій прежде всего воззрился на учителя, какой онъ, какъ говоритъ, какъ нюхаетъ табакъ, какія у него брови, бакенбарды; потомъ сталъ изучать болтающуюся по животѣ его сердоликовую печатку, потомъ замѣтилъ, что у него большой палецъ правой руки раздвоенъ по серединѣ и представляетъ подобіе двойного орѣха. Потомъ осмотрѣлъ каждаго ученика и замѣтилъ всѣ особенности: у одного лобъ и виски

вогнуты внутрь головы, у другого мордастое лицо далеко выпятилось впередъ, тамъ вонъ у двоихъ, у одного справа у другого слѣва на лбу волосы растутъ вихоркомъ и т. д., всѣхъ замѣтилъ и изучилъ какъ кто смотритъ. Одинъ изъ учениковъ съ увѣренностью глядитъ на учителя, проситъ глазами спросить себя; у другого на лицѣ то выступаетъ, то прячется краска— онъ сомнѣваеся, колеблется. Третій упрямо смотритъ внизъ, пораженнный боязнью, чтобъ его не спросили. Иной ковыряетъ въ носу и ничего не слушаетъ. Тотъ долженъ быть ужасный силачъ, а этотъ черненькій — плутъ. И доску, на которой пишутъ задачу, замѣтилъ, даже мѣлъ и тряпку, которою стираютъ съ доски. Кстати, тутъ же представилъ и себя, какъ онъ сидитъ, какое у него должно быть лицо, что другимъ приходитъ на умъ, когда они глядятъ на него, какимъ онъ имъ представляется?

— О чемъ я говорилъ сейчасъ? — вдругъ спросилъ его учитель, замѣтивъ, что онъ разсѣянно бродитъ глазами по всѣй комнатѣ.

Къ удивленію его, Райскій сказалъ ему отъ слова до слова, что онъ говорилъ.

— Что же это значитъ? — дальше спросилъ учитель.

Райскій не зналъ: онъ также машинально слушалъ, какъ и смотрѣлъ, и ловилъ ухомъ только слова.

Учитель повторилъ объясненіе. Борисъ опять слушалъ, какъ раздавались слова: иное учитель скажетъ коротко и густо, точно оборветъ, другое растянетъ, будто пропоетъ, вдругъ десять словъ посыплются, какъ орѣхи.

— Ну? — спросилъ учитель.

Райскій покраснѣлъ, даже вспотѣлъ немного отъ страха, что не знаетъ въ чемъ дѣло и молчалъ. Это былъ учитель математики. Онъ пошелъ къ доскѣ, написалъ задачу, началъ рѣшать. Ничего не ускользнуло отъ Райскаго, только ускользнуло рѣшеніе задачи.

Кое-какъ достигъ онъ дробей, достигъ и до четырехъ правилъ изъ алгебры, когда же дѣло дошло до уравненій, Райскій утомился напряженіемъ ума и не пошелъ дальше, оставшись равнодушнымъ къ тому, зачѣмъ и откуда извлекается квадратный корень. Однако, когда учитель не изъ книги говорилъ

свои задачи, а выдумывалъ, не прибѣгая ни къ доскѣ, ни къ грифелю, ни къ правиламъ, ни къ толкамъ, Райскій скорѣе всѣхъ, путемъ сверкающей въ головѣ догадки, доходилъ до правильнаго рѣшенія.

Между тѣмъ, писать выучился Райскій быстро, читалъ со страстью исторію, эпопею, романъ, басню, выпрашивая гдѣ могъ книги, но съ фактами; умозрѣній онъ не любилъ, какъ вообще всего, что увлекало его изъ міра фантастическаго въ міръ дѣйствительный. Изъ географіи, въ порядкѣ, по книгѣ, какъ проходили въ классѣ, по климатамъ, по народамъ, никакъ онъ не могъ разсказать. Между тѣмъ внѣ класса начнетъ разсказывать о какой-нибудь странѣ или объ океанѣ, о городѣ — откуда что берется у него! Ни въ книгѣ этого нѣтъ, ни учитель не разсказывалъ, а онъ рисуетъ картину, какъ будто былъ тамъ, все видѣлъ самъ. Все, не похожее на текущую жизнь около него, захватывало его въ свою чудесную сферу, отъ которой онъ отрезвлялся, какъ отъ хмѣля. Послѣ, долго ходилъ онъ блѣдный и скучный, пока опять чужая жизнь и чужія радости не вспрыснутъ его, какъ живой водой. Дядя опекунъ давалъ ему исторіи четырехъ Генриховъ, Людовиковъ до XVIII и Карловъ до XII включительно, но все это было для него, какъ прѣсная вода послѣ рома. На минуту только разбудили его Іоанны III-ій и IV-ый да Петръ.

Между товарищами онъ былъ очень страненъ: они тоже не знали, какъ понимать его. Симпатіи его очень часто мѣнялись, ни постоянныхъ друзей, ни враговъ у него было. Эту недѣлю онъ привяжется къ одному, ищетъ его вездѣ, сидитъ съ нимъ, читаетъ, разсказываетъ ему, шепчетъ. Потомъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ броситъ его и всматривается въ другого и, всмотрѣвшись, опять забываетъ.

По выходѣ изъ училища, дѣйствительная жизнь мало увлекала его въ свой потокъ, и своей веселой стороной, и суровой дѣйствительностью. Позоветъ ли его опекунъ посмотрѣть, какъ молотятъ рожь, или какъ валяютъ сукно на фабрикѣ, какъ бѣлятъ полотна, — онъ увертывался и забивался на бельведеръ смотрѣть оттуда въ лѣсъ, или шелъ на рѣку, въ кусты, въ чащу, смотрѣлъ, какъ возятся насѣкомыя, остро глядѣлъ, куда порхнула птичка; — поймаетъ ежа и возится

съ нимъ; — съ мальчишками удитъ рыбу цѣлый день, или слушаетъ полоумнаго старика, какъ онъ разсказываетъ про „Пугача", — жадно слушаетъ подробности жестокихъ мукъ, казней и смотритъ прямо ему въ ротъ. По цѣлымъ часамъ, съ болѣзненнымъ любопытствомъ слѣдитъ онъ за лепетомъ, „испорченной Ѳеклушки". Дома читаетъ всякіе пустяки. „Саксонскій разбойникъ" попадается — онъ прочтетъ его; вытащитъ „Тайны восточной магіи", — читаетъ и ихъ; тамъ русскія сказки и былинки, потомъ вдругъ опять бросится къ Оссіяну, Тассу и Гомеру, или уплыветъ съ Кукомъ въ чудесныя страны. А если нѣтъ ничего, такъ лежитъ неподвижно по цѣлымъ днямъ, но лежитъ, какъ-будто трудную работу дѣлаетъ. — „Лѣнтяй, лежебока!",—говорятъ кругомъ его. Онъ чувствовалъ и понималъ, что онъ не лежебока и не лѣнтяй, а что-то другое, но чувствовалъ и понималъ онъ одинъ и больше никто, — но не понималъ, что же онъ такое именно, и некому было растолковать ему это. Опекунъ, а съ другой стороны бабушка смотрѣли только, — первый, чтобъ къ нему въ положенные часы ходили учителя, а вторая, чтобъ онъ былъ здоровъ, имѣлъ аппетитъ и сонъ, да чтобъ одѣтъ онъ былъ чисто, держалъ себя опрятно, и чтобъ, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику, „не связывался со всякою дрянью".

Искусства ему дались лучше наукъ, но довести дѣла до конца, выработать техники не умѣлъ.

Въ университетѣ Райскій дѣлилъ время по утрамъ между лекціями и Кремлевскимъ садомъ. По вечерамъ сидитъ въ „своемъ кружкѣ", т. е. избранныхъ товарищей, горячихъ головъ, великодушныхъ сердецъ. Все это кипитъ, шумитъ, и гордо ожидаетъ великой будущности. Вглядѣвшись пытливо въ каждаго профессора, въ каждаго товарища, какъ въ школѣ, Райскій, отъ скуки, для развлеченія, сталъ прислушиваться къ тому, что говорятъ на лекціи. Лишь только коснется рѣчь самой жизни, являются на сцену лица, событія, заговорятъ въ исторіи, въ поэмѣ или романѣ, греки, римляне, германцы, русскіе, — но живыя лица, — у Райскаго ухо невольно открывается: онъ весь тутъ и видитъ этихъ людей, эту жизнь.

Переходитъ онъ изъ курса въ курсъ съ затрудненіями, все теряясь и путаясь на экзаменахъ. Но его выкупала репутація будущаго таланта, нѣсколько удачныхъ стихотвореній и прозаическіе взмахи и очерки изъ русской исторіи.

Въ Петербургѣ Райскій поступилъ въ юнкера; онъ съ одушевленіемъ скакалъ по фронту, млѣя и горя, съ бѣгающими по спинѣ мурашками, при звукахъ полковой музыки, вытягивался, стуча саблей и шпорами при встрѣчѣ съ генералами, а вечеромъ въ удалой компаніи на тройкахъ уносился за городъ на веселые пикники или бралъ уроки жизни и любви у русскихъ и иностранныхъ „Артемидъ". Райскій, кружась въ свѣтѣ „золотой молодежи", бывши молодымъ офицеромъ, потомъ молодымъ бюрократомъ, заплатилъ дань поклоненія этой красотѣ и, уходя, унесъ глубокую грусть и много опыта. На гражданской службѣ названіе пустого человѣка прилипло къ нему еще крѣпче. Отъ него не добились ни одной докладной записки, никогда не прочелъ онъ ни одного дѣла, между тѣмъ вносилъ веселье и смѣхъ въ окружающую среду. Около него всегда куча народа. Но мысль о дѣлѣ, если только она не проходила черезъ докладъ, а сказанная среди шутокъ и бездѣлья, для него какъ-то ясна, лишь бы не доходило дѣло до бумагъ. Онъ озадачилъ чиновниковъ новизною взгляда. Столоначальникъ, слушая его, съ усмѣшкой отбиралъ у него какую-нибудь заданную ему бумагу и отдавалъ другому. Статская служба удалась ему не лучше военной. Онъ оставилъ ее и сталъ ходить въ академію художествъ. Но и здѣсь работать систематически не могъ, между тѣмъ много читалъ, много писалъ стиховъ и прозы, ѣздилъ въ свѣтъ, ходилъ въ театръ, нарисовалъ нѣсколько женскихъ портретовъ. Райскій, какъ и самъ онъ себя считаетъ, по преимуществу художникъ, но такой, который ни въ чемъ не можетъ достичь какихъ-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ; онъ, по мѣткому замѣчанію Волохова—*неудачникъ*.

Въ немъ, безъ сомнѣнія, есть черты, роднящія его съ романтическимъ настроеніемъ старой дворянской жизни сороковыхъ годовъ. Съ сороковыми годами въ исторіи русскаго самознанія связано представленіе, какъ о времени идеалистовъ, философовъ, подчасъ смѣшныхъ, но вызывающихъ умиленіе

своею честностью и безкорыстіемъ. Лучшіе представители русскаго общества съ головою окунулись въ туманную философію Гегеля, Шеллинга и др. Смѣлый размахъ мысли нѣмецкихъ философовъ о сущности вселенной увлекалъ горячую молодежь, которая съ захватомъ вникала чуть-ли не въ каждую букву вдохновенныхъ страницъ, сердца горѣли любовью къ ближнему, въ глубинѣ ихъ пробуждались самыя лучшія, возвышенныя чувства; умъ стремился достигнуть истины. Однако, люди сороковыхъ годовъ больше говорили, чѣмъ дѣлали. Воспитаніе не пріучило ихъ работать, не подготовило къ тяжкой дѣятельности. Правда, онъ уже чуждъ каррикатурной возни съ „желтыми цвѣтами", какъ молодой Адуевъ, не думаетъ о неземной любви, не мечтаетъ о вѣчной дружбѣ, но все-таки чувство, любви занимаетъ у него одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ старается найти въ ней бурные порывы страсти; ему хотѣлось бы, чтобы любовь, какъ гроза въ природѣ очищаетъ воздухъ, освободила бы его душу изъ власти повседневной жизни, дала бы возможность пожить настоящею жизнью. Всѣ его стремленія сводятся къ погонѣ за этимъ чувствомъ и заполняютъ значительную часть его внутренняго міра. На ряду съ этимъ мы видимъ у него культъ красоты, которую онъ умѣетъ отыскать въ различныхъ проявленіяхъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ искреннее увлеченіе искусствомъ, что приближаетъ его къ тургеневскимъ представителямъ русскаго романтизма эпохи сороковыхъ годовъ. Еще болѣе характерной чертой времени является въ немъ разногласіе между словомъ и дѣломъ, неумѣніе провести въ жизнь тѣ идеалы, которые въ такую красивую форму облекаются въ его рѣчахъ. Онъ съ воодушевленіемъ рисуетъ передъ кузиной Бѣловодовой печальную картину русской деревни, гдѣ мать на произволъ судьбы бросаетъ дѣтей, чтобы работать на барской нивѣ, а мужъ ея „бьется въ бороздахъ на пашнѣ или тянется съ обозомъ въ трескучій морозъ, чтобы добыть хлѣба, буквально хлѣба, утолить голодъ съ семьей и, между прочимъ, внести въ контору пять или десять рублей", а когда потрясенная до глубины души этой рѣчью Бѣловодова спрашиваетъ, что же онъ дѣлаетъ для облегченія тяжкой доли своихъ крестьянъ, она получаетъ такой отвѣтъ: „Мало дѣлаю имъ — почти ниче-

го къ стыду моему или тѣхъ, кто меня воспитываетъ. Я давно вышелъ изъ опеки, а управляетъ все тотъ же опекунъ, и я не знаю, какъ. Есть у меня еще бабушка въ другомъ уголкѣ,— тамъ какой-то клочекъ земли есть, — въ ихъ рукахъ все же лучше, чѣмъ въ моихъ".

То же самое замѣчаемъ мы и въ его занятіяхъ искусствомъ. Имѣя отъ природы большія художественныя способности, горячо любя искусство и, восхваляя на словахъ служеніе ему, на дѣлѣ онъ мечется изъ стороны въ сторону: бросается къ живописи, скульптурѣ, музыкѣ, поэзіи и ни въ одномъ изъ нихъ не можетъ создать ничего, такъ какъ въ немъ нѣтъ умѣнія трудиться, онъ не обладаетъ выдержкой, которая такъ необходима для служенія всякому дѣлу: ,,какъ гири на ногахъ, его тянетъ назадъ обломовщина". Въ спорахъ съ родными онъ произноситъ грозныя филиппики противъ барства, изнѣженности, крѣпостного права, а самъ не безъ удовольствія изволитъ почивать на мягкой, пуховой постели, не прочь сытно и вкусно покушать и, какъ прямой сынъ Обломова даетъ, ворча, снимать съ себя сапоги; что же касается до своихъ крѣпостныхъ, то онъ и пальцемъ не шевельнулъ, чтобы дать имъ свободу, за которую подчасъ такъ горячо ратуетъ.

Райскій—поэтическая натура, которая никакимъ образомъ не умѣетъ довести своего дѣла до конца. ,,Анализъ разрушалъ то, что создавала фантазія", — вотъ причина, благодаря которой изъ Райскаго не вышло ничего положительнаго, законченнаго. ,,Живой умъ и страстная душа" мѣшали ему сосредоточиться, чему много способствовала нѣкоторая вольность его взглядовъ. Вотъ какъ говоритъ авторъ про оригинальныя заключенія Райскаго по поводу службы: ,,Служба не есть сама цѣль, а только средство куда-нибудь дѣть кучу люда, которому безъ нея не зачѣмъ бы родиться на свѣтъ. И если бы не было этихъ людей, то не нужно было бы и той службы, которую они несутъ". Очевидно, Райскій не имѣетъ въ виду причислять себя къ этой категоріи лицъ, которая родится для службы, какъ равно и службу не считаетъ существующей для себя. ,,И вотъ Райскому за тридцать лѣтъ, а онъ еще ничего не посѣялъ, не пожалъ и шелъ не по одной колеѣ".

Но одновременно съ указанными чертами Райскаго, ко-

торыя являются результатомъ вліянія стараго строя, въ немъ бурлитъ новая жизнь, новыя идеи, которыя никоимъ образомъ не могутъ ужиться со старыми порядками. Во-первыхъ, его отношеніе къ народу. Своимъ чуткимъ сердцемъ понимая его бѣдственное положеніе, онъ вмѣстѣ съ лучшими людьми своего времени желаетъ ему свободы и не разъ думаетъ о ней, такъ, напримѣръ, возвращаясь съ Тушинымъ домой по роднымъ полямъ. Во-вторыхъ, онъ чуждъ сословныхъ предразсудковъ и не цѣнитъ вовсе своей родовитости, относясь съ пренебреженіемъ къ портретамъ представителей своего рода, „полинявшимъ господамъ въ робронахъ и манжетахъ". Онъ протестуетъ, ратуетъ противъ домашняго деспотизма, отстаиваетъ свободу личности, споритъ по цѣлому ряду самыхъ разнообразныхъ вопросовъ съ ярой сторонницей минувшаго вѣка — бабушкой. Въ самомъ его восхищеніи искусствомъ чуется новое, свѣжее настроеніе, чуждое отжившей эпохѣ; онъ стоитъ за то, чтобы искусство сошло со своихъ высокихъ ступеней въ людскую толпу, служило жизни. Правда, всѣмъ благороднымъ порывамъ Райскаго не суждено осуществиться, перейти въ жизнь, но онъ не такъ ужъ много виноватъ въ этомъ. Онъ — родной сынъ своей среды, своей эпохи.

При смѣнѣ двухъ направленій жизни всегда встрѣчаются характеры, которые несутъ на своей спинѣ всю тягость общественнаго перелома — это раздвоенныя, не цѣльныя натуры. Ихъ несчастіе въ томъ, что въ ихъ душѣ царитъ вѣчное, неизгладимое противорѣчіе; одной половиной своего существа, своими вѣрованіями, своими убѣжденіями, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, они — дѣти новаго времени, между тѣмъ, какъ привычки, традиціи, слабость воли заставляютъ ихъ цѣпляться за старое, отжившее. Райскій всецѣло примыкаетъ къ этимъ характерамъ. „Подъ нее, — говоритъ Гончаровъ, — выясняя мысль созданныхъ имъ образовъ, — подходили тогда многіе наши интеллигентные люди, считавшіеся передовыми. Ихъ называли романтиками, крайними идеалистами. Они пока еще порывались къ новому, много говорили, ставили себѣ идеалы, бросались отъ одного дѣла къ другому, искали дѣятельности. И тутъ, въ этотъ періодъ, ушло много растерявшихся втунѣ талантовъ, не имѣвшихъ опредѣ-

леннаго пути, сознательныхъ цѣлей и снѣдаемыхъ и своей собственной и казенной обломовщиной".

МАРКЪ ВОЛОХОВЪ.

(Какъ типъ нигилиста).

Какъ показываетъ самое слово „нигилистъ", послѣдователи этого направленія не принимали ничего на вѣру, всякое явленіе жизни вообще и въ особенности общественной жизни подвергали строгому критическому анализу, прежде, чѣмъ признать принципъ согласный съ логикой и заслуживающій уваженія или фактъ,—совершивмися на основаніи міровыхъ законовъ.

„Нигилистъ, — говоритъ Тургеневъ словами Аркадія Кирсанова („Отцы и дѣти") — это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какимъ авторитетомъ, который не принимаетъ на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ". Типъ нигилиста — Марка Волохова, не удался Гончарову, благодаря грубой карикатурности и сочиненности. Гончаровъ самъ разсказываетъ, что когда онъ задумалъ романъ, въ его воображеніи вмѣсто Марка Волохова мелькнулъ другой образъ, вполнѣ соотвѣтствующій тому времени. „Еще я долженъ сказать, что въ первоначальномъ планѣ „Обрыва", набросанномъ въ 1848 и 1850 годахъ, на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще не существовавшаго, у меня былъ предположенъ сосланный по неблагонадежности подъ присмотръ полиціи, исключенный, со службы или изъ школы либералъ за грубость, за неповиновеніе начальству, за то, наконецъ, что споетъ какую-нибудь русскую марсельезу или провртся дерзко про власть. Такихъ было не мало лѣтъ тридцать тому назадъ. Но какъ романъ развился вмѣстѣ со временемъ и новыми явленіями, то лица, конечно, принимали въ себя черты и духъ времени и событій. Отъ этого и предположенный зародышъ неблагонадежнаго превратился къ концу романа уже въ рѣзкую форму Волохова, которая появлялась кое-гдѣ въ обществѣ Въ 1862 году, когда я ѣздилъ вновь по Волгѣ, прожилъ лѣто на родинѣ, былъ въ Москвѣ, мнѣ уже ясно опредѣлилось это лицо..."

То, что извѣстно въ нашей литературѣ подъ именемъ нигилизма, представляетъ точное „выраженіе проявившагося историческаго факта." Значеніе этого историческаго факта то, что онъ явился толчкомъ обществу по пути прогресса, сильно поколебавъ старые, общественные устои, непригодность которыхъ сдѣлалась очевидной, и расчистилъ мѣсто для другихъ. Волоховъ отрицаетъ современный законъ, современное право, религію, собственность, находитъ нужнымъ сокрушать традиціонный порядокъ и одновременно видитъ необходимость также въ созидательной работѣ, у него имѣется болѣе или менѣе опредѣленные планы и предположенія о будущемъ человѣчества, онъ говоритъ о свободѣ и „грядущей силѣ", о „зарѣ будущаго", о „юныхъ надеждахъ". Волоховъ даже занимается усиленной пропагандой своихъ идей, застрявшій противъ воли въ провинціальной глуши, онъ не оставляетъ мысли объ общественной работѣ по убѣжденію, и занимается тѣмъ, что „вспрыскиваетъ мозги живой водой", „учитъ дураковъ".

Основная черта Марка Волохова — это критическое отношеніе ко всему окружающему. Эта черта какъ нельзя лучше доказываетъ, что онъ обладаетъ недюжиннымъ умомъ, трезвымъ разсудкомъ, не поддающимся никакому чувству, не отступающимъ ни передъ вѣрой, ни передъ инстинктомъ. Маркъ Волоховъ сознаетъ всю нелѣпость многихъ предразсудковъ, существующихъ въ обществѣ, безсознательныхъ по его словамъ, „обычаевъ", традиціонныхъ положеній, встрѣчаться съ которыми приходится на каждомъ шагу, а обходить и избѣгать ихъ не полагается. Въ то же время герой этотъ не отрицаетъ принципа, какъ такового. У него имѣются свои вѣскія убѣжденія: онъ допускаетъ свободу, вѣритъ въ счастье, любовь, онъ вполнѣ сознательно относится къ той роли, которую приходится ему играть въ провинціальномъ обществѣ, — что видно изъ его словъ, что онъ „дѣйствуетъ по убѣжденію" въ ея цѣлесообразности, по убѣжденію, а не „въ силу ощущеній". Волоховъ уменъ отъ природы и къ тому съумѣлъ путемъ впечатлѣній развить свои умственныя способности и придать имъ такіе черты, какъ проницательность, сообразительность къ быстрой и вѣрной оцѣнкѣ всякаго факта, всякаго явленія.

Съ полною увѣренностью онъ говоритъ Райскому: „Вы не уѣдете... и романа не кончите ни живого ни бумажнаго...“ „Гдѣ ему — онъ неудачникъ!“ — разъясняетъ онъ свои слова удивленному Козлову. Очевидно, онъ сразу разгадываетъ Райскаго и не его одного; онъ отлично понимаетъ психологію всѣхъ обывателей, часто на ней играетъ и ни передъ кѣмъ не пасуетъ. Благодаря же самоувѣренности, Маркъ Волоховъ никогда не потеряетъ присутствія духа и въ самый критическій моментъ не растеряется, будетъ дѣйствовать хладнокровно.

Сужденія его рѣзки, особенно если онъ кого нибудь осуждаетъ. Эту черту можно объяснить тѣмъ, что ему приходится встрѣчаться въ жизни съ массой явленій и фактовъ, которые, съ его точки зрѣнія, ничѣмъ нельзя оправдать, которые не заслуживаютъ никакого снисхожденія, а, напротивъ, должны быть караемы строго и откровенно. Поэтому-то онъ говоритъ дерзости и грубости Райскому, пока окончательно не убѣждается, что онъ бездѣльный, пустой и развращенный свѣтскій молодой человѣкъ; его раздражаетъ наличность явленій, нецѣлесообразность которыхъ для него такъ ясна. Отчасти злоба, отчасти та же очевидная нелѣпость свѣтскаго этикета заставляютъ его отказаться отъ такъ называемыхъ „приличій“ деликатности. Волоховъ, дѣйствительно, не церемонится. Вспомнимъ хотя бы сцены его съ Райскимъ: какъ онъ у себя „на квартирѣ“ снимаетъ съ него пальто, какъ требуетъ съ него денегъ, какъ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, пріятно ли ему или непріятно, — говоритъ съ нимъ о Вѣрѣ, о Марфинькѣ, о „бабушкиной морали“. Онъ нисколько не стѣсняется ни съ Вѣрой, ни съ Тушинымъ, ни тѣмъ болѣе съ слабохарактернымъ Козловымъ. Однако, надо отдать справедливость, что подъ внѣшнею грубою оболочкою, у Волохова скрывается мягкая душа и доброе сердце. Это доказываютъ слова Козлова, когда онъ говоритъ о Маркѣ Волоховѣ: „А вѣдь въ сущности предобрый, когда хвораешь, ходитъ, какъ нянька, за лѣкарствомъ бѣгаетъ въ аптеку... И чего не знаетъ? Все! Только ничего не дѣлаетъ, да покою никому не даетъ, шалунище непроходимый“.

Привычка ставить на первый планъ знаніе и умъ заставляетъ его критически относиться къ чувству. Мы видимъ, что онъ не вѣритъ въ любовь, какъ отвлеченное чувство, привязанность, симпатію, а толкуетъ всякое влеченіе или побужденіе физическими ощущеніями, тѣмъ же объясняетъ и любовь. Къ проявленіямъ же чувствъ — ,,романтизму" онъ относится съ явнымъ презрѣніемъ. Такъ, при послѣднемъ своемъ свиданіи съ Вѣрой онъ говоритъ слѣдующее: ,,Весь вѣкъ живете въ полѣ, въ лѣсу, и не видите этихъ опытовъ... Смотрите сюда, смотрите тамъ..." Онъ указалъ ей на кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ. ,,Учитесь у нихъ, они не умничаютъ". Волоховъ совѣтуетъ хватать, ловить на лету счастье, разъ только оно идетъ въ руки. Отсюда становится понятнымъ отрицательное отношеніе Волохова къ браку: постоянство въ любви, по его мнѣнію, по крайней мѣрѣ, нелѣпость.

О Волоховѣ нельзя сказать, чтобы онъ былъ честенъ... Слишкомъ ужъ, можетъ быть, съ различныхъ точекъ зрѣнія смотримъ мы съ нимъ на предметы, но только нѣкоторые его поступки нельзя назвать честными... Хотя бы поддѣланное имъ письмо къ Райскому, или показаніе, данное имъ безъ согласія Райскаго губернатору, относительно присутствія у него, Волохова, нелегальныхъ книгъ, полученныхъ будто бы отъ Райскаго. Впрочемъ, Волоховъ самъ сознается Райскому, что для него это ,,ни честно, ни не честно, а полезно." Волоховъ съ покойной совѣстью можетъ соврать, надуть и даже подвести человѣка, если это ему ,,полезно". У Волохова ни въ чемъ не проявляется гордость, ни вообще чувство самоуваженія. Если бы его побили, то онъ, весьма возможно, не почувствовалъ бы личной обиды, а возмутился бы только надругательствомъ надъ правами человѣка и неприкосновенностью личности.

Волохову не хватаетъ огромной душевной крѣпости и силы воли. Роль, которую онъ играетъ въ романѣ съ Вѣрой, какъ нельзя лучше подтверждаетъ это. Ему, какъ самъ онъ говорилъ, давно пора исчезнуть изъ города и заняться работою, въ другомъ мѣстѣ. Въ необходимости труда онъ убѣжденъ, цѣлесообразность его подтверждается опытомъ. Въ городѣ

начали ,,шевелиться", и, однако, онъ не можетъ покинуть городъ изъ-за Вѣры, хотя онъ знаетъ, что врядъ ли ему удастся переубѣдить Вѣру, а если и удастся, то это будетъ только счастье нѣсколькихъ мѣсяцевъ для него и окончательно разбитая жизнь для Вѣры.

Тотъ же самый недостатокъ силы воли, неумѣніе взять себя въ руки дѣлаютъ Волохова неспособнымъ къ постоянному труду. Онъ ничѣмъ опредѣленнымъ не занимается, кромѣ ,,вспрыскиванія мозговъ живой водой". И это будто бы потому, какъ онъ объясняетъ Райскому, что ,,поприща, арены для него нѣтъ". ,,Я смертельно хочу дѣлать, но — я думаю — не буду", вполнѣ откровенно говоритъ онъ. Волоховъ, разрушая, очищаетъ тотчасъ же мѣсто для новой постройки и въ этомъ заключается цѣль его дѣятельности. Онъ не брезгуетъ старымъ матеріаломъ и пускаетъ его въ жизненный оборотъ, лишь вспрыснувъ живой водой. Какъ общественный дѣятель, Волоховъ описанъ очень неясно; по отрывочно высказаннымъ мыслямъ можно судить, что у него должна была быть какая-нибудь программа созидательной работы, но въ чемъ заключается она — весьма туманно. Все, что есть въ Волоховѣ опредѣленнаго и положительнаго принадлежитъ нигилизму.

Гончаровъ, по своимъ симпатіямъ, убѣжденіямъ, не могъ относиться враждебно къ крайнему теченію русскаго прогресса — нигилизму; вмѣстѣ съ тѣмъ по своему общественному положенію, (въ качествѣ цензора столичной печати) онъ не имѣлъ возможности близко ознакомиться съ этимъ своеобразнымъ общественнымъ явленіемъ; ни любить, ни знать близко нигилизма Гончаровъ не могъ, а значитъ и не имѣлъ возможности правдиво во всей полнотѣ его изобразить. Новое поколѣніе, по мнѣнію Гончарова, олицетворяется въ его романѣ въ личности Тушина; Волоховъ же представляетъ собою олицетвореніе ,,новой лжи". ,,Волоховъ, — говоритъ онъ, — не соціалистъ, не доктринеръ, не демократъ. Онъ радикалъ и кандидатъ въ демагоги: онъ съ почвы праздной теоріи безусловнаго отрицанія готовъ перейти къ дѣйствію — и перешелъ бы, если-бъ у насъ могла демагогія выразиться ярче и перейти въ дѣйствіе, т. е. если-бъ у насъ была возможна широкая пропаганда коммунизма, интернаціональная подземная работа

и т. п. Онъ и пошелъ бы на это поле работать — искренно, потому, что я взялъ не авантюриста, бросающагося въ омутъ для выгоды ловить рыбу въ мутной водѣ, а — съ его точки зрѣнія—честнаго, т. е. искренняго человѣка, не глупаго, съ нѣкоторой силой характера. И въ этомъ — условіе успѣха. Не умышленная ложь, а его собственное искреннее заблужденіе только и могли вводить въ заблужденіе и Вѣру и другихъ. Плута всѣ узнали бы разомъ и отвернулись бы отъ него...” Предположимъ, что въ лицѣ Марка Волохова изображено не все молодое поколѣніе, а одни только, какъ выражается Гончаровъ, ,,демократы и демагоги”, то и эти люди, какъ бы они, по мнѣнію автора, ни заблуждались, какъ бы ни были ложны ихъ ученія, — далеко не представляли бы изъ себя такихъ карикатурныхъ фигуръ, какой представляется въ романѣ Маркъ Волоховъ.

В Ѣ Р А.

Въ лицѣ Вѣры Гончаровъ даетъ симпатичный типъ прогрессивной женщины. У прогрессивныхъ женщинъ всегда идетъ напряженная работа ума, чувства и воли; ихъ внутренній міръ отличается большимъ богатствомъ и разнообразіемъ, а поэтому не удивительно, что Гончаровъ съ особенною любовью остановился на женщинѣ этого типа.

Вѣра — родная сестра Марѳиньки, выросшая и воспитанная въ одинаковыхъ съ нею условіяхъ. Однако, между ними громадная разница: Вѣра и Марѳинька представляютъ такую же противоположность, какъ пушкинскія Татьяна и Ольга Ларины. Марѳинька — дѣвушка простая, добрая, жизнерадостная, Вѣра — натура серьезная, самостоятельная, жаждущая дѣятельной осмысленной жизни, самъ Гончаровъ смотрѣлъ на нее, какъ на дальнѣйшее развитіе характера Ольги. Вѣра представляетъ собой новый типъ, новое явленіе въ русской жизни, тогда какъ Марѳинька развилась и воспиталась въ духѣ русской старины и хорошо подошла бы къ тому идеалу женщины, о которомъ мечтаетъ Обломовъ. Вѣра является женскимъ образомъ переходной эпохи, отъ котораго вѣетъ грустнымъ трагизмомъ; характеръ ея, разработанный Гончаровымъ съ такою же художественной полнотой и правдой,

какъ и у Ольги, но еще болѣе обязателенъ, благодаря богатству духовныхъ силъ, сердечности и женственной граціи.

Съ Вѣрою мы знакомимся въ романѣ въ тотъ періодъ ея жизни, когда она любитъ и, благодаря этому обстоятельству, передъ читателемъ раскрывается ея душа до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ. Обыкновенно завязкой любого романа или какой угодно повѣсти служитъ любовь, такъ какъ во время развитія этого чувства и связанной съ нимъ нерѣдко борьбы лучше всего выясняется характеръ дѣйствующихъ лицъ, давая возможность автору ярко и рельефно обрисовать и выяснить всѣ положенія взятаго имъ сюжета. Такъ поступилъ Гончаровъ со своей героиней и у Вѣры не оказалось ни одной неясной черточки; она вся, во весь ростъ стоитъ передъ нашимъ взоромъ.

Вѣра прежде всего поражаетъ читателя своею самостоятельностью и гордымъ умомъ. Она поражаетъ физической и умственной красотой. Точеныя черты лица, великолѣпныя темныя волосы, бархатный черный взглядъ ослѣпляли всякаго человѣка, кто только видѣлъ эту замѣчательную дѣвушку. Но не одна только наружность Вѣры останавливала на себѣ вниманіе. Ея разговоръ блисталъ остроуміемъ и юморомъ, сдѣланные ею выводы поражали своею глубиною и шириною захвата мысли; иногда проглядывала обширная начитанность, притомъ все это такъ просто, такъ естественно обнаруживалось, что собесѣдникъ изумлялся, не успѣвалъ опомниться.

Вѣра съ дѣтства была одарена пытливымъ умомъ, сильнымъ, независимымъ характеромъ, большою долей самостоятельности, побуждающей ее, помимо всякихъ непосредственныхъ вліяній, самобытно вырабатывать свое міровоззрѣніе. При такихъ природныхъ задаткахъ Вѣра никакъ не можетъ' прійтись ко двору старой русской жизни, сторонникамъ которой она, кажется, не даромъ „мудреной". „Свой умъ, видишь ли, и своя воля выше всего", — жалуется на нее бабушка Райскому, — „и бабушка не смѣй спросить ни о чемъ: и нѣтъ ничего, не знаю, да не вѣдаю. На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мною, а я не знаю, что она любитъ, что нѣтъ". Она по замѣчательно вѣрному выраженію Марѳиньки, „не здѣшняя".

Не будучи способна, благодаря своей духовной организаціи, слиться съ окружающимъ ее міромъ, она подвергаетъ его анализу, выдѣляетъ въ немъ старую ложь отъ старой правды. Работа эта далась ей не легко. „Исключительная, глубокая натура ея долго довольствовалась тѣмъ запасомъ наблюденій, не большихъ опытовъ, которые она добывала около себя. Нѣсколько человѣкъ замѣняли ей толпу; то, что другой соберетъ со многихъ встрѣчъ, во многіе годы и во многихъ мѣстахъ, давалось ей въ двухъ-трехъ уголкахъ, по ту и другую сторону Волги, съ пяти и шести лицъ, представлявшихъ для нея весь людской міръ". Но вскорѣ пришли къ ей на помощь книги, и она жадно набросилась на нихъ, думая тамъ найти пищу для ума, желая разрѣшить „проклятые" вопросы: въ чемъ правда, какъ надо жить? Она усердно принялась за Спинозу, Вольтера, Макколея, Прудона, Гизо и др. Дѣйствительно, постепенно кругозоръ ея расширялся и прояснялся. Но она не поддалась безсознательному вліянію великихъ мыслителей и ученыхъ. Въ области мысли, знанія, какъ и вообще въ жизни, она шла осторожно, не принимая на вѣру авторитетовъ, не полагаясь на нихъ слѣпо. Какъ ни тѣсно ей было въ рамкахъ устарѣвшихъ формъ жизни, но она не отрицала ихъ съ плеча, а брала съ нихъ то, что заслуживало уваженія. И вотъ, мало-по-малу составился у нея свой идеалъ жизни, въ которомъ ей хотѣлось соединить лучшія черты прошлаго съ тѣмъ новымъ, что вынесла она изъ книгъ и критическаго созерцанія окружающей жизни. „Смѣлость, независимость мысли" сквозили въ каждой фразѣ, быстрота мысли согласовалась съ быстротою взора, тамъ гдѣ ощущался недостатокъ положительныхъ знаній приходилъ на помощь инстинктъ.

Замѣчательно то, что Вѣра не расточала свои сокровища; она, напротивъ, отличалась молчиливостью, замкнутостью. Послѣднее качество является одною изъ характерныхъ чертъ ея натуры. Она любила уединеніе, даже поселилась отдѣльно отъ родныхъ въ старомъ домѣ. Поступила она такъ еще и потому, что была самостоятельна и самолюбива въ высшей степени. Когда появился Маркъ Волоховъ съ полнымъ отрицаніемъ „всего, отъ начала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и по-

роковъ", она стала внимательно вслушиваться въ горячую проповѣдь этого новаго апостола. Много изъ того, что такъ безпощадно бичевалъ Волоховъ въ старомъ мірѣ, Вѣра сама не признавала, но въ его рѣчахъ она тоже не видѣла идеаловъ, добра, правды, любви, человѣческаго существованія, къ чему такъ мучительно рвалась ея душа, а въ то же время крупицы ихъ, — она это знала, — были въ той жизни, на которую нападалъ съ такою враждою и презрѣніемъ Волоховъ. На этой почвѣ разгорѣлась страстная борьба двухъ міросозерцаній. Вѣра не понимала того, что ея взгляды и взгляды Волохова, даже подъ вліяніемъ чувства любви, не могутъ слиться, примириться, и она потерпѣла страшное пораженіе.

Вѣра, одна изъ жертвъ борьбы новой жизни со старой. Она не хотѣла жить слѣпо, по указу старшихъ. Она сама знала, что отжило въ старой, и давно тосковала, искала свѣжей осмысленной жизни, хотѣла сознательно найти и принять новую правду, удержавъ и все прочее, коренное, лучшее въ старой жизни. Она хотѣла не разрушенія, а обновленія. Но она „не знала", гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее только отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золъ и бѣдъ и не приготовила ни къ какимъ невѣдомымъ ей самой бѣдамъ. Изъ ея разговоровъ съ Волоховымъ и Райскимъ видно, что она неустанно воевала съ ними изъ за того, что они оба хотѣли подчинить себѣ ея умъ и волю. Она мужественно защищалась отъ ихъ нападеній при помощи всѣхъ своихъ умственныхъ средствъ; въ спорахъ на каждомъ шагу блеститъ ея остроуміе, видна иронія. Даже по отношенію къ воспитавшей ее бабушкѣ сумѣла она стать въ независимое положеніе, стремясь жить исключительно своимъ умомъ, а не по указкѣ. Поэтому-то Вѣра поставила себя обособленно, никого не подпуская къ себѣ. Почти всѣмъ она представлялась непроницаемой, неуловимой, такъ какъ ни передъ кѣмъ не открывала тайниковъ своей души и съ изумительнымъ умѣніемъ всегда владѣла собою. Одна только Наташа, жена священника, ея бывшая подруга по пансіону, пользовалась ея довѣріемъ, да Тушина она не сторонилась.

Молодая дѣвушка была „осторожна и скупа въ своихъ симпатіяхъ", такъ хорошо видѣла ничтожество окружающихъ,

была очень горда и боялась ошибиться въ своемъ выборѣ, чтобы послѣ не жалѣть. Она была одна изъ тѣхъ натуръ, у которыхъ умъ властвуетъ надъ сердцемъ. Вѣдь и Волоховъ завладѣлъ исключительно только сердцемъ, „но не одолѣлъ ея ума и воли". Увидѣвъ, что они никогда не могутъ сойтись въ своихъ убѣжденіяхъ, Вѣра порвала съ Волоховымъ, не считаясь съ силой своей любви и страсти.

Она разъясняетъ ему причину своего чувства слѣдующимъ образомъ: „Мнѣ сначала было жалко васъ... Я горячо къ сердцу приняла вашу судьбу... Я страдала не за одинъ этотъ темный образъ жизни, но и за васъ самихъ, упрямо шла блуждать въ одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ... думала, что выйдетъ человѣкъ нужный, сильный..." И во всемъ этомъ ей приходится окончательно разочароваться, ожиданія ея не оправдались и Вѣра переломила себя, правда, съ трудомъ, послѣ отчаянной нравственной борьбы. Этому помогло и сознаніе долга, которое въ Вѣрѣ сидѣло очень крѣпко: она еще ни слова не сказала бабушкѣ о своемъ знакомствѣ съ Волоховымъ, думая представить его ей, въ качествѣ своего жениха; она не могла рѣшиться на незаконную связь съ нимъ, потому что это не сходилось съ ея религіознымъ чувствомъ. Въ Бога же и въ церковь Вѣра искренне вѣрила: въ молитвѣ она искала забвенія и утѣшенія, и, когда ее постигла катастрофа, просила у бабушки благословенія.

Несмотря на свою гордость, Вѣра, при посредствѣ Райскаго покаялась бабушкѣ, разсказала ей всю трагическую исторію своей любви къ Волохову, не скрывая ни одной капли, такъ какъ этого требовалъ ея долгъ, требовала ея искренняя, правдивая натура. По той же самой причинѣ не скрыла этого она и отъ Тушина, который, какъ она знала, любилъ ее глубоко и даже сдѣлалъ ей предложеніе. Своею откровенностью она разбила сердце двухъ любящихъ ее существъ.

Въ другой разъ, когда она вернулась съ послѣдняго свиданія съ Волоховымъ и силы ея физическія пали, духъ изнемогалъ, она увидѣвъ страданія Райскаго, который только что жестоко обидѣлъ ее, она „забыла всю свою бурю" и подала

ему руку помощи, стараясь смягчить своимъ любовнымъ участіемъ его душевныя терзанія. Любовью къ Волохову Вѣра была слишкомъ захвачена, она жила этой любовью, радовалась, страдала, только по поводу этого чувства. Въ этомъ чувствѣ сказалось все ,,самоволіе ея мысли и чувства": страстность. На это могла пойти лишь натура столь смѣлая, характеръ столь твердый, какимъ была Вѣра. Вѣра является передъ нами готовой, сформировавшейся личностью, съ вполнѣ сформировавшимся міросозерцаніемъ и съ сознаніемъ своихъ правъ и своего положенія въ мірѣ.

Изъ статьи ,,Лучше поздно, чѣмъ никогда", становится очевиднымъ, что Гончаровъ въ крушеніи Вѣры видитъ не столько ее самое, сколько бабушку, олицетворяющую собою старую русскую жизнь, старшее поколѣніе. Бабушка ,,знала одну-старую правду и старую ложь; но новой правды боялась и, боясь, не узнала и новой лжи и не приготовила къ тому и другому Вѣру". Старшее поколѣніе учило женщину жить по старинѣ и не только не помогало, а напротивъ, всѣми мѣрами препятствовало тому инстинктивному движенію къ познанію новыхъ основъ жизни, которое появлялось у наиболѣе самостятельныхъ натуръ. Однако же оно не могло оградить ее отъ вліянія чужихъ и враждебныхъ ему вѣяній, которыя все же манили къ себѣ русскую женщину, и она, пытаясь самостоятельно вкусить отъ древа познанія добра и зла, нерѣдко разбивала свою молодую жизнь, не будучи въ силахъ примирить старое и новое, выбрать между ними золотую середину.

БЕРЕЖКОВА

Въ лицѣ Татьяны Марковны Бережковой Гончаровъ хотѣлъ изобразить Россію той эпохи или вѣрнѣе, старую консервативную русскую жизнь.

,,Я писалъ, — говоритъ авторъ, — съ русской старой женщины или съ русскихъ старыхъ женщинъ стараго добраго времени — коллективно, не думая ни о какой параллели, должно быть она инстинктивно гнѣздилась въ моей головѣ и, когда я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее, — у меня въ кон-

цѣ книги вырвались послѣднія слова, которыми я и кончилъ романъ. Вотъ они: ,,За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали его къ себѣ три фигуры: его Вѣра, его Марѳинька и бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка—Россія".

,,Вотъ что отразилось, или, если я слабый художникъ, и не одолѣлъ образа, то по крайней мѣрѣ вотъ что просилось отразиться въ моей старухѣ, какъ отражается солнце въ каплѣ воды: старая, консервативная жизнь! Однако такое широкое и всеобъемлющее обобщеніе Гончарову не вполнѣ удалось, изъ бабушки вышла все-таки не болѣе, какъ бабушка; тѣмъ не менѣе типъ этотъ во всякомъ случаѣ замѣчателенъ, какъ олицетвореніе лучшей старой женщины, какая только могла произрасти на почвѣ патріархальнаго быта.

Одной изъ наиболѣе бросающихся въ глаза особенностей ея, какъ характерной представительности господствовавшихъ понятій дореформенной дворянской жизни, является консерватизмъ, вѣрность установившимся принципамъ, безсознательная боязнь всего новаго, въ какой бы формѣ оно не обнаружилось или отразилось. ,,Бабушка говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости". Если этой женщинѣ когда нибудь приходится отступить отъ незыблемо положенныхъ традиціями прошлаго порядковъ, то она приходитъ въ смущеніе и безпокойство, старается оправдать свое отступленіе, отыскивая что-нибудь подобное въ прошломъ. Такимъ образомъ бабушка — живое олицетвореніе старины. Вѣрная ея замкнутой, родовой обособленности, она знать не хочетъ другой жизни сколько нибудь отмѣнной отъ той, какую вели ея предки; ,,горизонтъ ея кончается съ одной стороны полями, съ другой — Волгой и ея горами, съ третьей городомъ, а съ четвертой—дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ". Родовые и сословные интересы у нея стоятъ на первомъ планѣ. Она, напримѣръ, горько сокрушается о томъ, что ея внукъ собирается сдѣлаться артистомъ или ,,приказнымъ", такъ какъ это, по ея убѣжденіямъ, унизило бы его родъ. Единственнымъ достойнымъ дворянина поприщемъ она считаетъ военную службу и желала бы видѣть внука не въ

„короткохвостомъ сюртучишкѣ", а въ эполетахъ, какъ дядю Сергѣя Ивановича.

Авторитетъ старшихъ въ глазахъ бабушки, есть святыня, не слѣдовать которой, по ея понятіямъ, значитъ итти на гибель. Марѳинька, которая воспитана въ ея правилахъ, не смѣетъ даже мечтать о чемъ-нибудь безъ разрѣшенія бабушки. Это ревнивое охраненіе авторитета и власти старшихъ дѣлаетъ бабушку до нѣкоторой степени деспотомъ, и если ея деспотизмъ не ложится тяжелымъ бременемъ на окружающихъ, то только потому, что смягчается нѣжной любовью къ нимъ.

Давъ яркую картину дореформенной жизни и ея представителей въ дворянской, помѣщичьей средѣ, Гончаровъ въ „Обрывѣ" показалъ, какія натуры наиболѣе склонны къ тому, чтобы подчиниться этой жизни и съ большей или меньшей вѣрностью хранить ея завѣты. Это — Марѳинька и Викентьевъ. Чета эта не безпокоитъ бабушку. Она отлично знаетъ, что они изъ „послушанія не выйдутъ и будутъ жить, какъ она укажетъ". И бабушка въ этомъ случаѣ не ошибается. Марѳинька и ея женихъ принадлежатъ къ тѣмъ натурамъ, которыя съ самаго рожденія оказываются вполнѣ приспособленными къ окружающей ихъ дѣйствительности, удовлетворяются тѣмъ, что она можетъ дать имъ, невольно проникаются господствующими идеями и не пытаются передѣлать ея застывшихъ опредѣленныхъ формъ.

„Русскіе Марѳиньки и Викентьевы никогда не ослушаются бабушки". Они охотно будутъ жить по ея указкѣ, покорно слѣдуя ея завѣтамъ, не чувствуя потребности въ идеалахъ новаго счастья; не тяготясь жизнью въ своей средѣ. Это представительство толпы, большинства, которое всегда консервативно и уже по этому одному остается вѣрнымъ тѣмъ завѣтамъ, которые переданы ему старшимъ поколѣніемъ.

ТУШИНЪ.

Тушинъ, олицетворяющій въ романѣ лучшую часть молодого поколѣнія и являющійся положительнымъ типомъ „новаго человѣка", — представитель нашей настоящей партіи дѣйствія, залогъ „нашего прочнаго будущаго".

Черты чрезмѣрной идеализаціи этого образа сквозятъ на каждомъ шагу. „Это — по мѣткому замѣчанію одного критика — экстрактъ всевозможныхъ добродѣтелей". Въ немъ мы находимъ „и мускульную силу, и желѣзную волю, и змѣиную мудрость, и голубиную кротость, и наивную простоту, и энергичную дѣятельность, и умѣніе жить-поживать, да добро наживать, да такое добро, что и самъ онъ катался, какъ сыръ въ маслѣ и мужички его благоденствовали".

О томъ, какъ могла сложиться подобная личность, при условіяхъ крѣпостнаго права, Гончаровъ не разсказываетъ подробно, а лишь ограничивается общими замѣчаніями о томъ, что онъ „не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммой тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли" и т. п. Но если видѣть въ Тушинѣ случайное счастливое соединеніе разнообразныхъ положительныхъ свойствъ человѣческаго духа, если оно также рѣдко встрѣчается, какъ самородки золота, то невольно является вопросъ, какъ же можно утверждать, что на смѣну старой жизни „на всей лѣстницѣ общества" явятся новые труженики — Тушины; вѣдь всѣмъ извѣстно, что „самородки" въ человѣческой средѣ не такъ часто встрѣчаются...

И съ Тушинымъ, какъ со Штольцемъ („Обломовъ"), вышло очевидное недоразумѣніе, причиной котораго является отсутствіе художественной и жизненной правды въ образѣ Тушина. Въ немъ авторъ хотѣлъ воплотить новыя теченія въ русской жизни, какъ они представлялись его творческому воображенію. Однако, какъ мы уже выше отмѣтили, Гончаровъ по свойствамъ своего характера могъ хорошо создавать и изображать только установившіяся, успокоившіяся формы жизни, принявшія вполнѣ опредѣленныя, законченныя образы. Все же то, что находилось въ процессѣ развитія, что не поддалось поэтому вдумчивому и медленному наблюденію, съ чѣмъ ему лично не удалось близко познакомиться, то выходило довольно блѣднымъ, порой даже неестественно и отчасти фальшиво.

Въ романахъ ,,Обыкновенная исторія'' ,,Обломовъ'' и ,,Обрывъ'' изображаются не только характерные типы представителей дореформенной жизни 40—60 годовъ, но передъ взоромъ читателя проходятъ, кромѣ помѣщиковъ, крѣпостные люди, чиновничество, столичная и провинціальная аристократія, и всѣ эти слои русскаго общества выступаютъ въ ярко очерченныхъ, художественныхъ образахъ, давая въ общемъ единственную по своей яркости, полнотѣ и законченности картину дореформенной Руси въ послѣднія два-три десятилѣтія ея существованія. Вслѣдствіе этого, три большіе романы Гончарова представляютъ собою богатый матеріалъ для изученія русской жизни, главнымъ образомъ ея культурныхъ классовъ. ,,Обыкновенная исторія'', ,,Обломовъ'' и ,,Обрывъ'' сохранили для потомства неувядаемые портреты старой Руси, какою она была не въ лучшихъ своихъ представителяхъ, а въ ,,среднемъ человѣкѣ''. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти произведенія навсегда останутся блестящими памятниками русскаго художественнаго слова, согрѣтаго теплой любовью автора къ человѣку, участливымъ отношеніемъ къ его страданіямъ, ошибкамъ и заблужденіямъ, свѣтлою вѣрою въ зарю лучшаго будущаго.

Оглавленіе.

	Стр.
Біографическій очеркъ	5
Особенности таланта Гончарова	17
„Обыкновенная исторія".	
Общія замѣчанія	22
Содержаніе романа:	
Часть первая	24
Часть вторая	30
Эпилогъ	35
Характеристика дѣйствующихъ лицъ:	
Александръ Адуевъ	36
Петръ Ивановичъ Адуевъ	46
Анна Ивановна Адуева	50
Юморъ въ сопоставленіи двухъ Адуевыхъ	53
„Обломовъ".	
Общія замѣчанія	57
Содержаніе романа:	
Часть первая	59
Сонъ Обломова	62
Часть вторая	65
Часть третья	69
Часть четвертая	74
Характеристика дѣйствующихъ лицъ:	
Илья Ильичъ Обломовъ	78
Андрей Ивановичъ Штольцъ	97
Ольга Ильинская	103
Захаръ	108
Михаилъ Андреевичъ Тарантьевъ	113
Иванъ Матвѣевичъ Мухояровъ	115

Стр.

Общественное и художественное значеніе романа . 116

„Фрегатъ Паллада".

Общія замѣчанія 120

Содержаніе „Фрегата Паллады" 122

„Обрывъ".

Общія замѣчанія 149

Характеристика дѣйствующихъ лицъ:

Райскій 150

Волоховъ 159

Вѣра 164

Бережкова 169

Тушинъ 171

М-1
2-00
2075
4

Книгоиздательство „ОРОСЪ“

Поступило въ продажу:

		Цѣна Р. К.
Майковъ, Б. А.	Разборъ главн. произв. Тургенева, ч. I и II	1 —
	„ „ „ Гоголя	1 —
	„ „ „ Пушкина	1 —
	„ „ „ Лермонтова . .	— 80
	„ „ „ Гончарова . . .	— 80
	„ „ „ Островскаго. . .	— 75
	„ „ „ Л. Н. Толстого. .	1 25

„Корифеи русскаго слова“

Ломоносовъ.	Жизнь и творчество.	— 40
Державинъ.	„ „	— 50
Карамзинъ.	„ „	— 35
Жуковскій.	„ „	— 95
Грибоѣдовъ.	„ „	— 70
Пушкинъ.	„ „	— 90
Гоголь.	„ „	— 80
А. Толстой.	„ „	— 45
Л. Толстой.	„ „	1 10
Лермонтовъ.	„ „	1 20
Тургеневъ.	„ „	— 80
Крыловъ.	„ „	— 35
Гончаровъ.	„ „	1 —
Достоевскій.	„ „	— 90
Островскій.	„ „	— 80

„Школьная библіотека“

Разборъ „Горя отъ ума“	— 40
„ „Мертвыхъ душъ“	— 50
„ „Ревизора“	— 25
„ „Евгенія Онѣгина“	— 35
„ „Слова о полку Игоревѣ“	— 30
„ „Записокъ охотника“	— 35
„ „Рудина“	— 35
Кольцовъ. Жизнь и творчество	— 40

ВАРШАВА, Новый-Свѣтъ, №. 70.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00034972575